

ISSN 2414-5815

ПРАВО
ЭКОНОМИКА
ПСИХОЛОГИЯ

научно-практический журнал

№ 1(25)

2022
ВИТЕБСК

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ПСИХОЛОГИЯ

Научно-практический журнал

Выходит 4 раза в год
Издается с января 2015 года

2022 № 1(25)

Учредитель: учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Главный редактор:
В.В. Богатырёва

Редакционная коллегия:

А.А. Бочков (ответственный за раздел «Право»),
Э.В. Павлыш (ответственный за раздел «Экономика»),
С.Л. Богомаз (ответственный за раздел «Психология»),
В.Н. Бибило, А.В. Бугаев,
Е.В. Ванкевич, Г.А. Василевич,
П.В. Гурщенок, Д.М. Демичев,
А.Г. Егорова, В.С. Елисеев, Т.В. Казак,
Т.Е. Косаревская, Н.В. Кухтова,
С.В. Лауткина, Г.В. Лосик,
А.Н. Пастушеня, Л.А. Пергаменщик,
Л.Ф. Трацевская, И.А. Фурманов,
И.И. Шматков, В.А. Янчук, Г.А. Яшева

Редакционный совет:

Т.В. Воронович (Беларусь),
С.А. Трахименко (Беларусь),
В.М. Хомич (Беларусь),
Ю.Н. Карандашев (Польша),
Т.В. Сенько (Польша),
В.А. Моляко (Украина),
Н.А. Адамов (Россия),
Л.В. Винницкий (Россия),
Р.А. Курбанов (Россия),
В.А. Мазилев (Россия),
К.В. Павлов (Россия),
А.И. Савенков (Россия),
С.М. Шингаев (Россия)

Научно-практический журнал
«Право. Экономика. Психология»
включен в Перечень научных изданий
Республики Беларусь
для опубликования результатов
диссертационных исследований
по юридической, экономической
и психологической отраслям науки

Адрес редакции:

210038, Беларусь,
г. Витебск, Московский пр-т, 33
Тел.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

Журнал зарегистрирован
в Министерстве информации
Республики Беларусь
за № 1806 от 08.02.2016

П Р А В О

- Бондаренко В.М.** Конституционно-правовой статус государственной границы: некоторые теоретические и правовые особенности 3
- Ивашкевич Е.Ф.** Компетенция омбудсменов и формы их реагирования на обращения граждан в зарубежных странах 9
- Козак М.А.** Контрольные полномочия Президента в системе органов представительной власти Республики Беларусь 20
- Чеговадзе Л.А.** Юридические факты уголовного права в судебных решениях по гражданским делам 26

Э К О Н О М И К А

- Богатырёва В.В., Капусто А.В., Костюкова С.Н., Черевко Н.С.** Разработка финансового механизма мотивации специалистов коммерческого банка 32
- Бидзюра Е.А.** Социальный и человеческий капитал в контексте обеспечения экономической безопасности 40
- Сташевская М.П.** Развитие информационно-коммуникационных технологий как основа становления цифровой экономики Республики Беларусь 44
- Турковский С.Р.** Диагностика организационно-управленческой составляющей инновационной системы Российской Федерации 52

П С И Х О Л О Г И Я

- Богомаз С.Л., Циркунова Н.И., Гущина Е.А.** Терминологическое поле исследования прокрастинации в различных психологических традициях 60
- Ковалевская Т.Н.** Современные тенденции в изучении психосоциальной адаптации детей, рожденных с задержкой развития плода 66
- Позняк К.В.** Ограниченная рациональность как принцип поведения личности в ситуации принятия решений 71
- Медведская Е.И., Турковская Е.В., Турковский В.И.** К проблеме формирования информационной культуры личности как составляющей гражданского воспитания (на материале понимания студентами информации в разных видах коммуникации) 78
- Шевцов А.В.** Формы использования конструктивного потенциала средств информационных технологий в развитии личности подростка 84
- Лапанов П.С.** Клиническая ролевая игра как способ исследования эмоциональной реактивности 93

LAW. ECONOMICS. PSYCHOLOGY

Scientific and practical journal

Issued 4 times a year
Published since January 2015

2022 № 1(25)

Founder: Educational Establishment
“Vitebsk State P.M. Masherov University”

Editor-in-Chief:
V.V. Bogatyreva

Editorial Board:
A.A. Bochkov (*in charge of the Law Studies section*),
E.V. Pavlysh (*in charge of the Economics Studies section*),
S.L. Bogomaz (*in charge of the Psychology Studies section*),
V.N. Bibilo, A.V. Bugayev,
E.V. Vankevich, G.A. Vasilevich,
P.V. Gurschenkov, D.M. Demichev,
A.G. Egorova, V.S. Yeliseyev, T.V. Kazak,
T.E. Kosarevskaya, N.V. Kukhtova,
S.V. Lautkina, G.V. Losik,
A.N. Pastushenia, L.A. Pergamenschik,
L.F. Tratsevskaya, I.A. Furmanov,
I.I. Shmatkov, V.A. Yanchuk, G.A. Yasheva

Editorial Council:
T.V. Voronovich (*Belarus*),
S.A. Trakhimenok (*Belarus*),
V.M. Khomich (*Belarus*),
Yu.N. Karandashev (*Poland*),
T.V. Senko (*Poland*),
V.A. Moliako (*Ukraine*),
N.A. Adamov (*Russia*),
L.V. Vinnitski (*Russia*),
R.A. Kurbanov (*Russia*),
V.A. Mazilov (*Russia*),
K.V. Pavlov (*Russia*),
A.I. Savenkov (*Russia*),
S.M. Shingayev (*Russia*)

Scientific and practical journal
“Law. Economics. Psychology”
is included in the List of scientific publications
of the Republic of Belarus
for publication of the results
of dissertation research
in law, economic and psychological
fields of science

Edition address:
210038, Belarus,
Vitebsk, 33 Moskovsky Prospect
Tel.: +375 (212) 37-48-93
E-mail: nauka@vsu.by
<http://www.vsu.by>

The journal is registered
in the Ministry of Information
of the Republic of Belarus
under № 1806 dated 08.02.2016

LAW

- Bondarenko V.M.** Constitutional Legal Status of the State Border: Some Theoretical and Legal Features 3
- Ivashkevich E.F.** Ombudsmen Competences and Ways, They React to Citizens' Appeals in Foreign Countries 9
- Kozak M.A.** Control Powers of the President in the System of Representative Authorities of the Republic of Belarus 20
- Chegovadze L.A.** Legal Facts of Criminal Law in Court Decisions on Civil Cases 26

ECONOMICS

- Bogatyreva V.V., Kapusto A.V., Kostiukova S.N., Cherevko N.S.** Development of the Financial Mechanism for Commercial Bank Personnel Motivation 32
- Bidziura E.A.** Social and Human Capital in the Context of Ensuring Economic Security 40
- Stashevskaya M.P.** Development of Information and Communication Technologies as the Basis for the Formation of Digital Economy in the Republic of Belarus 44
- Turkovski S.R.** Diagnostics of the Organizational and Managerial Component of the Innovation System of the Russian Federation ... 52

PSYCHOLOGY

- Bogomaz S.L., Tsirkunova N.I., Gushchina E.A.** Terminological Field of Procrastination Research in Various Psychological Traditions 60
- Kovalevskaya T.N.** Current Trends in the Study of Psychosocial Adaptation of Children Born With Intrauterine Fetal Growth Retardation 66
- Pozniak K.V.** Bounded Rationality as a Principle of Personality Behavior in a Decision-Making Situation 71
- Medvedskaya E.I., Turkovskaya E.V., Turkovski V.I.** To the Issue of Shaping Personality Information Culture as a Component of Civil Education (on the Material of Student Understanding Information in Different Communication Types) 78
- Shevtsov A.V.** Forms of the Application of the Constructive Potential of Information Technologies in the Development of the Teenager Personality 84
- Lapanov P.S.** Clinical Role Play as a Way to Explore Emotional Reactivity 93

Конституционно-правовой статус государственной границы: некоторые теоретические и правовые особенности

Бондаренко В.М.

Учреждение образования «Белорусский государственный университет физической культуры»

Одним из факторов, оказывающих влияние на регулирование межгосударственных отношений сопредельных государств, является состояние правового статуса государственной границы. В статье освещаются некоторые теоретико-правовые аспекты и понятие конституционно-правового статуса государственной границы, а также вносятся предложения как теоретического, так и практического порядка.

Цель работы – раскрыть теоретические и правовые аспекты понятия «конституционно-правовой статус государственной границы».

Материал и методы. Основой исследования послужили научные труды белорусских и зарубежных ученых, посвященные рассмотрению правового статуса государственной границы Республики Беларусь и Российской Федерации. В качестве методов изучения выступили комплексный анализ законодательства и сравнение понятий «статус» и «конституционно-правовой статус государственной границы».

Результаты и их обсуждение. Статус – это многозначный термин, который может нести разную смысловую нагрузку в зависимости от того, в какой науке он используется. В самом общем значении под правовым статусом следует понимать юридическое положение субъекта права в обществе, регламентирующее его права и обязанности. Наукой конституционного права общее понятие «конституционно-правовой статус», которое отвечало бы всем критериям, не выработано. Связано это с тем, что учеными принято подвергать исследованию конкретные виды конституционно-правовых статусов, принадлежащих тем или иным субъектам права. Конституционно-правовой статус государственной границы можно рассматривать в двух аспектах: как конституционно-правовой субинститут и как правовое понятие.

Заключение. Государственная граница представляет собой специфический объект правового регулирования, функционирование которого на практике осуществляется посредством применения норм законодательства, относящегося к различным отраслям права. Государственная граница является специфическим объектом правового регулирования со сложными внутренними и внешними правовыми связями, существующими между ее субъектами, устанавливающими конкретные пределы территории государства и действия его государственного суверенитета. Конституционно-правовой статус государственной границы состоит из определенного набора компонентов, которые определяют правовое положение государственной границы, характеризующейся сложным составом правовых отношений.

Ключевые слова: статус, правовой статус, конституционно-правовой статус, статус государственной границы, государственная граница, конституция, правосубъектность, объект права, объект правоотношения.

Constitutional Legal Status of the State Border: Some Theoretical and Legal Features

Bondarenko V.M.

Education Establishment “Belarusian State University of Physical Education”

One of the factors influencing the regulation of interstate relations of neighboring states is the state of the legal status of the state border. The article highlights some theoretical and legal aspects and the concept of “constitutional and legal status of the state border”, and also makes proposals of both theoretical and practical character.

The purpose of the article is to reveal the theoretical and legal aspects of the concept of “constitutional and legal status of the state border”.

Material and methods. The research is based on the scientific works of Belarusian and foreign scientists devoted to the study of the legal status of the state border of the Republic of Belarus and the Russian Federation. A comprehensive analysis of legislation and a comparison of the concepts of “status” and “constitutional and legal status of the state border” were used as research methods.

Findings and their discussion. Status is an ambiguous term that can carry different meanings depending on the science in which it is used. In the most general sense, the legal status should be considered as the legal position of the subject of law in society, which regulates its rights and obligations. The science of constitutional law has not developed a general concept of “constitutional and legal status” that would meet all the criteria. This is due to the fact that it is customary for scientists to study specific types of constitutional and legal statuses belonging to certain subjects of law. The constitutional and legal status of the state border can be viewed in two meanings: as a constitutional and legal substitution and as a legal concept.

Conclusion. The state border is a specific object of legal regulation, the functioning of which in practice is carried out through the application of the norms of legislation relating to various branches of law. The state border is a specific object of legal regulation with complex internal and external legal ties that exist between its subjects, which establish the specific limits of the territory of the state and the actions of its state sovereignty. The constitutional and legal status of the state border consists of a certain set of components that determine the legal position of the state border, characterized by a complex composition of legal relations.

Key words: status, legal status, constitutional and legal status, state border status, state border, constitution, legal personality, object of law, object of legal relationship.

Вопрос о существовании границ и их эффективной охраны (защиты) для Беларуси приобрел особую значимость в связи с распадом Союза ССР. Образование новых государств и потребность развития регионального сотрудничества обусловили устойчивый научный интерес к тематике функционирования государственных границ и приграничных регионов.

Одним из факторов, оказывающих влияние на регулирование межгосударственных отношений сопредельных государств, является состояние правового статуса государственной границы. Научные исследования как отечественных, так и зарубежных авторов данной сферы освещают накопленный опыт, связанный с образованием и функционированием государственной границы. Вместе с тем в юридической литературе «конституционно-правовой статус государственной границы» не получил достаточного разъяснения.

Цель работы – раскрыть теоретические и правовые аспекты понятия «конституционно-правовой статус государственной границы».

Материал и методы. Основой исследования послужили научные труды белорусских и зарубежных ученых, посвященные рассмотрению правового статуса государственной границы Республики Беларусь и Российской Федерации. В качестве методов изучения выступили комплексный анализ законодательства и сравнение понятий «статус» и «конституционно-правовой статус государственной границы». При раскрытии правового статуса государственной границы используются различные термины, например: «режим функционирования государственной границы» (В.Е. Степенко) [1, с. 29], «конституционно-правовой режим государственной границы» (С.Н. Булашов) [2, с. 12], «правовой режим государственной границы» (Ю.И. Скуратов) [3, с. 17], «правовой статус воздушного пространства Российской Федерации» (В.Ю. Федяков) [4, с. 13], «конституционно-правовой статус государственной границы» (В.М. Бондаренко) [5, с. 4] и др. Указанным обстоятельством обусловлена необходимость исследования понятия «статус государственной границы» с точки зрения методологии конституционного права, рассмотрения его как термина, используемого в отрасли конституционного права Республики Беларусь. Это тем более актуально потому, что в действующем белорусском законодательстве не содержится легального определения статуса государственной границы, словосочетание «статус государственной границы» вообще и не упоминается. В то же время в Конституции Российской Федерации понятие «статус и защита государственной границы» официально закреплено,

хотя в других нормативных правовых актах России оно не упоминается.

В современном словаре иностранных слов термин «статус» (лат. *status*) означает «правовое положение», состояние [6, с. 577]. Данное понятие активно используется представителями различных наук гуманитарного профиля. В психологии изучается статус личности в обществе; в социологии – статусы организаций в обществе (например, консультативный статус либо статус наблюдателя при международной организации и т.п.); в политологии – статус личности в государстве, его влияние на процессы, происходящие в обществе, статус лидера, политических деятелей (высокий, средний или низкий).

В правовой литературе выделяется множество видов правового статуса: конституционно-правовой статус личности (гражданина); конституционно-правовой статус органов государственной власти (президент, правительство, министерства, исполкомы и т.п.); специальный статус конкретной категории должностных лиц (судьи, прокуроры, военнослужащие и т.п.); индивидуальный статус гражданина, который отражает его имя, возраст, пол, семейное положение, профессию и т.д.; статус иностранных граждан и лиц без гражданства; статус организации либо государственного органа и др. Правовой статус исследуется не только в теоретической юридической науке, но и в отраслевой правовой науке. Выделяют, например, международно-правовой статус, гражданско-правовой статус, административно-правовой статус и т.д.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что статус – это многозначный термин, который может нести разную смысловую нагрузку в зависимости от того, в какой науке он используется. Тем не менее в обобщенном понимании статус может означать совокупность каких-либо определенных значений или характерных параметров, присущих объекту или субъекту. В Конституции Республики Беларусь термин «статус» упоминается четыре раза, образуя в совокупности понятия – «статус города» (статья 20), «статус руководителей» (статья 84), «статус иностранцев» (статья 97) и «статус судей» (статья 97). Названные конституционные нормы свидетельствуют о том, что термин «статус» используется в Основном Законе Республики Беларусь для отражения общей характеристики состояния государственного органа, правового положения административного образования либо личности, а также положения личности относительно ее должности и т.п. Этим подчеркивается связь перечисленных субъектов права с их субъективными правами, а также юридическими обязанностями, которые формируют их компетенцию.

Иными словами статус непосредственно характеризует правовую сущность вышеуказанных субъектов, отражает место в системе государственного управления или общества в целом, указывает на обладание определенными правами и обязанностями, может содержать формы и методы их реализации, в том числе на возможность издавать правовые акты или предписания. В конституционно-правовой науке и правовой литературе такой статус принято называть правовым, т.к. он выражает правовую природу субъекта права, его место в системе общественных связей и отношений, а также определяет его компетенцию.

Результаты и их обсуждение. Белорусские ученые проблеме правового статуса уделяли достаточное внимание. Так, профессор Г.А. Василевич подчеркивает то, что именно конституционные нормы и принципы, составляющие основу правового регулирования различных общественных отношений, образуют ядро правового статуса [7, с. 9]. Профессор Д.М. Демичев считает, что правовой статус личности, закрепленный в Конституции Республики Беларусь, основан на новой концепции прав человека по сравнению с предшествующими конституциями, базируется на международно-правовых документах, которые характеризуют правовой статус [8, с. 74]. В развитие данного утверждения можно добавить, что конституционно-правовой статус устанавливает тот уровень прав и свобод, ниже которого их предел не может и не должен опускаться. Наиболее полно актуальные теоретические и практические вопросы правового статуса исследовал профессор В.А. Кучинский в монографии о современном учении о правовых отношениях [9].

Правовому статусу присущи два основных аспекта, которые определяют сущность его носителя: структурно-организационный и содержательный. Структурно-организационная направленность правового статуса включает правовые процедуры его образования и условия прекращения его функционирования. Содержательное направление правового статуса вмещает в себя правосубъектность лица, его юридические права и обязанности, а также ответственность [10, с. 11].

С приведенной точкой зрения следует согласиться в той части, что для изучения правового статуса любого субъекта права достаточно рассмотреть его аспекты – структурно-организационный и содержательный, чтобы получить возможность определить его правовую природу. При этом внешние правовые основы деятельности субъекта могут составлять его ситуативно-целевую характеристику.

Как указывалось выше, в теории права правовой статус рассматривается при исследовании уче-

ния о правовых отношениях [9, с. 101–110]. При этом выделяется правовой статус субъектов, осуществляющих публично значимые функции; корпоративных организаций; субъектов внешнеэкономической, предпринимательской деятельности и др.

Исходя из этого, можно констатировать, что статус – широкое понятие, которое активно используется не только в правовых отраслевых, но и в других общественных (гуманитарных), естественных и технических науках. В самом общем значении под правовым статусом следует понимать юридическое положение субъекта права в обществе, регламентирующее его права и обязанности.

Такие категории, как правовой статус и правосубъектность, находятся между собой в интегральной зависимости, т.е. тесно соединены и неотделимы друг от друга, они образуются и прекращаются одновременно. Правосубъектность очерчивает круг субъектов права, которые являются потенциальными носителями конкретного правового статуса, предоставляющего им юридическую возможность вступать в правоотношения между собой. На основании этого можно прийти к выводу, что правосубъектность как правовая конструкция служит лишь основанием установления правового статуса субъекта.

Несомненно, конституционный статус занимает главенствующее положение среди иных правовых статусов ввиду верховенства Конституции Республики Беларусь среди иных нормативных правовых актов, к тому же конституционно-правовой статус закрепляется нормами отраслей права, поскольку они устанавливают, уточняют и развивают его. Следовательно, можно заключить, что конституционный статус является общим, если он относится к субъектам правоотношений одного рода или типа.

Конституционно-правовой статус характеризуется особенностями, которые придают ему нормы законов, декретов и указов Президента Республики Беларусь, а также подзаконных актов. К тому же, как отмечается в правовой литературе, влияние на формирование конституционно-правового статуса оказывают и решения Конституционного Суда Республики Беларусь, в которых также отчасти формируется конституционно-правовая доктрина [11, с. 49].

В.Н. Чебаев, осуществляя анализ конституционно-правового понятия «статус государственной границы», приходит к выводу, что в данном случае речь следует вести не о статусе субъектов права и их правоотношений, а о статусе объекта права, т.е. о статусе реального блага, на использование или охрану которого направлены субъективные права и юридические обязанности. Ученый полагает, что в соответствии с таким

подходом традиционное определение термина «статус» как правового положения юридического или физического лица – носителя прав и обязанностей – к объектам права неприменимо [12, л. 94].

Кроме того, проведен обоснованный сравнительный анализ конституционно-правового статуса государственных границ Республики Беларусь и Российской Федерации и введено в научный правовой оборот понятие «конституционно-правовой статус Государственной границы Республики Беларусь» [5, с. 3].

Генезис правового статуса границы свидетельствует о правоприменении данной дефиниции в нормотворчестве. В частности, в целях защиты политических и экономических интересов страны Верховным Советом Республики Беларусь было принято постановление от 11 июня 1993 г. № 2379-XII «О придании границе Республики Беларусь с Российской Федерацией, Украиной, Литовской Республикой и Латвийской Республикой правового статуса Государственной границы» [13, с. 57].

Статус государственной границы с политологической точки зрения исследовал белорусский ученый А.И. Архипов, отразивший в своей диссертации теоретические и практические подходы к определению статуса и институционализации государственной границы Республики Беларусь, основываясь на идеях и практике представителей англосаксонской и советской школ государственного управления в сфере формирования государственных границ [14].

Содержание конституционно-правового статуса государственной границы состоит из следующих правовых элементов: а) законодательство, регламентирующее отношения, связанные с государственной границей; б) принципы, которые лежат в основе формирования и функционирования государственной границы; в) функции, которые выполняет государственная граница; г) пограничные правовые режимы; д) субъекты охраны и защиты государственной границы и их полномочия; е) ответственность, устанавливаемая за правонарушения, связанные с нарушением законодательства о государственной границе [15, с. 40]. Это позволяет сделать вывод, что конституционно-правовой статус субъекта права устанавливается конституционным законодательством и конкретизируется нормами отраслевого права, которые детализируют его правовую характеристику.

Конституционно-правовой статус государственной границы следует изучать, а также давать его оценку, опираясь, прежде всего, на положения основного закона. Так, например, в статье 18 Конституции Республики Беларусь используется термин «нерушимость границ» применительно к термину «государственная граница», что свиде-

тельствует о придании важности обеспечения нерушимости Государственной границы Республики Беларусь. Именно конституционно-правовой статус государственной границы обуславливает ее правовое положение, а также закрепляет пограничный режим, характеризует ее как объект, подлежащий охране и защите со стороны государства. В Конституции Российской Федерации норма о статусе государственной границы содержится в пункте «н» статьи 71, в котором четко обозначены объекты, подлежащие защите со стороны государства, в первую очередь – это государственная граница, затем указаны территориальные моря, находящиеся в границах Российской Федерации, воздушное пространство, относящееся к границам России, исключительная экономическая зона, а также континентальный шельф, т.е. все те объекты, которые фактически составляют территорию Российской Федерации.

Приведенные выше конституционные положения основных законов Беларуси и России, пожалуй, допускают возможность выделения «Государственной границы» в отдельный субинститут конституционного права, поскольку от эффективности ее функционирования напрямую зависит обеспечение безопасности государства.

Таким образом, наукой конституционного права общего понятия «конституционно-правовой статус», которое отвечало бы всем критериям, не выработано. Связано это с тем, что учеными принято подвергать исследованию конкретные виды конституционно-правовых статусов, принадлежащих тем или иным субъектам права (президенту, государству, государственному органу и т.п.), т.е. внимание концентрируется на изучении конституционно-правового статуса субъекта права и практически не проводятся исследования конституционно-правового статуса государственной границы. Изложенное позволяет сделать вывод, что «конституционно-правовой статус государственной границы» можно рассматривать в двух аспектах: как конституционно-правовой субинститут и как правовое понятие.

Конституционно-правовой субинститут государственной границы находит детальное правовое закрепление в российском законодательстве наряду с правовым режимом, установленным для водных пространств, таких как: а) внутренние морские воды; б) территориальные моря и прилегающие к ним зоны; в) территории исключительных экономических зон; г) территории континентального шельфа Российской Федерации. Например, положения о правовом регулировании водных пространств установлены в Законе Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. «О Государственной границе Российской

Федерации», в Федеральном законе от 30 ноября 1995 г. «О континентальном шельфе Российской Федерации», в Федеральном законе от 31 июля 1998 г. «О внутренних морских водах, территориальном море и прилегающей зоне Российской Федерации», в Федеральном законе от 17 декабря 1998 г. «Об исключительной экономической зоне Российской Федерации».

Термин «государственная граница» в настоящее время в нормативных правовых актах Республики Беларусь и Российской Федерации нормативно закреплён. Однако по своему содержанию он отличается от сходных правовых понятий, образующих такие конституционно-правовые институты, как «конституционно-правовой статус Республики Беларусь» или «конституционно-правовой статус Российской Федерации»; «конституционно-правовой статус Президента Республики Беларусь» или «конституционно-правовой статус Президента Российской Федерации»; «конституционно-правовой статус субъекта Российской Федерации»; «конституционно-правовой статус личности» и т.п. Это отличие связано с тем, что правовое понятие «государственная граница» не является субъектом права, поскольку не может иметь субъективные права и нести юридические обязанности. В теории права статус объекта права исследован в недостаточной мере, общего определения его понятия не существует. Имеются лишь отдельные авторские публикации, касающиеся исследования общих теоретических положений объекта права, которые, как правило, носят противоречивый характер, что позволяет сделать вывод о существующей нерешённой проблеме в теории права.

Государственную границу сложно представить в виде объекта права или объекта правоотношения. В классическом понимании понятие объекта права, дошедшее до нашего времени ещё с советских времен, – это общественное отношение, которое подвергается воздействию нормами законодательства. К объектам права обычно принято относить конституционно-правовые, гражданско-правовые, социально-трудовые и иные отношения. Это статичные объекты, более широкие по своему объёму, чем объекты правоотношения, хотя в правовой науке отдельные авторы их отождествляют. Это свидетельствует о том, что вопрос о сущности терминов «объекты права» и «объекты правоотношения» является во многом дискуссионным. В современной юридической науке к объектам правоотношений относят как материальные, так и нематериальные блага, поведение (действия и бездействия) различных субъектов права и их итоги, результаты интеллектуального или духовного творчества, ценные бумаги, в том числе официальные документы [16, с. 271–273].

Представляется, что отсутствие единства мнений ученых по этому поводу обусловлено тем, что понятия «объект права» и «объект правоотношения» по своей сущности во многом сходны, поскольку оба связаны с правовым регулированием.

Заключение. Таким образом, государственная граница, по нашему мнению, представляет собой специфический объект правового регулирования, функционирование которого на практике осуществляется посредством применения норм законодательства, относящегося к различным отраслям права. Государственной границе присуща множественность субъектов, имеющих непосредственное отношение к ее охране и обслуживанию, а также правовому регулированию. При этом между ее субъектами существуют как внутренние (внутри государства), так и внешние связи (на международном уровне). Основное правовое и функциональное назначение государственной границы – установление точных государственных пределов территории и действия государственного суверенитета. Исходя из вышесказанного, сделаем следующие выводы:

1) понятие конституционно-правового статуса государственной границы в науке конституционного права не разработано. Изучение государственной границы как объекта конституционно-правового исследования дает основания для определения конституционно-правового статуса государственной границы в двух правовых плоскостях: как субинститута конституционного права и как правового понятия;

2) конституционно-правовой статус государственной границы состоит из определенного набора компонентов, которые определяют правовое положение государственной границы, характеризующейся сложным составом правовых отношений;

3) государственная граница является специфическим объектом правового регулирования со сложными внутренними и внешними правовыми связями, существующими между ее субъектами, устанавливающими конкретные пределы территории государства и действия его государственного суверенитета.

Вышеизложенное позволяет определить понятие конституционно-правового статуса государственной границы в следующем изложении: это «*правовое положение государственной границы, закреплённое в законодательстве Республики Беларусь, международных договорах Республики Беларусь, определяющих пространственные пределы действия государственного суверенитета Республики Беларусь, пограничных режимов, а также права и обязанности субъектов, осуществляющих свою деятельность в сфере, связанной с государственной границей.*»

Литература

1. Степенко, В.Е. Административно-правовой механизм обеспечения режима функционирования государственной границы Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.14 / В.Е. Степенко; С.-Петерб. ун-т МВД Рос. Федерации. – СПб., 2006. – 61 с.
2. Булашов, С.Н. Конституционно-правовой режим государственной границы Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / С.Н. Булашов; Моск. гос. соц. ун-т. – М., 1998. – 35 с.
3. Скуратов, Ю.И. Государственная граница России: формирование правовой основы / Ю.И. Скуратов // Государство и право. – 1993. – № 10. – С. 15–21.
4. Федяков, В.Ю. Правовые основы охраны государственной границы Российской Федерации в воздушном пространстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 20.02.03 / В.Ю. Федяков; Моск. погранич. ин-т Федер. службы безопасности Рос. Федерации. – М., 2006. – 23 с.
5. Бондаренко, В.М. Конституционно-правовой статус государственных границ Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В.М. Бондаренко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 25 с.
6. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология / сост.: Л.М. Баш [и др.]. – М.: Вече, 2012. – 960 с.
7. Василевич, Г.А. Конституционализация правового статуса органов государственной власти / Г.А. Василевич // Конституция Республики Беларусь: 16-летний опыт применения: материалы круглого стола, состоявшегося 15 марта 2010 г. на юрид. фак. Белорус. гос. ун-та / Белорус. гос. ун-т; науч. ред. Г.А. Василевич. – Минск, 2010. – С. 9–19.
8. Демичев, Д.М. Конституционное право: учеб. пособие / Д.М. Демичев. – Минск: Высш. шк., 2004. – 350 с.
9. Кучинский, В.А. Современное учение о правовых отношениях / В.А. Кучинский. – Минск: Интегралполиграф, 2008. – 320 с.
10. Долинская, В.В. Правовой статус и правосубъектность / В.В. Долинская // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2012. – № 2. – С. 6–19.
11. Василевич, Г.А. Правовая природа решений Конституционного суда Республики Беларусь и их юридическое значение / Г.А. Василевич // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. – 2005. – № 1. – С. 48–57.
12. Чебаев, В.Н. Конституционные основы защиты государственной границы Российской Федерации: на анализе материалов Западного регионального пограничного управления ФСБ России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / В.Н. Чебаев. – Воронеж, 2004. – 375 л.
13. Бондаренко, В.М. Государственная граница Республики Беларусь: теоретические и правовые аспекты / В.М. Бондаренко // Юстиция Беларуси. – 2020. – № 3. – С. 55–59.
14. Архипов, А.И. Деятельность органов государственной власти по определению статуса и институционализации государственной границы: автореф. дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / А.И. Архипов; Акад. управления при Президенте Респ. Беларусь. – Минск, 2020. – 21 с.
15. Решетников, Д.В. К вопросу о конституционно-правовом статусе государственной границы Российской Федерации / Д.В. Решетников // Изв. Юго-Зап. гос. ун-та. Сер. История и право. – 2015. – № 2. – С. 37–41.
16. Вишневский, А.Ф. Общая теория государства и права: курс лекций / А.Ф. Вишневский. – 6-е изд., уточн. и доп. – Минск: Тесей, 2012. – 370 с.

Поступила в редакцию 12.11.2021

Компетенция омбудсменов и формы их реагирования на обращения граждан в зарубежных странах

Ивашкевич Е.Ф.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассмотрены модели компетенции омбудсменов в зарубежных странах, анализируется их роль на современном этапе в правовом механизме защиты прав и свобод личности, характеризуются основные формы их взаимодействия с государственными органами, общественными организациями и гражданами.

Цель научной работы – исследование особенностей функционирования и компетенции омбудсменов в зарубежных странах в целях частичной рецепции передового законодательного опыта в процессе создания института омбудсмана в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили конституционное законодательство зарубежных стран, научные статьи ведущих отечественных и зарубежных правоведов. Значительный вклад в разработку концептуальных положений относительно сущности и моделирования института омбудсмана, особенностей функционирования, форм и методов реагирования на обращения граждан внесли научные работы Г.А. Василевича, В.А. Брилевой, Л.И. Цыганковой и др. Основными методами являются методы формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа научных доктринальных источников выделяются следующие модели компетенции омбудсмана и их специфические особенности: 1) «историческая» модель (Швеция, Финляндия), которой свойственна тесная связь института с парламентом. В сферу его компетенции входит контроль как за органами исполнительной власти, так и судебной. Омбудсмен вправе возбуждать судебное преследование министров. С общественными правозащитными организациями он сотрудничает в незначительной степени, так как при его создании их и не было; 2) «классическая» модель, характерными чертами которой являются «ослабевание» связи института с парламентом, исключение полностью из его компетентности судебной системы и рекомендательная сила заключений омбудсмана. В его компетенцию входят чиновники исполнительной власти всех уровней (но не всегда министры), а также другие служащие, выполняющие публичные функции (Великобритания, Франция, Дания). Задача защиты прав и свобод при возникновении омбудсмана уже фиксировалась в нормативных правовых актах, но не была первостепенной. Отсутствие строгого и четкого определения оснований для вмешательства омбудсмана, принятия им жалобы к производству также может служить характеристикой «классического» омбудсмана; 3) «правозащитная» модель, основными отличиями которой выступают приоритет защиты прав и свобод личности, достаточно высокая независимость и самостоятельность от депутатского корпуса и исполнительной власти, расширение контрольных полномочий омбудсмана, включение в его функции задач правового просвещения, сотрудничество с национальными общественными и международными организациями, осуществление контроля за соблюдением судьями процедурных и этических норм (в России, Украине, Польше), участие в работе органов власти различного уровня (в Молдове, Украине, Армении), в осуществлении правотворческой функции. Важной представляется возможность приносить на себя новые функции на современном этапе.

Заключение. Назрела необходимость конституционного закрепления института в Республике Беларусь, о чем неоднократно говорилось в процессе подготовки проекта новой редакции Конституции Республики Беларусь как ведущими учеными-правоведами, так и юристами-практиками. Наиболее оптимальной моделью, по мнению большинства из них, является «правозащитная» модель, предоставляющая наибольшие возможности для реализации преимуществ данного института.

Ключевые слова: омбудсмен, модели компетенции омбудсмана, формы реагирования омбудсменов на обращения граждан.

Ombudsmen Competences and Ways, They React to Citizens' Appeals in Foreign Countries

Ivashkevich E.F.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article centers round models of ombudsmen competences in foreign countries, analyzes their role at present within the legal mechanism of the individual's rights and freedoms protection, characterizes basic forms of their interaction with state bodies, public organizations and citizens.

The purpose of the article is a study of the features of functioning as well as competences of ombudsmen in foreign countries aiming at partial reception of the advanced legislation experience in the process of creating the ombudsmen institution in the Republic of Belarus.

Material and methods. The research material was constitutional legislation of foreign countries, scientific articles by leading domestic and foreign legal scholars. Scientific works by G.A. Vasilevich, V.A. Brileva, L.I. Tsygankova and others contributed greatly to the development of concept ideas of the essence and modeling of the ombudsman institution, features of its functioning, forms and methods of reacting to citizens' appeals. The main methods are the method of the formal legal and the comparative legal analysis.

Findings and their discussion. On the basis of doctrinal source analysis, the following competence models of the ombudsman and their features are singled out: 1) the historical model (Sweden, Finland) which is characterized by close link between the institution and Parliament. Its competence includes the control over both the executive bodies and the judiciary. The ombudsman has the right to start law suits against ministers. He does not cooperate much with public rights protection organizations since they did not participate in his creation; 2) the classical model which is characterized by weakening of the link between the institution and Parliament, complete exclusion of the court system from his competence and the recommendation force of the ombudsman's conclusions. His competence includes executive officials of all levels (but not always ministers) as well as other officials who perform public functions (Great Britain, France, Denmark). The task of the protection of rights and freedoms when the ombudsman emerged was already fixed in NPA, although it was not first hand. The lack of a distinct identification of the basics for the ombudsman's interference, his accepting applications can also characterize the classical ombudsman; 3) the right protection model the main distinctive feature of which is the priority of human right and freedom protection, comparatively high independence from MPs and the executive power, widening the ombudsman's control powers, inclusion of legal education tasks into his functions, cooperation with national public and international organizations, control over judges' following procedure and ethical norms (Russia, Ukraine, Poland), participation in the work of administration bodies of different levels (Moldova, Ukraine, Arme-nia), law making. The possibility to take up new functions is important at present.

Conclusion. It's urgent to constitutionally fix the institution in the Republic of Belarus, which was pointed out not once during the preparation of the draft of the Constitution of the Republic of Belarus new edition by both leading legal scholars and practicing lawyers. A most proper model, according to most of them, is the right protection model which gives more possibilities for the implementation of the institution advantages.

Key words: ombudsman, ombudsman's competence models, forms of ombudsman's reaction to citizens' appeals.

Институт уполномоченного по правам человека, возникнув в Швеции в качестве должностного лица, осуществляющего контроль за соблюдением прав человека государственными органами, спустя 200 лет распространился по всему миру. В настоящее время более 100 государств учредили институты национальных омбудсменов. В Совете Европы создание института является одним из условий членства страны в данной организации. С течением времени расширялась не только география существования данного института, но и его компетенция. Призванный изначально выполнять функции, направленные на повышение эффективности государственного управления, в современном мире омбудсмен стал полноправным независимым дополнительным способом защиты нарушенных прав простых граждан.

Институт омбудсмена – государственная служба, предусмотренная конституцией или законом, возглавляемая независимым публичным должностным лицом высшего ранга, которое ответственно только перед законом. Опыт свидетельствует, что потребность в данном институте возникает тогда, когда существующие институты не удовлетворяют в достаточной мере решению всех контрольных задач и возникает необходимость дополнительной защиты прав граждан в случаях ненадлежащего исполнения обязанностей должностными лицами и проявления административного произвола. Этой тенденции способствуют постоянный рост числа работников государственного аппарата, интенсификация правотворческой деятельности и обширность правового материала.

Цель научной работы – исследование особенностей функционирования и компетенции омбудсменов в зарубежных странах в целях частичной рецепции передового законодательного опыта в процессе создания института омбудсмена в Республике Беларусь.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили конституционное законодательство зарубежных стран, научные статьи по данной проблематике ведущих отечественных и зарубежных правоведов. Значительный вклад в разработку концептуальных положений относительно сущности и моделирования института омбудсмена, особенностей его функционирования, форм и методов реагирования на обращения граждан внесли научные работы Г.А. Василевича, В.А. Брилевой, Л.И. Цыганковой и др. Основными методами являются методы формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Развитие института омбудсмена в европейских странах и иных регионах условно можно разделить на три этапа: I этап – зарождение концепции омбудсмена в скандинавских странах; II этап – актуализация концепции омбудсмена после Второй мировой войны и становление «классической» модели; III этап – возникновение «правозащитной» модели компетенции омбудсмена в конституциях последнего поколения.

Существует ряд преимуществ института омбудсмена перед судом в деле защиты нарушенных прав. Так, порядок обращения к омбудсмену, процедура расследования лишены строгих правил; в большинстве стран мира обращение к омбудсмену не облагается пошлиной либо пошлина символична; пострадавшие излагают суть своего дела омбудсмену в свободной форме, не ограниченной процессуальными рамками; омбудсмен может действовать и по собственной инициативе; омбудсмен может защищать права, которые не получили законодательного закрепления (право на справедливое, беспристрастное обращение со стороны должностных лиц государственных органов). Принимая решение о защите нарушенного права с помощью омбудсмена, гражданин обращается к конкретному лицу. При реализации права на обращение к должностным лицам государствен-

ных органов гражданин сталкивается с проблемой определения должностного лица, в компетенцию которого входит разрешение его вопроса.

Одним из главных отличий условий деятельности института омбудсмана в европейских странах является наличие консенсуса политических элит в приверженности демократическим ценностям, идее гражданского общества, когда институт омбудсмана становится фактором ответственности власти перед обществом, ее прозрачности и эффективности. Однако в ряде постсоциалистических стран Европы депутаты иногда пытаются оказывать давление, влиять на позицию омбудсмана, вплоть до попытки заменить данную кандидатуру на посту или приостановить действие института, длительно не назначая преемника. В 90-е годы XX века такая ситуация возникла в Польше, Литве, Латвии, Грузии и др. Часто институт омбудсмана являлся здесь не только результатом стремления государства к демократизации общественно-политических процессов, гармонизации законодательства в области прав и свобод личности, но и итогом настойчивых рекомендаций международных организаций (например, Программы развития ООН), необходимости выполнения условий членства в Совете Европы и т.д.

Наибольшее различие в сфере компетенции существует между шведской и финской моделями, с одной стороны, и всеми остальными – с другой. Это различие заключается в том, что в первых двух странах судебная система входит в сферу компетентности, а во всех остальных случаях (начиная с Дании) – нет. Причины такого различия уже обсуждались ранее, здесь же отметим, что «классическая» модель омбудсмана не предусматривает включения судебной сферы в его юрисдикцию. Определяя «скандинавскую» модель в качестве классической, следует обратить внимание на характерные различия между датско-норвежским и шведско-финским подходами в области наделяния омбудсмана правом контроля за судебной деятельностью и выдвижения обвинения в отношении высших должностных лиц. Таким образом, можно подвергнуть сомнению утверждение автора Е.В. Перепелицы, отмечающей, что многие страны в процессе учреждения института омбудсмана за основу взяли «классическую шведскую модель» [1, с. 117].

В каждой стране институт омбудсмана располагает полномочиями, которые определяются законодательной властью. В одних странах они достаточно широкие, в других – ограниченные. Самыми широкими полномочиями обладают омбудсмены Швеции и Финляндии. В этих странах омбудсмены осуществляют контроль не только за

администрацией, но и за всей судебной системой, исправительными учреждениями. Существенное отличие финского омбудсмана от шведского заключается в том, что у первого контрольная функция не дифференцируется на отдельные области: управление, военное дело, суды. К тому же в Финляндии надзор омбудсмана распространяется и на правительственных министров. В некоторых странах омбудсманам подконтрольны прокурорские органы, военная и тюремная администрации. В Швеции, Норвегии, ФРГ для военных учреждений создан специальный военный омбудсмен. Во многих странах надзорная деятельность омбудсмана распространяется на местную администрацию [2].

В настоящее время действуют омбудсмены, наделенные как компетенцией «исторической» модели, так и компетенцией «классической» («правозащитной») модели. Институт омбудсмана Риксдага в Швеции, парламентский омбудсмен Финляндии заложили основу «исторической» модели компетенции омбудсмана, которой, по мнению исследователя В.В. Эмиха, присущ ряд характерных признаков: «1) осуществление омбудсменами парламентского контроля за органами исполнительной власти и органами судебной власти; 2) возможность оказывать непосредственное влияние на чиновников, в действиях которых они усматривают нарушение прав человека, – они вправе возбуждать обвинение против должностных лиц о совершении преступлений при исполнении служебных обязанностей» [3, с. 32–33].

В шведском Риксдаге омбудсмены обладают правом инициировать уголовное преследование в отношении чиновников, в отношении судей Верховного суда или Верховного административного суда – дела по преступлениям, совершенным при исполнении служебных обязанностей, а также инициировать рассмотрение вопросов об отстранении или освобождении от должности, обязательном прохождении медицинского освидетельствования. Омбудсмен может также предупредить должностное лицо без предъявления обвинения в уголовном порядке; направить ему не предусматривающие никаких санкций рекомендации и предложения по улучшению работы; обратиться в парламент или правительство с предложениями о совершенствовании законодательства или подзаконных актов. На основании проведенных расследований он представляет в Парламент ежегодный доклад, который после изучения соответствующим парламентским комитетом утверждается и передается гласности [4, с. 45]. В Финляндии омбудсмен принимает решение о возбуждении уголовного дела по обвинению судьи в случае нарушения законности при

осуществлении служебных обязанностей, проводит следствие или дает указание о возбуждении обвинения по другим делам в области его контроля за законностью [5].

Исследователь В.В. Эмих выделяет и отличительные черты «классической» модели омбудсменов. Во-первых, «основным направлением деятельности классического омбудсмена является контроль за деятельностью исполнительной власти и ее должностных лиц (в отличие от 2-х других моделей, в которых контроль распространяется и на законодательную власть). Парламентские омбудсмены относятся к классическому типу “омбудсмена”, возникшему в результате борьбы парламента (народа) за конституционные права и свободы личности, нарушаемые исполнительной властью. Парламентская модель “более органична не только с точки зрения истории, но и в современном ракурсе, поскольку основные нарушения прав граждан имеют место при их взаимоотношениях с исполнительными органами власти”» [3, с. 32].

Во-вторых, отсутствие строгого и однозначного определения оснований для вмешательства омбудсмена, для принятия жалобы к производству также может служить характеристикой «классического» омбудсмена.

В-третьих, возможность в процессе проведения расследования доступа к любым нужным документам, а также получения показаний фактически любого должностного лица является одной из главных характеристик обсуждаемой «классической» модели [6]. Так, омбудсмен Нидерландов имеет доступ ко всем документам, включая документы секретных служб, судебные и налоговые документы. Коллегия народной правозащиты Австрии вправе знакомиться с материалами и получать сведения от всех органов Федерации, земель и общин. Перед нею не существует обязанности сохранять служебную тайну, за исключением интересов национальной безопасности. Ряд ограничений, связанных с требованием сохранения конфиденциальности полученной информации, закреплены в Великобритании и во Франции, где «анонимность работы правительственных служб считается нормой» [7, л. 93].

В-четвертых, исключение при «классической» модели омбудсмена из его компетенции судебной системы мотивируется приверженностью данных стран принципу разделения властей, а следовательно, независимости судебной власти, высоким авторитетом судебной системы, частой обращаемостью в суды для разрешения конфликтов с органами исполнительной власти, должностными лицами в странах Западной Европы.

С конца 70-х годов XX века «классическая» модель постепенно трансформируется в «право-

защитную». Приоритетной целью деятельности омбудсмена становится всестороннее содействие восстановлению нарушенных прав личности, а не повышение эффективности государственного управления. Вследствие этого, при назначении и освобождении от должности парламентами, они становятся самостоятельными и неподконтрольными им; расширяется сфера компетенции омбудсмена (вплоть до частных организаций). Так, согласно ст. 208 Конституции Польши Уполномоченный по гражданским правам стоит на страже прав и свобод человека и гражданина, закрепленных в Конституции и иных нормативных правовых актах. Ст. 208–212 Конституции, посвященные статусу омбудсмена, находятся в разд. IX «Органы государственного контроля и охраны права» [8]. В ст. 3 Закона Словакии к компетенции государственного правозащитника отнесены также «юридические и физические лица, которые принимают решения в отношении прав и обязанностей физических и юридических лиц в области государственного управления» [9, с. 144]. В некоторых странах ограничения для омбудсменов на рассмотрение жалоб на действия государственных служащих отсутствуют вообще (Эстония, Грузия, Украина), но в этих странах не в их компетенции находятся дела, которые рассматриваются в суде [9, с. 23, 179–187].

Омбудсмены, действующие в рамках организационно-правовых основ «правозащитной» модели, не наделены властными полномочиями в отношении субъекта-нарушителя прав человека. Основными формами реагирования омбудсменов на обнаруженное нарушение являются направление субъекту-нарушителю представления, содержащего рекомендательные меры для его устранения; обращение в компетентный орган с целью устранения нарушения и привлечения субъекта-нарушителя к ответственности; представление периодических докладов парламенту и иным соответствующим государственным органам [3, с. 33].

Исследователь Р.Г. Вагизов отмечает, что для «исторической» («нордической», «шведской») модели более характерен вид «реактивного омбудсмена», важнейшей задачей которого является реагирование на уже допущенные факты ненадлежащего администрирования. Проведение же систематических проверок, инспекций учреждений исполнительной власти с целью предотвращения возможности случаев ненадлежащего администрирования характерно для «правозащитной» модели [10, с. 42].

Российским ученым А.Ю. Сунгуровым вместо «правозащитной» выделяется «поставлоритарная» модель, при которой, по его мнению, существенным образом ослабевает связь ом-

будсмена с парламентом, снова в сферу компетенции входят в той или иной степени контроль за соблюдением судьями процессуальных и морально-этических норм, осуществляется более тесное сотрудничество с общественными правозащитными организациями, одним из основных направлений становится правовое просвещение населения в области прав человека, тогда как в странах с «классической» моделью омбудсмена эту деятельность выполняют иные национальные институты защиты прав человека [7, л. 34].

Однако в любом случае институт парламентского уполномоченного призван защищать и действует в сфере укрепления законности и защиты прав и интересов граждан в качестве самостоятельного правового института как в отдельном демократическом государстве, так и на международной арене.

Для всех моделей института омбудсмена одной из главных характеристик, отличающих его деятельность, является возможность проведения независимого расследования конкретных случаев ненадлежащего администрирования. Основные формы инициирования расследования: обращение физических (иногда и юридических) лиц; собственная инициатива омбудсмена; передача полученных жалоб от населения парламентскими комитетами и парламентариями, поручение провести расследование от депутатских комиссий (Великобритания, Франция, Испания, Польша, Чехия и др.); расследование в результате инспектирования учреждений (организаций). В ряде стран возможна подача жалобы и от общественной организации (Азербайджан, Польша), и от органов местного самоуправления (Польша). В Великобритании возможно обращение к омбудсмену только через депутата парламента, тогда как в большинстве стран предусмотрен комбинированный вариант доступа к омбудсмену. Однако в ряде стран обязательным требованием является первоначальное исчерпание всех средств обжалования в судебном или административном порядке (в Норвегии, России).

При проведении проверки по жалобе омбудсмены «правозащитной» модели, как правило, вправе: 1) беспрепятственно посещать органы государственной власти, местного самоуправления, предприятия, учреждения и организации независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, воинские части, общественные объединения; 2) запрашивать и получать от государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц и государственных служащих любые сведения, документы и материалы; 3) получать объяснения должностных лиц и государственных служащих,

исключая судей, по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы; 4) проводить самостоятельно или совместно с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверку деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц; 5) поручать компетентным государственным учреждениям проведение экспертных исследований и подготовку заключений по вопросам, подлежащим выяснению в ходе рассмотрения жалобы; 6) знакомиться с уголовными, гражданскими делами и делами об административных правонарушениях, решения (приговоры) по которым вступили в законную силу, а также с прекращенными производством делами и материалами, по которым отказано в возбуждении уголовных дел [2].

По вопросам своей деятельности современный омбудсмен пользуется правом безотлагательного приема руководителями и другими должностными лицами, органами местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от организационно-правовых форм и форм собственности, руководителями общественных объединений, лицами начальствующего состава вооруженных сил, администрацией мест принудительного содержания.

Обратимся к наиболее иллюстративным примерам объема компетенции омбудсмена в европейских странах. Так, по результатам рассмотрения жалобы Уполномоченный по правам человека Российской Федерации вправе обратиться: «1) в суд с заявлением в защиту прав и свобод, нарушенных решениями или действиями (бездействием) государственного органа, органа местного самоуправления или должностного лица, а также лично либо через своего представителя участвовать в процессе в установленных законом формах; 2) ... в компетентные государственные органы с ходатайством о возбуждении дисциплинарного или административного производства либо уголовного дела в отношении должностного лица, в решениях или действиях (бездействии) которого усматриваются нарушения прав и свобод личности; 3) ... в суд или прокуратуру с ходатайством о проверке вступившего в законную силу решения, приговора суда, определения или постановления суда либо постановления судьи; 4) изложить свои доводы должностному лицу, которое вправе вносить протесты, а также присутствовать при судебном рассмотрении дела в порядке надзора; 5) обращаться в Конституционный Суд Российской Федерации с жалобой на нарушение конституционных прав и свобод граждан законом, примененным или подлежащим применению в конкретном деле...» [11]. Уполномоченный

может свое заключение свободно опубликовать в любом печатном издании, финансируемом за счет средств бюджета Федерации или ее субъекта без права отказа с их стороны.

По результатам рассмотрения жалоб Уполномоченный вправе: 1) направлять всем субъектам общие рекомендательные замечания и предложения в области прав и свобод граждан по совершенствованию административных процедур; 2) обращаться к субъектам законодательной инициативы с предложениями по совершенствованию федерального и регионального законодательства или в случае его противоречий общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации. «В случае грубого или массового нарушения прав и свобод граждан Уполномоченный вправе выступить с докладом на очередном заседании Госдумы, обратиться с предложением о создании парламентской комиссии по расследованию фактов нарушения прав и свобод граждан, о проведении парламентских слушаний, ... непосредственно либо через представителя участвовать в работе указанной комиссии и проводимых слушаниях. По окончании года Уполномоченный направляет доклад о своей деятельности во все высшие государственные структуры» [11].

В Великобритании омбудсмен парламента имеет право вариативности методов, применяемых при проведении расследования, возможность организовывать открытые слушания с привлечением сторонами при необходимости законных представителей, а также неформальные беседы [12, с. 332]. Парламентский комиссар по делам администрации Великобритании вправе истребовать у органов и должностных лиц центральной администрации (в том числе министров) документы (правомочие, не предоставленное даже суду), любую информацию, вызывать свидетелей и пр., но может осуществлять расследование только в случае, если обратившийся не обладает возможностью подать заявление в суд или в административный трибунал. Компетенция в области расследований Парламентского комиссара не распространяется на международные отношения, сферу государственной безопасности, национализации промышленности, деятельности полиции, а также уголовных дел и персональных дел государственных служащих [13].

Парламентский комиссар по делам администрации не вправе принимать решение. Итогом расследования является доклад, направляемый парламентариям, соответствующим главам правительственных департаментов, должностному лицу, чьи действия были обжалованы. Парламен-

тарий по итогам представления в рамках своей депутатской деятельности вступает в переписку с заявителем, пользуется правом депутатского запроса к членам Правительства, инициирует вопрос о принятии резолюции. Если требования омбудсмена должностными лицами центральной администрации не выполнены, он вправе обратиться с докладом в Палату общин, который рассматривается соответствующим парламентским комитетом. В отдельных ситуациях комитет проводит парламентское расследование, после чего палата может использовать традиционные контрольные парламентские процедуры. Однако случаи невыполнения рекомендаций омбудсмена чрезвычайно редки: не более 2–3-х при наличии порядка 1000 обращений в течение года в последнее время [14, с. 254–256].

Анализ практического опыта деятельности омбудсмена Великобритании показывает его положительную роль в сфере внесудебной защиты интересов и прав граждан при нарушении их должностными лицами центральных государственных органов и местных муниципалитетов. Вместе с тем есть и ряд характерных недочетов в английской модели омбудсмена. Так, объем его компетенции ограничен, в результате чего действия значительного перечня должностных лиц и организаций не подлежат обжалованию, существует только опосредованный доступ граждан к омбудсмену (через парламентариев), итоговые заключения носят рекомендательный характер. Вопросами совершенствования деятельности омбудсмена постоянно занимается специальная парламентская комиссия, систематически рассматривающая его компетенции и организационно-правовые основы функционирования [12, с. 332–333].

Во Франции Посредник не контролирует судебную деятельность и выносимые судебные решения; он вправе лишь давать рекомендации органу, причастному к делу. Не в его компетенции разбирательство конфликтов между гражданами и частными организациями, органами публичной власти и их сотрудниками. Приняв жалобу как обоснованную, Посредник консультирует о способах ее разрешения с целью урегулирования конфликта, вносит предложения по улучшению деятельности соответствующего органа с целью предупреждения возникновения данной проблемы в дальнейшем, дает рекомендации компетентным органам обязательного реагирования, инициирует законодательные новеллы. Он обязательно осуществляет текущее наблюдение за разрешением дела, не получив удовлетворительного ответа от компетентного органа, может обнародовать предложенные рекомендации в печати.

В свою очередь публично информировать Посредника и опубликовать свое решение может и сам компетентный орган [4, с. 123, 142–143].

При отсутствии компетентного органа Посредник вправе самостоятельно начать дисциплинарное производство в отношении любого чиновника, обратиться в суд. В случае отказа исполнить решение суда Посредник снова выносит предписание компетентному органу его реализовать, в противном случае им публикуется специальный доклад. Все публичные органы (включая высших должностных лиц) обязаны сотрудничать с ним – отвечать на его вопросы, являться по вызову, обеспечивать возможность проведения предусмотренных им проверок и расследований и передавать их результаты, действовать в соответствии с предписаниями Посредника [14, с. 394–395].

Однако юрисдикционный контроль медиатора не свободен от ограничений. Например, документы и материалы, относящиеся к национальной обороне, безопасности государства или внешней политике, находятся вне его компетенции. В остальных случаях медиатор может требовать от соответствующего государственного органа любую документацию и материалы по расследуемому делу. Еще одно ограничение, характерное и для других моделей омбудсменов, состоит в том, что даже если медиатор считает жалобу обоснованной, он не вправе сам принять решение об отмене оспариваемого административного акта. Он может только направить в соответствующие органы свои рекомендации о проведении необходимых мер для пресечения противоправной практики административных органов или должностных лиц.

Широким объемом полномочий наделен Уполномоченный по правам граждан Польши. Это прежде всего контроль за законностью действий органов государственной власти, общественных организаций, оценка их с точки зрения морали. В отличие от уполномоченного Великобритании, уполномоченный Польши контролирует также военное управление, органы внутренних дел, суды [15, с. 235–236].

По вопросам охраны и нарушения прав и свобод человека уполномоченный устанавливает, произошло ли событие вследствие действия или бездействия органов (организаций), призванных защищать и обеспечивать их реализацию, сам факт нарушения законных интересов, социальной справедливости, применения дискриминационной политики, предпринимает действия по обращениям граждан, организаций, органов самоуправления, Уполномоченного по правам ребенка, по собственной инициативе. По итогам рассмотрения заявления он вправе принять его

в производство, проконсультировать заявителя об альтернативных способах предпринимаемых действий, передать дело по подведомственности либо отклонить заявление с обязательным уведомлением заявителя и заинтересованного лица. Если дело принято в производство, он либо самостоятельно расследует его обстоятельства, либо обращается в прокуратуру и иные компетентные органы – органы государственного, профессионального или общественного контроля, а также может просить Сейм поручить ВПК провести соответствующую проверку. Уполномоченный может отказаться объявить фамилии, иные личные данные заявителя, в том числе и органам публичной власти, если признает это необходимым для охраны прав и свобод лица [9; 16].

По завершении расследования Уполномоченный может уведомить заявителя, что факты нарушения прав и свобод человека и гражданина не установлены; направить представление о нарушении прав и свобод человека и гражданина в орган, организацию или учреждение, нарушившие права и свободы, без ущерба для независимости судей; обратиться в вышестоящий по отношению к нарушителю орган с предложением применить законные меры; требовать возбуждения гражданского судопроизводства, а также принять участие в проводимом процессе на правах прокурора; требовать проведения предварительного расследования по уголовным преступлениям; предложить возбудить административное производство, обжаловать решение в административный суд; внести предложение о наложении взыскания, об отмене вступившего в силу решения об административном правонарушении; внести кассационную жалобу или потребовать пересмотра вступившего в законную силу судебного решения в установленном порядке.

Уполномоченный вправе обращаться в компетентные органы с законодательной инициативой либо о внесении изменений в действующее законодательство по вопросам правового статуса личности; обращаться в Конституционный трибунал с запросом о проверке конституционности актов; объявить об участии в производстве в Конституционном трибунале по вопросам конституционных жалоб; обращаться в Верховный суд с предложением о разъяснении правовых предписаний, применение которых вызвало разногласия в судебных решениях [14, с. 701–704].

Конституция Норвежского Королевства в §75 устанавливает, что омбудсмен в соответствии с законом «будет наблюдать за государственным управлением и всеми находящимися на его службе, чтобы не допускать с их стороны беззакония в отношении простых граждан» [17]. В Пор-

тугальской Республике Блюстителю справедливости в соответствии с ч. 1 ст. 23 Основного закона Республики «рассматривает жалобы граждан на действия и бездействие должностных лиц без права выносить решения обязательного характера и направляет компетентным органам рекомендации, необходимые для предотвращения неправомерных деяний и восстановления справедливости» [18, с. 526]. Следует обратить внимание, что статья содержит признак уполномоченного по правам человека, характерный в целом для всех «классических» омбудсменов. В частности, говорится о рекомендательном характере его решений для государственных служащих. Однако можно предположить, что высокая социальная значимость, авторитет парламентского уполномоченного в демократическом обществе, а также освещение в средствах массовой информации результатов рассмотрения им конкретных нарушений прав граждан государственными служащими обеспечивают достижение целей его создания и деятельности.

Подводя итоги вышесказанному, можно сформулировать следующие выводы. По мере распространения омбудсмена в юридической литературе большинство правоведов выделяют такие основные модели компетенции омбудсменов, как «историческую», «классическую» или «правозащитную». Парадигму развития института правовед В.В. Эмих характеризует трансформацией его из органа, содействующего парламентариям в реализации контролирующей функции за органами исполнительной власти в целях защиты прав личности, в автономный контрольный орган, способствующий защите прав путем контроля за расширенным кругом субъектов, включая частные организации. Подобные новеллы способствуют сосредоточению их внимания на рассмотрении обращений граждан и устранении обнаруженных нарушений прав в каждом конкретном случае. Вместе с тем в связи с данной перенаправленностью компетенции ослабевают роль омбудсменов в сфере разработки предложений и рекомендаций по совершенствованию административной сферы и законодательства в области защиты прав человека. При этом появляется «опасность превращения омбудсменов в бюро жалоб, “диспетчеров” по распределению жалоб между компетентными государственными органами» [3, с. 33]. Основными формами реагирования являются рекомендации омбудсмена как в виде специального документа, так и в неформальном виде (например, в ходе телефонных переговоров); ежегодные и специальные доклады, посвященные каким-то определенным проблемам; предложения по совершенствованию национального законодательства; обращение в конституционные суды и другие.

Проведя анализ конституций государств европейских стран, мы пришли к выводу, что не во всех странах на конституционном уровне содержатся положения об институте омбудсмена. Как правило, в них приводятся цель создания института омбудсмена, определение и порядок приобретения статуса. В конституциях Азербайджана, Армении, Молдовы упоминается об институте омбудсмена вообще отсутствует. Таким образом, весьма желательно, чтобы существование такого учреждения было гарантировано на конституционном уровне, путем конкретных положений в Конституции, излагающих основные характеристики и полномочия учреждения омбудсмена или уполномоченного по правам человека, а также основные условия его или ее назначения. Такие положения могут быть не слишком широкими, поскольку характеристики и функции этого учреждения должны в дальнейшем быть разработаны и гарантированы в соответствующем законодательстве или положениях, которые охватывали бы в полной мере рамки и деятельность такого учреждения, содержащими при этом ссылку на Конституцию [19].

Следует отметить, что, осуществляя свои полномочия в сфере защиты нарушенных прав граждан, омбудсмены выполняют ряд социально значимых функций. К их числу большинство авторов относят следующие: контрольную, информационную, патерналистскую и культурную функции [12, с. 325]. Контрольная функция омбудсмена заключается в мониторинге за соблюдением прав человека, административными органами, а в ряде государств (Швеция, Финляндия) – и за частными лицами, объединениями, религиозными служителями. Омбудсмен контролирует деятельность администрации на основании жалоб граждан, но может и по собственной инициативе провести инспектирование деятельности должностного лица. Омбудсмен и его персонал имеют право знакомиться с документами, протоколами, иной информацией, необходимой для выполнения стоящих перед ними задач. В некоторых странах (Великобритания, Франция) по результатам своего расследования омбудсмен должен представить доклад депутату, курирующему его деятельность. Но если омбудсмен считает, что выявленные нарушения в деятельности должностных лиц или органов не были устранены, он может представить специальный доклад комитету парламента, который примет какие-либо меры по восстановлению нарушенного конкретного права гражданина [13].

В зависимости от компетенции и объема надзорных функций выделяются две модели института «омбудсмена»: «реактивная» (реагирование на жалобы); «агрессивная» (проведение исследований по собственной инициативе) [10, с. 42].

Последняя свойственна в основном государствам, относительно недавно вступившим на путь демократизации или принадлежащим к «третьему миру».

Информационная функция омбудсмана связана с его работой со СМИ, информированием о своей деятельности населения, предоставлением публикуемых на официальных сайтах ежегодного или специальных докладов о результатах своей деятельности парламенту. Существенная информация о деятельности омбудсмана содержится в ежегодном докладе парламенту. В нем омбудсмен анализирует наиболее часто встречающиеся нарушения прав граждан, отмечает недостатки в деятельности органов управления, предоставляет сведения о неправильном толковании и применении законов, сообщает о случаях уголовного преследования должностных лиц, готовит свои рекомендации по совершенствованию законодательства и практику его применения.

Патерналистская функция омбудсмана заключается в контроле за законностью и справедливостью действий и решений государственных органов по отношению к человеку и защите прав этого человека в случае их нарушения. В соответствии с этим омбудсмен нередко выступает в качестве посредника между пострадавшим лицом и властью и беспристрастного защитника прав первого.

Культурная функция института омбудсмана имеет своей целью оказывать помощь в просвещении общественности, повышать уровень знаний о правах и свободах человека, содействовать осознанию, уважению и соблюдению прав каждого человека [12, с. 325–326].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, сделаем следующие выводы.

1. Опираясь на использованные доктринальные источники, можно выделить определенные модели компетенции данного института и их специфические особенности.

«Исторической» модели (Швеция, Финляндия) свойственна тесная связь института с парламентом, он фактически является парламентской структурой. В сферу его компетенции входит контроль как за органами исполнительной власти, так и за судебной системой. Омбудсмен вправе возбуждать судебное преследование министров, большая часть из его официальных документов открыта для широкой общественности. С общественными правозащитными организациями он сотрудничает в незначительной степени, так как, когда он создавался, их и не было. В связи с этим защита прав человека не является исходно его задачей.

Для «классической» модели характерны «ослабевание» связи института с парламентом, возникновение фиксированного срока полномочий, исключение полностью из его компетентности

судебной системы и рекомендательная сила заключений омбудсмана. В его компетенцию входят чиновники исполнительной власти всех уровней (но не всегда министры), а также другие служащие, выполняющие публичные функции (Великобритания, Франция, Дания). Задача защиты прав и свобод при возникновении омбудсмана уже фиксировалась в нормативных правовых актах, но не была первоочередной. Скорее она означала содействие парламенту и судебной власти как главных инструментов гарантий основных прав и свобод человека. Отсутствие строгого и четкого определения оснований для вмешательства омбудсмана, принятия им жалобы к производству также может служить характеристикой «классического» омбудсмана.

Основными отличиями «правозащитной» модели являются приоритет защиты прав и свобод личности, достаточно высокая независимость и самостоятельность от депутатского корпуса и исполнительной власти, расширение контрольных полномочий омбудсмана, включение в его функции задач правового просвещения через СМИ и другие институты, тесное сотрудничество с национальными общественными правозащитными и международными организациями, включение в той или иной степени в сферу полномочий и судебной системы, преимущественно при осуществлении контроля за соблюдением судьями процедурных правил и этических норм (в России, Украине, Польше и других странах). Иногда законодательно закрепляется право участия омбудсмана в работе органов власти различного уровня: парламента, правительства, высших судов (например, в Молдове, Украине, Армении). В нормативных актах появляется расширенный перечень требований, предъявляемых к кандидатуре омбудсмана: возрастной, моральный, образовательный цензы, ценз оседлости и другие (например, в Польше, России, Испании, Молдове, Румынии, Украине, Армении и других странах). Важным выводом является то, что данный институт может принимать на себя новые функции на современном этапе.

2. В соответствии с полномочиями и методами деятельности выделяются следующие виды омбудсменов:

а) омбудсмен, компетенция которого имеет расширенную сферу полномочий – распространяется на суды, административные органы, негосударственные структуры, и омбудсмен с ограниченной компетенцией;

б) омбудсмен, основным направлением деятельности которого является разрешение жалобы, и омбудсмен, предпринимаящий действия не только на основе жалобы, но и по собственной инициативе;

в) омбудсмен с широким набором методов деятельности (проверка жалоб, инспекционные обследования) и омбудсмен с ограниченным набором методов (проверка жалоб).

3. В каждой стране существует своя конституционная регламентация деятельности института омбудсмана. Проведя анализ основных законов государств европейских стран, мы пришли к выводу, что лишь в небольшой части стран на конституционном уровне установлены нормы, содержащие какие-либо подробные положения об институте омбудсмана. Как правило, в них приводятся определение, сокращенный перечень возможных полномочий уполномоченного по правам человека, порядок приобретения статуса. При этом лишь в Конституции Австрии есть отдельный раздел, позволяющий четко определить основные правила, действующие в отношении Коллегии народной защиты, созданной в государстве.

Таким образом, весьма желательно, чтобы существование такого учреждения было гарантировано на конституционном уровне путем конкретных положений в Конституции, излагающих основные характеристики и полномочия учреждения омбудсмана или уполномоченного по правам человека, а также основные условия его назначения. Такие положения могут быть не слишком широкими, поскольку характеристики и функции этого учреждения должны в дальнейшем быть разработаны и гарантированы в соответствующем законодательстве, которые охватывали бы в полной мере рамки и деятельность такого учреждения со ссылкой на Конституцию. Особо следует отметить, что такое положение в Конституции об омбудсмене (или уполномоченном по правам человека) на национальном уровне не должно рассматриваться как препятствие к созданию аналогичных учреждений на местном и региональном уровнях или в отдельных сферах жизни общества.

4. Наряду с общими омбудсменами постепенно начали возникать и специализированные, задачами которых стала защита прав отдельных категорий граждан. Данная дифференциация отразила требования, предъявляемые к институту уполномоченного в 50–70-е гг. прошлого века. К тому же в Финляндии надзор омбудсмана распространяется и на министров правительства. В некоторых странах омбудсменам подконтрольны прокурорские органы, военная и тюремная администрации. В Швеции, Норвегии, ФРГ для военных учреждений создан специальный военный омбудсмен. Во многих странах надзорная деятельность омбудсмана распространяется на местную администрацию. В Великобритании, например, с 1974 г. действуют местные уполномоченные по делам администрации различных регионов страны. Помимо этого в ряде

стран появились омбудсмены по правам ребенка, делам вооруженных сил, государственным языкам, делам национальных меньшинств, делам религии, финансовым вопросам, интернет-омбудсмены и мн. др. Специализация повысила качество деятельности омбудсменов, укрепила в общественном сознании восприятие института уполномоченного в качестве самостоятельного эффективного средства защиты нарушенных прав [20].

5. Из всех проанализированных моделей омбудсмана государств-членов Совета Европы, существующих в настоящее время концепций введения института омбудсмана в Республике Беларусь, мы полагаем, наиболее эффективной моделью является предложенная профессором Г.А. Василевичем. В соответствии с ней данный институт должен быть коллегиальным (Национальное учреждение по правам человека), независимым (не должен быть членом Национального собрания, политической партии и иного общественного объединения), имеющим статус высшего должностного лица, обладающим широким спектром полномочий и многовекторным направлением деятельности («правозащитная» модель).

Введение института омбудсмана в Республике Беларусь было бы свидетельством признания государством потребности общества в неформальном, независимом, деполитизированном органе, защищающем личность от несправедливого отношения к гражданам со стороны должностных лиц и иных государственных служащих. Учреждение института омбудсмана, по мнению исследователей, позволило бы подтвердить приверженность Беларуси общечеловеческим ценностям, признание ею общепризнанных принципов международного права, стремление обеспечить соответствие им национального законодательства, демократизировать всю систему защиты прав и свобод человека; укрепить законность и правопорядок в деятельности органов государственной власти и поведении рядовых граждан; упростить обращение граждан за профессиональной помощью в деле защиты своих конституционных прав; совершенствовать работу государственных структур с международными правозащитными организациями.

Переход Республики Беларусь на новый этап формирования правового государства и гражданского общества предполагает наличие данного института, являющегося практической реализацией принципа взаимной ответственности государства и личности. Вопросами дальнейшего исследования могут быть требования, предъявляемые к институту омбудсмана как в области его прав и обязанностей, социально-правовых гарантий его статуса, так и в сфере приобретения и прекращения его полномочий.

Литература

1. Перепелица, Е.В. Некоторые проблемы создания института Уполномоченного по правам человека в Республике Беларусь / Е.В. Перепелица // Национальная идея и национальные интересы Республики Беларусь: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 19 нояб. 1998 г. / Палата представителей Нац. собр. Респ. Беларусь; науч. ред. И.В. Котляров. – Минск, 1999. – С. 117–119.
2. Деятельность омбудсменов в различных странах мира [Электронный ресурс] // Европейский омбудсмен. – Режим доступа: http://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/mass-media/kto-takoy-ombudsmen. – Дата доступа: 14.01.2022.
3. Эмих, В.В. Эволюция компетенции омбудсменов в зарубежных странах / В.В. Эмих // История государства и права. – 2008. – № 2. – С. 32–33.
4. Хилль-Роблес, Альваро. Парламентский контроль за администрацией (институт омбудсмена) / Альваро Хилль-Роблес. – М.: Моск. шк. полит. исследований, 2004. – 360 с.
5. Конституция Финляндии от 11.06.1999 // Конституции государств Европы: в 3 т. / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: ВолтерсКлувер, 2001. – Т. 3. – С. 371–400.
6. Righting Wrongs. The Ombudsman in Six Continents / ed. by Roy Gregory and Philip Giddings. – Amsterdam: IOS Press, 2000. – 500 p.
7. Сунгуров, А.Ю. Институт Омбудсмена: эволюция традиций и современная практика: дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02 / А.Ю. Сунгуров. – М., 2007. – 250 л.
8. Конституция Республики Польша от 02.04.1997 // Конституции государств Европы: в 3 т. / под ред. Л.А. Окунькова. – М.: ВолтерсКлувер, 2001. – Т. 2. – С. 686–732.
9. Уполномоченные по правам человека (омбудсмены) стран Европы и СНГ: сб. нормативных правовых актов / рук. проекта проф. О.О. Миронов; сост.: Р.С. Фейзуханов, В.Э. Толмачев, Ю.Г. Спичак. – М.: Юриспруденция, 2003. – 204 с.
10. Вагизов, Р.Г. Понятие омбудсмена (уполномоченного по правам человека) в современной правовой доктрине / Р.Г. Вагизов // Российская юстиция. – 2008. – № 11. – С. 40–44.
11. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. конституц. закон № 1-ФКЗ от 26.02.1997 (в ред. 09.11.2020) // Консультант-Плюс. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13440/. – Дата доступа: 14.01.2022.
12. Белякович, Н.Н. Права человека и политика: философско-правовые основы / Н.Н. Белякович. – Минск: Амалфея, 2009. – 412 с.
13. The International Ombudsman Anthology. Selected Writing from the International Ombudsman Institute / ed. by Linda C. Peif. – The Hague: Kluwer Law International, 1999. – P. 435–453.
14. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. Особенная часть: учебник для вузов / рук. авт. колл. и отв. ред. д.ю.н., проф. Б.А. Страшун. – М.: Норма, 2006. – 1104 с.
15. Лентовска, Е. Как начиналась работа Уполномоченного по гражданским правам: в 2 т. / Е. Лентовска; пер. с пол. Э.С. Орловского. – М.: Проектная группа по правам человека, 1997. – Т. 1. – 312 с.
16. Лентовска, Е. Омбудсмен в странах Восточной и Центральной Европы (Польский опыт): Обзорный доклад о деятельности омбудсмена в Польше, 1994 г. / Э. Лентовска // Рос. бюл. по правам человека. – 1995. – № 7. – С. 133–141.
17. Конституция Норвежского Королевства от 17.05.1814 (в ред. 23.07.1995) // Интернет-библиотека конституций Романа Пашкова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldconstitutions.ru>. – Дата доступа: 24.12.2021.
18. Конституция Португальской Республики от 02.04.1976 // Конституции государств Европейского Союза / под общ. ред. и со вступ. ст. Л.А. Окунькова. – М.: Изд. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1999. – С. 521–600.
19. О возможной реформе учреждения омбудсмена в Казахстане: Заключение Венецианской комиссии от 5 июня 2007 года № 425/2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30926739&pos=1;-16#pos=1;-16. – Дата доступа: 02.12.2021.
20. Ивашкевич, Е.Ф. Значение института омбудсмена на современном этапе и развитие специализированных омбудсменов в зарубежных странах / Е.Ф. Ивашкевич // Право. Экономика. Психология. – 2018. – № 2(10). – С. 3–14.

Поступила в редакцию 14.01.2022

Контрольные полномочия Президента в системе органов представительной власти Республики Беларусь

Козак М.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Контрольные полномочия Президента в системе органов представительной власти являются одной из форм взаимодействия представительных органов наравне с сотрудничеством и координацией, занимают значительную часть всех полномочий Президента и выступают гарантией стабильности всего государственного механизма.

Цель статьи – научное обоснование необходимости уточнения и совершенствования реализации контрольных полномочий Президента, выработка прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в конституционное законодательство.

Материал и методы. Научную теоретико-правовую базу исследования составили труды белорусских и российских правоведов, материалы сравнительного правоведения, нормативные правовые акты, закрепляющие контрольные полномочия Президента Республики Беларусь. В качестве методов изучения использовались системный анализ, логический метод, сравнительного правоведения, формально-юридический, конституционно-правового моделирования, толкования права.

Результаты и их обсуждение. Контрольные полномочия Президента в системе органов представительной власти по возможности роспуску палат Парламента призваны обеспечить максимальную координацию общегосударственных интересов и баланс интересов всех государственных органов, закрепление понятия «грубое нарушение Конституции и законодательства» поможет уточнить применение норм в правоприменительной практике.

Заключение. С учетом проведенного исследования для совершенствования конституционно-правовых основ функционирования системы органов представительной власти предлагается закрепить определение «грубое нарушение Конституции и законодательства, влекущее прекращение полномочий представительного органа» в целях единообразной правоприменительной практики. Предлагается закрепление обязательной консультации Президента при роспуске палат Парламента как согласительной процедуры, возможной меры преодоления конфликта ветвей власти.

Ключевые слова: представительная власть, представительные органы, Президент, Парламент, контрольные полномочия, грубое нарушение Конституции, обязательная консультация.

Control Powers of the President in the System of Representative Authorities of the Republic of Belarus

Kozak M.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

Control powers of the President in the system of representative authorities are one of the forms of the interaction of representative bodies along with cooperation and coordination. They take the bigger part of the President's powers and are the guarantee for the stability of the whole state mechanism.

The research purpose is a scientific substantiation of the necessity to specify and improve the implementation of the President's control powers as well as elaboration of applied guidelines for introducing changes into the constitutional law.

Material and methods. The research theoretical and legal base is made up by works of Belarusian and Russian law scientists, materials of comparative law studies, normative legal acts which fix the control powers of the President of the Republic of Belarus. The research methods were the system analysis, the logical method, the method of comparative law studies, the formal and legal methods, the methods of constitutional and legal modeling and law interpretation.

Findings and their discussion. The President's control powers of the possible dissolving the Houses, in the system of representative authorities, are to provide maximal coordination of general state interests as well as interest balance of all state bodies; fixing the notion of gross violation of the Constitution and the legislation will make it possible to specify the application of the norms in the law application practice.

Conclusion. To improve the Constitution and legal bases of functioning the system of representative authorities, the conducted research suggests fixing the definition of gross violation of the Constitution and the legislation which results in ceasing the powers of a representative authority, which aims at the uniform law application practice. Fixing the obligatory President's consultation in dissolving the Houses of Parliament as a procedure of concession, a possible measure to prevent the conflict between branches of power is suggested.

Key words: representative power, representative bodies, President, Parliament, control powers, зрубое violation of the Constitution, mandatory consultation.

Взаимодействие органов представительной власти между собой является важным и незаменимым показателем наличия системы как таковой. Взаимодействие органов представительной власти – сложный, длительный и непрерывный процесс, в котором все его элементы находятся в постоянной динамике. Основными формами взаимодействия представительных органов можно назвать сотрудничество, координацию и контроль. Такие формы взаимодействия призваны обеспечить максимальную координацию общегосударственных и местных интересов, активное сотрудничество представительных органов при реализации своих полномочий. При этом в теории и законодательстве говорится о контрольных полномочиях представительных органов в системе органов представительной власти.

К прямо закрепленным контрольным полномочиям Президента в системе органов представительной власти можно отнести: 1) роспуск палат Парламента по различным основаниям (связанным с деятельностью Совета Министров, с деятельностью самих палат); 2) проведение консультации с председателями палат перед роспуском одной или обеих палат; 3) подписание закона после его принятия и одобрения палатами Парламента; 4) контроль за соблюдением законодательства местными представительными органами. Эти полномочия являются результатом длительной контрольной деятельности Президента.

Цель статьи – научное обоснование необходимости уточнения и совершенствования реализации контрольных полномочий Президента, выработка прикладных рекомендаций по внесению изменений и дополнений в конституционное законодательство.

Материал и методы. Научную теоретико-правовую базу исследования составили труды белорусских и российских правоведов, материалы сравнительного правоведения, нормативные правовые акты, закрепляющие контрольные полномочия Президента Республики Беларусь. В качестве методов изучения использовались системный анализ, логический метод, сравнительного правоведения, формально-юридический, конституционно-правового моделирования, толкования права.

Результаты и их обсуждение. Проблемы правовой регламентации и реализации контрольных полномочий Президента стали предметом научного исследования в отечественной литературе. Отдельным аспектам этого вопроса посвящены работы Г.А. Василевича, И.В. Вегеры, А.М. Боголейко, Т.С. Масловской, А.М. Синицыной и других авторов.

Роспуск Президентом палат Национального собрания Республики Беларусь является не реализованным на практике полномочием по взаимодействию представительных органов. В пункте 3 статьи 84 Конституции Республики Беларусь закреплено право Президента на принятие решения о роспуске палат. В конституционной практике роспуск палат Парламента представляет собой важное средство разрешения политических конфликтов, конституционный способ обеспечения непрерывности государственной власти. Конституционное закрепление роспуска палат обеспечивает необходимое равновесие властей, установление баланса между властями и предусмотрено для того, чтобы избиратели своим голосованием решили конфликт, преодолели кризис власти. Выступает как один из способов реализации системы сдержек и противовесов в смешанных (президентских) республиках.

Президенты в зарубежных странах нередко пользуются этим правом, например, во Франции роспуск палаты был осуществлен три раза с 1958 года. По французскому законодательству Президент может после консультации с Премьер-министром и председателями палат распустить одну палату. В Италии последний роспуск обеих палат Парламента был в конце 2017 года. В Казахстане роспуск Парламента был в 1993 году. В 1995 году по решению Конституционного Суда Казахстана Парламент страны был признан нелегитимным и также был распущен. В 2007 году после изменения Конституции Казахстана Парламент был распущен по Указу Президента Казахстана в ответ на просьбу депутатов. Роспуск палат Парламента в Казахстане сопровождался конституционными реформами. В Румынии, в которой законодательство очень схоже с белорусским, с 1991 года не было ни одного роспуска. В России с 1993 года после вступления новой действующей Конституции не было роспуска Парламента, хотя до ее вступления в 1993 году Президент Б. Ельцин распустил Съезд народных депутатов и Верховный Совет России.

В Конституции Республики Беларусь, в Законе Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» уточнено, что по решению Президента полномочия Палаты представителей могут быть прекращены в следующих случаях: отказ в доверии Палатой представителей Совету Министров; выражение вотума недоверия или двукратного отказа в даче согласия на назначение Премьер-министра; систематическое или грубое нарушение Конституции Республики Беларусь. Основанием для роспуска является заключение Конституционного Суда Республики Беларусь, для Совета Республики – заключение Конституционного Суда или прекращение полномочий

Палаты представителей. Необходимо отметить, что заключение Конституционного Суда о наличии фактов систематического или грубого нарушения палатами Национального собрания Республики Беларусь Конституции служит основанием для принятия Главой государства окончательного решения по вопросу досрочного прекращения полномочий палат Парламента. Ограничения к роспуску: первый год после начала полномочий палат, чрезвычайное и военное положение, последние шесть месяцев полномочий Президента и в период решения палатами вопроса о досрочном освобождении или смещении Президента с должности.

Все основания досрочного роспуска палат Национального собрания можно разделить на две группы: первая связана с формированием и деятельностью Правительства; вторая – с характером деятельности самих палат Парламента. Все основания, относящиеся к первой группе, являются политическими по своей сущности и не предполагают наличия правонарушений со стороны палат Парламента. Выражение вотума недоверия или отказ в доверии, неодобрение кандидатуры Премьер-министра, двукратное отклонение программы деятельности Правительства выступают средствами политического воздействия, допустимыми и, более того, необходимыми для сдерживания и контроля за деятельностью Правительства. Во втором случае роспуск палат Парламента – это мера конституционно-правовой ответственности за систематическое и грубое нарушение Конституции, применяемая к любой из палат Парламента по решению Главы государства, по итогам заключения Конституционного Суда. Такое основание для роспуска палат не предусматривается в законодательстве других стран.

В белорусском конституционном законодательстве не в полной мере определено, что считать «грубым» и «систематическим» нарушением Конституции. В статье 5 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» указано, что систематически – это более двух раз, но не указан период, за который необходимо считать эти нарушения. Профессор Г.А. Василевич неоднократно пишет о необходимости уточнения и конкретизации этих понятий в конституционной отрасли права и предлагает считать систематическими те нарушения, которые совершены в течение одного года, а также ограничить срок, после которого принятие акта допустимо для наступления меры конституционной ответственности [1, л. 35; 2, с. 9; 3, с. 174]. В своей диссертации российский исследователь М.А. Гусева также предлагает внести уточнение в определение периода, в течение которого необходимо рассматривать нарушения

палатами Парламента Конституции, и выбирает из двух вариантов «в течение года» или «в течение всего срока полномочий» первый [4, л. 10]. Согласны с предложенным сроком – в течение 1 года с момента первого нарушения Конституции. Такой вариант представляется наиболее логичным, за это время можно будет оценить, в каком направлении намерен работать Парламент. Более длительное время рассматривать не следует из-за наступления возможных последствий неконституционной деятельности палат.

Следующее условие для отставки палат Парламента определено как «грубое нарушение Конституции». Данное словосочетание в Конституции Республики Беларусь встречается дважды в отношении палат Парламента. Схожая формулировка употребляется в отношении местных Советов депутатов – «грубое нарушение законодательства». В других нормативных правовых актах, устанавливающих правовой статус представительных органов, также встречается данное определение, но ни в одном акте не дается разъяснения, что понимать под грубым нарушением.

Содержание данного понятия зависит от конкретных обстоятельств, является условно-оценочным и обусловлено субъективной интерпретацией. Необходимо четко понимать, что оно предполагает как нарушение именно норм Конституции, приведшее к каким-либо последствиям государственного значения в отношении государственных органов власти – нарушению законности в государстве, так и повлекшее массовые нарушения прав и свобод человека, гражданина или отдельной категории граждан (пенсионеры, студенты, военнослужащие). Согласны с мнением А.Н. Пугачева о том, что «необходимость адекватных мер воздействия на субъектов конституционно-правовых отношений в целях охраны и защиты Конституции Беларуси вытекает непосредственно из закрепленных ею основ конституционного строя Республики Беларусь как демократического правового государства, обязанного обеспечивать признание, соблюдение и защиту целого комплекса конституционных ценностей: прав и свобод личности, суверенитета, единства системы государственной власти, верховенства права и т.д.» [5, с. 105]. Поддерживает данное заключение и исследователь В.А. Виноградов, который подчеркивает, что «сохранение конституционного строя представляет собой ответственность власти за состояние конституционности и законности в правотворческой и правоприменительной деятельности государственных органов и должностных лиц» [6, с. 3]. Грубые нарушения Конституции необходимо считать таковыми, если будут определены наступившие или могущие

наступить противоправные последствия в результате нарушения именно основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина. По мнению А.М. Синицыной, «регулярное неисполнение актов Конституционного Суда может являться основанием для постановки вопроса о систематическом или грубом нарушении Парламентом Конституции Республики Беларусь. Возможность наступления конституционно-правовой ответственности будет являться дополнительным стимулом для своевременного претворения в жизнь актов органа конституционного правосудия» [7, с. 24]. С точки зрения А.М. Боголейко, «посягательства на Конституцию и конституционный строй могут проявляться в неконституционных способах достижения целей деятельности субъекта, а равно в самом установлении (декларировании) неконституционных целей, в призывах к неконституционным действиям (или пропаганде таких действий). Так, запрещается деятельность, имеющая целью насильственное изменение конституционного строя, ведение пропаганды войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды, направленная против суверенитета Республики Беларусь, ее конституционного строя и гражданского согласия (часть третья ст. 5, часть третья ст. 16 Конституции)» [8, с. 199]. Для наступления такой конституционно-правовой ответственности, как роспуск палат Парламента, должно быть нарушение Конституции, т.е. необходимо совершение правонарушения. Если перенести категорию «грубые нарушения Конституции или законодательства» в плоскость правонарушений, то грубыми будут считаться те, которые закреплены в уголовном законодательстве, а не в административном, где общественная опасность и негативные последствия ниже.

В уголовном законодательстве четко определены составы преступления, все элементы правонарушения, которые можно отнести к нарушениям конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина. В вопросе соотношения конституционно-правовой ответственности с уголовной нельзя забывать о субъекте ответственности. В первом случае это орган государственной власти, во втором – это всегда физические лица. В статье 2 Уголовного кодекса Республики Беларусь закреплены задачи уголовного законодательства, которые могут лечь в основу содержания понятия «грубые нарушения Конституции и законодательства». В первую очередь государство должно защищать мир, безопасность, общество, человека, его права и свободы, собственность, права юридических лиц, природную среду, общественные и государственные интересы, конституционный строй Республики Беларусь [9, ст. 2].

Для необходимости более объективного понимания данных категорий можно обратиться к статьям Уголовного кодекса Республики Беларусь, где конкретизированы объект и объективная сторона правонарушения. Определение наступивших последствий можно перенести в сферу конституционно-правовой ответственности для предъявления обвинения и претензий к работе палат Парламента по основанию «грубое нарушение Конституции», что может привести к их роспуску.

Для отнесения того или иного действия к основаниям прекращения полномочий представительного органа определяющее значение будет иметь решение Конституционного Суда Республики Беларусь, который, в свою очередь, будет опираться, прежде всего, на основополагающие положения Конституции.

Таким образом, необходимо установить единообразный подход и более четкую трактовку с конкретизированными основаниями понятия «грубые нарушения Конституции и законодательства», что будет способствовать универсальному определению квалифицирующих признаков объективной стороны конституционного правонарушения, позволит работать данной норме и придаст ей не только декларативный характер. Предлагаем под грубым нарушением Конституции или законодательства, возможным повлечь прекращение полномочий представительного органа, понимать *публичную деятельность органа, противоречащую Конституции и законодательным актам, влекущую за собой массовые нарушения конституционных прав граждан, основ конституционного строя, угрозу национальной безопасности и обороне, способности государства охранять мир, собственность, права юридических лиц, природную среду, общественные и государственные интересы, а также установленного правопорядка от преступных посягательств и другие нарушения, повлекшие тяжкие последствия*. В статье 94 Конституции Республики Беларусь необходимо закрепить положение о том, что полномочия Палаты представителей либо Совета Республики могут быть досрочно прекращены на основании заключения Конституционного Суда в случае систематического или грубого нарушения Конституции, повлекшего общественно опасные последствия в результате нарушения основ конституционного строя, прав и свобод человека и гражданина.

Принимая во внимание, что запрос на проверку конституционности деятельности палат Парламента имеет право делать только Президент, Конституционный Суд, в свою очередь, рассматривает только представленные им материалы. Самостоятельной инициативой в данном

случае Конституционный Суд не обладает. Уточнение вышеназванных понятий можно внести в статью 5 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» и статью 18 Закона Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь».

В статье 143 Конституции Республики Беларусь закреплено еще одно основание для роспуска – это возможность прекратить полномочия Палаты представителей или Совета Республики при роспуске одной из палат. На практике сложилось, что палаты Парламента формируются в одно и то же время, расхождение возможно в несколько дней. Срок полномочий их также заканчивается практически одновременно, поэтому при роспуске только одной из палат нарушается синхронность работы Национального собрания (к этому же выводу приходит И.В. Вегера [10, с. 141]), сроки полномочий палат уже не будут совпадать, и выборы в палаты должны будут проходить в разное время. Такой практики в деятельности белорусского Парламента не было, но, например, в Японии в случае роспуска одной палаты Парламента полномочия второй палаты прекращаются автоматически [11, с. 99]. В предлагаемых изменениях в Конституцию Республики Беларусь 2022 г. имеется норма по уточнению такой ситуации, которая гласит: если представительный орган будет распущен досрочно, то полномочия вновь избранного органа продлятся до очередного единого дня выборов.

В отношении Президента в соответствии с предлагаемыми дополнениями в Конституцию 2022 г. вносится норма о возможности смещения Президента с должности Всебелорусским народным собранием в случае систематического или грубого нарушения Конституции либо совершения государственной измены или иного тяжкого преступления. Такое решение может быть принято после заключения Конституционного Суда. Данная норма также требует уточнения по содержанию, что понимать под «систематическим» и «грубым» нарушением.

В Конституции Республики Беларусь закреплено право Главы государства перед роспуском Парламента провести *официальную консультацию* с председателями палат в указанные сроки: «ропуск возможен не позже чем через 2 месяца после такой консультации». В зарубежном законодательстве предусматривается возможность или обязательность консультации Президента при роспуске Парламента. Так, в статье 12 Конституции Франции определена возможность запросить консультацию у председателей палат Парламента, но мнение председателей для Президента не является обязательным. Интересен пример Португалии, где перед роспуском Парламента

Президент должен заручиться согласием по данному решению Государственного Совета, в состав которого входят по должности Премьер-министр, Председатель Парламента, Председатель Конституционного Суда, Генеральный прокурор, главы администраций автономных регионов, бывшие президенты, 5 граждан, назначенных самим Президентом, и 5 представителей парламентских фракций. В Финляндии Президент может распустить Парламент только при наличии обязательного согласия Правительства. В период очередного политического кризиса в Италии в 2019 году Президент Италии после отставки Премьер-министра проводил консультации с бывшим президентом, со спикерами палат Парламента и делегациями основных парламентских партий государства на предмет путей преодоления кризиса между властями и целесообразности проведения внеочередных выборов в Парламент. Кризис разрешился не путем внеочередных выборов представительного органа, а через формирование нового состава Правительства. Пример таких консультаций показывает, что они нужны для совместного принятия решений и минимизации последствий политических противоречий в стране.

Обязательность процедуры консультаций Президента при роспуске палат Парламента не закреплена. Считаем, что наличие обязательной консультации могло бы заменить процедуру самороспуска палатами Парламента, право на который палаты Парламента по Конституции Республики Беларусь с изменениями и дополнениями 1996 года не имеют. Обязательная консультация предполагает предотвращение принятия неожиданных, необдуманных, бесосновательных решений, наличие диалога между властями и возможность принятия целесообразного решения в зависимости от ситуации. Обязательная консультация является согласительной процедурой, возможной мерой преодоления конфликта ветвей власти.

Заключение. Таким образом, по результатам рассмотрения теоретико-правовых вопросов в данной статье считаем необходимым процедуру обязательной консультации закрепить в Законе Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» и предусмотреть консультацию Президента с председателями палат Парламента, Премьер-министром и Председателем Конституционного Суда. Полагаем, что в случае придания конституционного статуса Всебелорусскому народному собранию (далее – ВНС) необходимо на консультацию приглашать и его Председателя. Для этого необходимо внести изменение в часть третью статьи 94 Конституции Республики Беларусь и в часть четвертую статьи 27 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании

Республики Беларусь», изложив ее в следующей редакции: «Решения по этим вопросам Президент принимает не позднее чем в двухмесячный срок после обязательной совместной официальной консультации с председателями палат Парламента, Премьер-министром и Председателями Всебелорусского народного собрания и Конституционного Суда Республики Беларусь».

В целях единообразной правоприменительной практики дополнить уточнением статью 18 Закона Республики Беларусь «О Президенте Республики Беларусь», а также статью 5 Закона Республики Беларусь «О Национальном собрании Республики Беларусь» и закрепить следующее определение: «грубое нарушение Конституции и законодательства, влекущее прекращение полномочий представительного органа» – «*публичная деятельность представительного органа, противоречащая Конституции и законодательным актам, повлекшая массовые нарушения конституционных прав и свобод граждан, создающая угрозу конституционному строю, национальной безопасности и обороноспособности страны, общественным и государственным интересам, установленному правопорядку*».

Наравне с предложенными уточнениями и дополнениями для повышения роли, авторитета и самостоятельности представительных органов предлагается при назначении Президентом высших должностных лиц уточнить в нормативных правовых актах обязательность предварительной процедуры согласия палат Национального собрания Республики Беларусь; законодательно закрепить процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности депутатов и членов Национального собрания представительным органом; наделить палаты Национального собрания правом самостоятельного решения вопроса о созыве внеочередной сессии или внеочередного заседания; ввести в законодательные акты термин «внеочередное заседание».

Литература

1. Боголейко, А.М. Конституционно-правовая ответственность (по законодательству Республики Беларусь): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Боголейко. – Минск, 2012. – 180 л.
2. Василевич, Г.А. Коллегиальные представительные органы – основные субъекты конституционно закрепленной системы сдержек и противовесов / Г.А. Василевич // Ценностная парадигма Основного закона Республики Беларусь: материалы респ. науч.-практ. конф., Минск, 14 марта 2013 г. / редкол.: Г.А. Василевич [и др.]. – Минск, 2013. – 148 с.
3. Правотворческий процесс: учеб. пособие / А.Н. Бодак [и др.]; под ред. Г.А. Василевича. – Минск: Выш. шк., 2015. – 271 с.
4. Гусева, М.А. Конституционно-правовой статус Национального собрания Республики Беларусь: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / М.А. Гусева. – М., 2016. – 192 л.
5. Пугачев, А.Н. Конституционно-правовая ответственность в механизме охраны Основного Закона / А.Н. Пугачев // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2009. – № 4. – С. 105–111.
6. Виноградов, В.А. Понятие и особенности конституционно-правовой ответственности: проблемы России, опыт зарубежных стран / В.А. Виноградов. – М.: Ин-т права и публичной политики, 2003. – 117 с.
7. Синицина, А.М. Теоретико-прикладные проблемы оптимизации судебного конституционного контроля в Республике Беларусь: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / А.М. Синицина; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 28 с.
8. Боголейко, А.М. Конституционно-правовая ответственность в Республике Беларусь и зарубежных странах: учеб. пособие для учрежд. высш. образования по спец. «Правоведение» / А.М. Боголейко, Г.А. Василевич. – Минск: Выш. шк., 2016. – 287 с.
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: 9 июля 1999 г., № 275-З: принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г.: в ред. Закона Респ. Беларусь № 133-З от 14 дек. 2021 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.
10. Вегера, И.В. Основания и порядок досрочного прекращения полномочий палат Парламента / И.В. Вегера // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2011. – № 13. – С. 139–142.
11. Нудненко, Л.А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации = Constitutional legal status of deputy of legislative body of state power in the Russian Federation / Л.А. Нудненко; Ассоц. «Юрид. центр». – СПб.: Юрид. центр пресс, 2004. – 473 с.

Поступила в редакцию 17.01.2022

Юридические факты уголовного права в судебных решениях по гражданским делам

Чеговадзе Л.А.

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье рассмотрены внутриотраслевой и межотраслевой подходы к юридической квалификации фактов и обосновывается, что, если в рамках одной из отраслей права деяние признано правонарушением, ни в одной другой отраслевой квалификации оно не может оцениваться правомерным, хотя степень тяжести юридических санкций в связи с названным деянием и различается.

Цель работы – исследование приемов и методов юридической квалификации фактов в рамках гражданского процесса с использованием материалов и выводов уголовного и административного правосудия.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили российское гражданское, уголовное и административное законодательство, научные статьи по теме исследования, а также материалы судебной практики. Основными научными методами являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа нормативно-правового материала, доктринальных научных источников и обширной право-применительной практики делается вывод, что способом юридической квалификации фактов в рамках той или иной отрасли права является системный подход, а именно: на основе толкования закона 1) определяется, нормам какой отрасли права соответствуют квалифицируемые обстоятельства, и 2) оценивается, насколько они соответствуют квалификационным признакам применяемых (используемых) с этой целью норм «искомой» правовой отрасли. Юридический факт – это форма существования обстоятельств действительности в правовой сфере, и один и тот же факт может быть оценен с применением юридических конструкций разных отраслей права. И если деяние в рамках отрасли публичного права квалифицируется как правонарушение, противоправный характер установленного факта должен оставаться неизменным и при частнопредметной отраслевой квалификации. Не подлежит сомнению, что реакция любой отрасли права на противоправное (неправомерное) поведение должна быть отрицающей, а нарушитель чужих прав должен лишаться выгод, которые он получил или на которые нацеливался, действуя вразрез с законом, посягая на права и охраняемые законом интересы частных лиц или всего гражданского общества. И если в рамках уголовного дела доказано, что лицо реализовало умысел на легализацию чужого имущества под видом фактов правомерного распоряжения данным имуществом, то в рамках гражданско-правовой квалификации это деяние должно квалифицироваться не в качестве сделки купли-продажи, а как юридически ничтожное, не влекущее типичных для гражданского права последствий. Поскольку по закону хищение чужого имущества квалифицируется как уголовно-наказуемое деяние и тогда, когда оно прикрыто гражданско-правовой сделкой. Соответственно, подобные «сделки» не могут служить основанием для приобретения права собственности на имущество, отчуждаемое не его правообладателем, и приобретатели такого имущества не являются добросовестными.

Заключение. В статье доказана необходимость выработки единых подходов к юридической квалификации фактов всеми правоприменителями и в первую очередь судами гражданского судопроизводства. Факты неправомерного поведения, обладающие высокой степенью противоправности, при частнопредметной квалификации должны оцениваться иначе, нежели деяния, имеющие небольшую степень субъективной погрешности.

Ключевые слова: юридические факты, отраслевая и межотраслевая квалификация деяний, нормативно-правовые конструкции, фактические обстоятельства, неправомерные деяния, противоправное поведение, сделка, приобретение права собственности, гражданско-правовые последствия.

Legal Facts of Criminal Law in Court Decisions on Civil Cases

Chegovadze L.A.

Moscow V.Ya. Kikot University of Ministry of Internal Affairs of Russia

The inner and inter branch approaches to legal qualification of facts are considered in the article. It is substantiated that if within one of the branches of law the act is considered to be a misconduct it can not be regarded as legal in any other branch qualification although the degree of severity of legal sanctions can be different.

The research purpose is a study of tools and methods of legal qualification of facts within the civil process using the materials and conclusions of criminal and administrative law.

Material and methods. The research material was Russian civil, criminal and administrative law, scientific articles on the research topic as well as materials of court practice. The main research methods were the methods of formal and legal as well as comparative and legal analysis.

Findings and their discussion. On the basis of an analysis of normative and legal material, doctrinal scientific sources as well as vast law applying practice a conclusion is made that the system approach is a way of legal qualification of facts within this or that branch of law, namely, on the basis of law interpretation it is identified, 1) the norms of which branch of law the circumstances under qualification correspond and it is assessed 2) how they correspond the qualification features of the applied (used) norms of the legal branch under consideration. A legal fact is a form of the existence of circumstances of reality in the legal sphere; one and the same fact can be evaluated using legal structures of different branches of law. If the act within the branch is publicly qualified as a misconduct the contradictory character of the established fact must stay unchanged withing the private and legal branch qualification. The reaction of any branch of law to misconduct should certainly be negative while the violator of others' rights should be deprived of benefits which he obtained or was going to obtain when breaking the law, by violating rights and protected interests of private individuals and the whole civil society. If it is proved within a criminal case that the individual implemented his intention to legalize somebody's belongings pretending to have legal rights to owe them, according to civil and legal qualification this act should be qualified as illegal, not followed by typical for civil law consequences, but not as a buying-selling bargain. Since according to the law, theft of other people's belongings is qualified as a criminal act when it is disguised as a civil and legal bargain. Consequently such "bargains" can not only be considered the basis for acquiring the right of ownership of the belongings which are alienated not by their legal owner but also the buyers of these belongings are illegal.

Conclusion. The necessity in the elaboration of unified approaches to the legal qualification of facts by all law appliers and, first of all, by civil courts is proved in the article. Facts of illegal behavior, which are highly contrary to law, when they are qualified in a private legal way, should be evaluated in a different way compared to acts which have a small degree of subjective error.

Key words: legal facts, branch and inter-branch qualification of misconduct, normative and legal structures, actual circumstances, misdemeanor, misconduct, bargain, acquiring the right for belongings, civil and legal consequences.

Правосудие есть неизменная и постоянная воля
предоставлять каждому его право.
Домиций Ульпиан, 1-я книга «Правил»

Факты становятся юридическими под воздействием норм права (гражданского, налогового, уголовного и т.д.). Нормы содержат критерии правовой трансформации явлений и тем служат квалификации содеянного. «Право выступает дважды: во-первых, как норма, которой подчиняются правовые отношения, и, во-вторых, как инструмент и метод, которые дают определение и одновременно оформляют факты» [1, с. 60]. Когда фактические обстоятельства и содержание нормы совпадают, это означает, что норма применима и тогда заложенный в ней потенциал проявляется вовне. При квалификации надо: 1) решить, нормам какой отрасли права соответствуют квалифицируемые обстоятельства, и 2) оценить, насколько они соответствуют квалификационным признакам применяемых (используемых) с этой целью норм. То есть на основе толкования закона определяется его применимость/неприменимость к обстоятельствам произошедшего.

Нормы могут содержать дозволения, предписания и запреты, а лица могут их использовать, исполнять и нарушать, в зависимости от чего деяния квалифицируются как факты правомерного или противоправного поведения. Юридический факт – это форма существования обстоятельств действительности в правовой сфере.

Нормы применяют (используют), чтобы урегулировать деяние и по схеме «если – то» связать с ним нормативно определенные последствия. В случаях с правомерными фактами ожидаемые от них последствия закрепляются (подтверждаются), если факт квалифицируется противоправным, его нежелательные последствия пресека-

ются (ликвидируются). Право решает эти задачи системно, и ученые ведут речь о межотраслевом регулировании [2, с. 18].

Цель работы – исследование приемов и методов юридической квалификации фактов в рамках гражданского процесса с использованием материалов и выводов уголовного и административного правосудия.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили российское гражданское, уголовное и административное законодательство, научные статьи по теме исследования, а также материалы судебной практики. Выводы автора о необходимости межотраслевого подхода к юридическим фактам опираются на работы отечественных и зарубежных ученых, в частности, И.А. Покровского, М.Ю. Чельшева, М.К. Сулейменова, Рольфа Книпера и др. Основными научными методами являются метод формально-юридического и сравнительно-правового анализа.

Результаты и их обсуждение. Разнообразные обстоятельства фактической действительности могут быть квалифицированы с применением норм разных отраслей права, при этом для целей конкретного правоприменения «берется» свой внутриотраслевой результат. Вместе с тем межотраслевые подходы к юридической оценке содеянного требуют учитывать существо внутриотраслевой квалификации каждого факта и не допускать такого положения дел, при котором поведение, признанное противоправным в рамках публичных отраслей права, оценивается как правомерное в ходе частноправовой квалификации.

Так, акт повреждения или уничтожения чужого имущества в рамках отраслей публичного

права становится юридическим фактом наказуемого поведения [3]. Выбор отрасли для квалификации названного деяния – административное право или уголовное – зависит лишь от размера ущерба. Но в любом случае – это реакция общества и его правоохранительной системы на противоправное поведение, когда преследуется цель наказать виновного и предупредить подобное: «дабы другим не повадно было» [4].

По нормам гражданского права акт повреждения или уничтожения чужого имущества – это деликт и частное дело двоих. Нормы главы 59 ГК служат принципиально иной цели – восстановлению имущественного положения потерпевшего. Деликт – это также неправомерное деяние лица, хотя правонарушителем суд объявляет его лишь по требованию потерпевшего. Общество и правоохранительные органы лишены возможности вмешиваться в частные дела по своей инициативе. Иногда об этом прямо говорит закон и, к примеру, вступивший в законную силу приговор суда по уголовному делу обязателен для арбитражного суда в части ответов на вопрос: совершено ли квалифицируемое деяние данным конкретным лицом? В любом случае реакция права на противоправное (неправомерное) поведение должна быть отрицающей всегда. И от отрасли права это никак не должно зависеть. Нарушитель чужих прав должен лишаться выгод, которые он получил или на которые нацеливался, действуя вразрез с нормами любой отрасли права. И Верховный Суд Российской Федерации нацеливает суды на то, что в каждом конкретном случае неправомерного деяния необходимо с учетом всех обстоятельств дела установить, что лицо заведомо совершило финансовую операцию или сделку с целью придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению указанными денежными средствами или иным имуществом [5].

Вроде бы все очевидно, но решения судов по отдельным гражданским делам свидетельствуют об ином. Например, Тушинский районный суд г. Москвы [6] отказал истцу Ч. в удовлетворении требований к Ш.В. и Ш.Л.Т. о признании за Ч. права собственности на законным образом приобретенную им квартиру. Суд отказал Ч. в признании отсутствующим права собственности на ту же квартиру у Ш.В. и Ш.Л.Т. Спорная квартира передана истцу лицом, которое обладало правом передать спорное жилое помещение в его собственность. Суд установил, что спорная квартира передана истцу на основании Соглашения, закрепившего его право на получение квартиры в собственность. Наряду с Соглашением с Ч. подписаны Акт о его вступлении в права владения, пользования и распоряжения квартирой, а затем Акт о реализа-

ции Соглашения о праве на получение Ч. квартиры в собственность. Право собственности на квартиру Ч. не зарегистрировал, не может доказать свое право собственности выпиской из ЕГРП. То, что на квартиру претендуют Ш.В. и Ш.Л.Т., выяснилось, когда истец производил в ней ремонт, то есть истец фактически завладел спорным имуществом.

Ответчики Ш.В. и Ш.Л.Т. купили спорную квартиру у А., который квартиру не приобрел, а право собственности на нее зарегистрировал по поддельному решению суда о признании за ним права собственности.

Сравнивая юридические факты, породившие спорные правовые последствия, видим: соглашение, закрепившее право Ч. на получение квартиры в собственность, – это надлежащее правовое основание для действий по передаче квартиры в собственность Ч. Передача квартиры лицом, которое обладало правом передать спорное жилое помещение в собственность Ч., – это сделка, направленная на возникновение у Ч. права собственности, действие, с которым закон напрямую связывает возникновение у Ч. права собственности. Налицо основания возникновения права собственности Ч. на квартиру (соглашение), соблюден способ приобретения права собственности (передача). Вследствие названных юридических фактов у Ч. появилось право произвести государственную регистрацию права собственности на законным образом приобретенную квартиру. Если право Ч. на государственную регистрацию права собственности будет нарушено, будут созданы препятствия для осуществления данного права, Ч. может защищать его в судебном порядке. Для этого лицам предоставлен такой способ защиты, как судебное признание права собственности возникшим (установленным).

Право собственности Ч. на квартиру возникло в результате правомерных действий по завладению собственностью на законном основании. То, что Ч. не обратился за государственной регистрацией приобретенного вещного права, не означает, что право на госрегистрацию им утрачено. Своими противоправными действиями (подделка судебного решения и государственная регистрация несуществующего права собственности) А. не может лишить Ч. его права, действуя незаконно, А. лишь создал препятствия Ч. в осуществлении его права зарегистрировать право собственности на приобретенную им квартиру. Согласно п. 3 ст. 1 Федерального закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости», «государственная регистрация прав на недвижимое имущество – юридический акт признания и подтверждения возникновения, изменения, перехода, прекращения права определенного

лица на недвижимое имущество или ограничения такого права и обременения недвижимого имущества (далее – государственная регистрация прав)». Государственная регистрация является единственным доказательством существования зарегистрированного права, но пора уже признать, что право собственности на недвижимость может быть какое-то время незарегистрированным. Суды указывают, что при отсутствии государственной регистрации право собственности доказывается с помощью любых предусмотренных процессуальным законодательством доказательств, подтверждающих возникновение этого права у истца [7]. Совместным постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации и Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.04.2010 № 10/22 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав», разъяснено: «лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности. Если иное не предусмотрено законом, иск о признании права подлежит удовлетворению в случае представления истцом доказательств возникновения у него соответствующего права» [8]. В деле Ч. имеются все необходимые доказательства возникновения у Ч. права собственности на квартиру, а у суда – все законные основания признать его.

Второе требование Ч. о признании отсутствующим у Ш.В. и Ш.Л.Т. права собственности на незаконно приобретенную ими квартиру также подлежало удовлетворению. А., реализуя преступный умысел, направленный на незаконное обогащение путем приобретения права собственности на чужое недвижимое имущество, представил поддельное судебное решение и зарегистрировал право собственности на квартиру за собой. Судом указанное решение не выносилось, налицо фальсификация оснований возникновения права собственности А. По данному факту возбуждено уголовное дело, в рамках которого истец Ч. признан потерпевшим и гражданским истцом.

В период до возбуждения уголовного дела А. реализовал умысел на легализацию квартиры под видом фактов правомерного владения, пользования и распоряжения квартирой путем совершения сделки купли-продажи Ш.В. и Ш.Л.Т., за которыми на объект недвижимости зарегистрировано право равнодолевой собственности. Скорее всего Ш.В. и Ш.Л.Т. введены в заблуждение относительно собственника квартиры, который

на самом деле не мог ей распоряжаться, поскольку правом на квартиру не обладал.

Известно, что основанием для заключения договора продажи является согласованная воля сторон и она должна быть совпадающей и законной. Если воля продавца А. и покупателей Ш.В. и Ш.Л.Т. совпадает, то в приведенной ситуации это означает, что Ш.В. и Ш.Л.Т. – соучастники А. и наравне с ним подлежат уголовной ответственности. Если Ш.В. и Ш.Л.Т. действовали в состоянии заблуждения, то в их действиях выражена не их свободная воля, а воля под влиянием обмана или существенного заблуждения. В любом случае сделка передачи квартиры в собственность Ш.В. и Ш.Л.Т. не имеет законного правового основания, поскольку при сделке воля обеих сторон должна быть направлена на достижение типового результата, который в данной ситуации недостижим: продавец юридически не в состоянии обеспечить передачу права собственности на квартиру, поскольку это чужая вещь!

Ответчики, покупая квартиру у А. (преднамеренно либо в состоянии заблуждения), оказали ему содействие в реализации преступного умысла о похищении квартиры Ч. Замыслив продать чужую квартиру, А. совершил преступление в виде ряда противоправных действий под видом гражданско-правовой сделки. Действия А. по отчуждению имущества, приобретенного в результате преступления, являются не сделкой, а частью его преступного умысла и в гражданско-правовом аспекте суды обоснованно квалифицируют подобные действия как юридически ничтожные. Сделка, основанная на фальшивом документе, свидетельствует об очевидном злоупотреблении, при котором речь может идти только о ничтожности сделки. Сделка купли-продажи, совершенная от имени.., является ничтожной, поскольку совершена на основании поддельных документов [9].

По закону хищение чужого имущества квалифицируется как уголовно-наказуемое деяние и тогда, когда оно прикрыто гражданско-правовой сделкой. К действиям А. подлежат применению нормы уголовного права, а именно нормы ст. 159 УК РФ о мошенничестве, повлекшем лишение гражданина права на жилое помещение. В этой ситуации нормы гражданского права о сделках неприменимы: сделка – действие правомерное и направленное на достижение последствий, разрешенных правом. Право не разрешает продавать чужое имущество и не связывает переход права собственности на вещь с фактом продажи чужой вещи. Желательные лицу последствия право связывает с его действиями только тогда, когда поведение квалифицируется в качестве правомер-

ного. Действия А. противоправны, направлены на сокрытие факта преступного приобретения имущества и обеспечение возможности свободного оборота похищенной им квартиры. Под видом сделки по отчуждению имущества А. совершает преступление, которое также квалифицируется еще и по нормам ст. 171.1 УК РФ. «Практика вменения в подобных случаях состава мошенничества и легализации преступно приобретенного имущества вполне устойчива» [10, с. 33]. Связать с подобного рода деяниями последствия, обычно ожидаемые от сделки продажи недвижимости, гражданское право не в состоянии.

Действиями А., Ш.В. и Ш.Л.Т. реализована не типичная для сделок продажи правовая цель, а преступный умысел А. Уголовно-наказуемое деяние, совершенное А., не направлено на возникновение права собственности у покупателей, оно преследует получение выгод от продажи чужого. А. не является собственником квартиры, он не вправе передать ее другим лицам и не в состоянии передать им какое-либо право на чужую квартиру. «Раз продавец не имел права собственности, не может иметь его и покупатель, продажа моей вещи лицом, не имеющим на то права, не может лишить меня моей собственности» [11]. В гражданско-правовом аспекте все манипуляции А. по поводу чужой квартиры юридически ничтожны, нормы о сделках к ним не применимы, гражданско-правовые последствия связать с его деяниями невозможно. Никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам. А. никаких прав на квартиру не имеет, юридическая судьба квартиры решена А. вопреки воле собственника квартиры Ч. Если бы Ш.В. и Ш.Л.Т. проявили минимальную степень осмотрительности, которая от них требовалась, и перед сделкой произвели осмотр недвижимости, они с неизбежностью узнали бы, что владение осуществляется иным, отличным от продавца, лицом, узнали бы и о пороках регистрационной записи права собственности А. на квартиру. Они не могут считаться добросовестными приобретателями уже потому, что не проверили, насколько законным было приобретение А. права собственности на спорную квартиру. Суду следовало признать, что Ш.В. и Ш.Л.Т. не приобрели право собственности на квартиру в порядке п. 2 ст. 218 ГК РФ и посему оно не подлежало государственной регистрации. Права и охраняемые законом интересы Ч. нарушены регистрацией права собственности на имя А., а затем на имя Ш.В. и Ш.Л.Т. Обе регистрации осуществлены безосновательно и привели к тому, что Ч. лишился права произвести государственную регистрацию права собственности на законно приобретенную им квартиру. Чтобы восстановить право Ч. на

государственную регистрацию права собственности на приобретенную им квартиру, надо признать отсутствующим право собственности Ш.В. и Ш.Л.Т. и внести соответствующие записи в ЕГРП. Для этого в деле Ч. есть все законные основания.

В другом гражданском деле [12] Апелляционный суд отменил решение суда первой инстанции, которым удовлетворено требование о признании недействительной сделки, заключенной под влиянием обмана ответчика. Обман состоял в том, что, намереваясь завладеть авансовыми денежными средствами по договору строительного подряда, ответчик представил поддельное Свидетельство о допуске к выполнению работ. Апелляционный суд наличие поддельного Свидетельства о допуске к работам как обман не расценил и обосновал свое постановление анализом отношений и переписки сторон уже после заключения договора. Получается, что заключение договора на основании поддельного документа суд квалифицировал правомерным юридическим фактом. И гражданско-правовые последствия в виде договорных отношений связал с фактом уголовно-наказуемого деяния (согласно п. 5 ст. 327 УК РФ использование заведомо подложного документа преступно). По кассационной жалобе истца дело направлено на новое рассмотрение, и при повторном рассмотрении решение суда первой инстанции оставлено в силе.

Может быть, причина вынесения приведенных судебных постановлений в том, что «отечественные суды практически никак не наказывают “рисующих” документы в процессе стороны. Даже слово используется “рисующих”, а не “поддельвающих” или “фальсифицирующих”, так как уголовные дела крайне редки, а “не пойман – не вор”. У нас вообще создается впечатление, будто врать в процессе – это обязанность стороны, а не преступление» [13].

Заключение. Исходя из вышеизложенного, можно сделать следующие выводы.

1. Факты – это совокупные обстоятельства того, что происходит в действительности. Они приобретают значение юридических фактов в процессе правовой (то есть с использованием законодательных норм и положений) квалификации. При квалификации надо: 1) решить, нормам какой отрасли права соответствуют квалифицируемые обстоятельства, и 2) оценить, насколько они соответствуют квалификационным признакам применяемых (используемых) с этой целью норм. При внутриотраслевой квалификации посредством толкования закона определяется его применимость/неприменимость к обстоятельствам произошедшего.

2. В каждой отрасли права существуют свои приемы, методы и средства правовой квалифика-

ции, ведущей к трансформации фактов в юридические факты. Последствия данной трансформации также предусмотрены нормативно, и типичные юридические факты порождают типичные правовые последствия. Характер факта (правомерный или противоправный) влияет на существо наступающих последствий: либо они позитивные (например, возникновение права собственности на приобретаемое имущество), либо санкционные (например, возврат всего полученного по сделке).

3. Особо следует отметить, что, если деяние в рамках той или иной отрасли квалифицируется как правонарушение, противоправный характер установленного факта должен оставаться неизменным и при любой другой отраслевой квалификации.

Литература

1. Рольф Книпер. Юридические факты: возникновение и упадок одного правового института в немецком праве / Книпер Рольф // Юридические факты как основания возникновения, изменения и прекращения гражданских правоотношений: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках ежегодных цивилистических чтений, посвященные 20-летию НИИ частного права и 10-летию КМА, Алматы, 21–22 мая 2015 г. / отв. ред. М.К. Сулейменов. – Алматы, 2016. – С. 60.
2. Чельшев, М.Ю. Система межотраслевых связей гражданского права: цивилистическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / М.Ю. Чельшев. – Казань, 2009. – С. 18.
3. Нормы ст. 7.17 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, ст. 167 УК РФ [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
4. Указ Петра I от 16 декабря 1721 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://guides.rusarchives.ru/node/2554>. Дата доступа: 10.01.2022.
5. О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.07.2015 № 32 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
6. Решения Тушинского районного суда г. Москвы от 02.10.2017, от 25.03.2019, Определение Верховного Суда РФ от 25.12.2018 № 5-КГ18-262, Апелляционное определение Московского городского суда от 16.08.2019 по делу № 33-35787/2019 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
7. Апелляционное определение Московского городского суда от 04.07.2018 по делу № 33-29168/2018 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2020) [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.11.2020 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «КонсультантПлюс». – М., 2022.
9. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 09.11.2018 № Ф05-18700/2018 по делу № А40-168753/2017 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
10. Филатова, М.А. Взаимосвязанные проблемы квалификации мошенничества и легализации преступных доходов / М.А. Филатова, П.С. Яни // Законность. – 2018. – № 7. – С. 33–38.
11. Покровский, И.А. История римского права [Электронный ресурс] / И.А. Покровский. – Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/elib/books/25/>. – Дата доступа: 02.02.2022.
12. Решение Арбитражного суда города Москвы от 27.02.2018 по делу № А40-198483, Постановление Девятого Апелляционного арбитражного суда № 09 АП-19291/2018 от 28.06.2018 по делу № А40-198483, Постановление Девятого Апелляционного арбитражного суда № 09 АП-64023/2018 по делу № А40-198483 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.
13. Елаев, А.А. Взыскание судебных расходов в полном объеме: откуда опасения у профсообщества [Электронный ресурс] / А.А. Елаев. – Режим доступа: https://zakon.ru/blog/2019/11/25/vzyskanie_sudebnyh_rashodov_v_polnom_obyome_otkuda_opaseniya_u_profsoobschestva. – Дата доступа: 02.02.2022.

Поступила в редакцию 02.02.2022

Разработка финансового механизма мотивации специалистов коммерческого банка

Богатырёва В.В.¹, Капусто А.В.², Костюкова С.Н.², Черевко Н.С.²

¹Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

²Белорусский государственный университет

Работа посвящена исследованию зарубежного механизма мотивации персонала, выявлению основных концептов, применимых для банковской системы Беларуси. В результате проведенного анализа разработан финансовый механизм мотивации специалистов коммерческого банка.

Цель статьи – на основе изучения зарубежного опыта мотивации персонала разработать финансовый механизм мотивации специалистов белорусских банков с их участием в прибыли.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, экономико-математическое моделирование.

Результаты и их обсуждение. На основе изучения зарубежного опыта мотивации персонала выявлено, что наиболее эффективные системы мотивации используют премирование персонала, в том числе за счет прибыли организации. В результате разработан финансовый механизм мотивации специалистов коммерческого банка в виде поэтапного алгоритма действий, включающего выделение центров прибыли в корпоративном и розничном бизнесе банка; определение финансового результата банка в разрезе основных видов бизнеса; оценку вклада каждого специалиста, выполнившего план на 100% и более в финансовый результат соответствующего центра прибыли; расчет премии II уровня специалиста при выполнении определенных показателей.

Заключение. В целом разработанный финансовый механизм позволяет, с одной стороны, установить прозрачную систему мотивации для специалистов коммерческого банка, ориентированную на достижение финансового результата банка, с другой – обеспечить достижение запланированных финансовых результатов в разрезе отдельного специалиста, центра прибыли и банка в целом; в случае достижения доведенных плановых показателей отдельными специалистами обеспечить выплаты премий II уровня за счет прибыли, заработанной этим центром ответственности.

Ключевые слова: финансовый механизм мотивации, алгоритм, коммерческий банк, премия, прибыль.

Development of the Financial Mechanism for Commercial Bank Personnel Motivation

Bogatyreva V.V.¹, Kapusto A.V.², Kostiukova S.N.², Cherevko N.S.²

¹Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

²Belarusian State University

The article is concerned with the study of the foreign system of personnel motivation, the identification of the main concepts which can be applied to the bank system of Belarus. The research resulted in the elaboration of the financial mechanism for the commercial bank personnel motivation.

The research purpose is elaboration of the financial mechanism for the Belarusian bank personnel motivation with their participation in the profit, on the basis of the study of the foreign experience of personnel motivation.

Material and methods. The research is based on works by Russian and foreign scholars, normative and legal acts of the Republic of Belarus. The following methods were used: cognition, analysis and synthesis, the comparative analysis, the economic and mathematical modeling.

Findings and their discussion. Based on the study of the foreign experience of personnel motivation it was found out that the most efficient motivation systems apply personnel bonuses from the company profit. As a result, a financial mechanism for commercial bank personnel motivation was elaborated in the form of step by step algorithm of actions which includes singling out centers of profit in the cooperative and the retail businesses of the bank; determining the financial result of the bank within main types of the business; assessment of each employee's contribution who fulfilled the plan 100% and more into the financial result of the corresponding profit center; estimation of the 2nd level bonus for the specialist when he meets certain parameters.

Conclusion. The developed financial mechanism makes it possible to establish on the one hand, a transparent system of motivation for the commercial bank personnel, which is aimed at achievement of the bank financial result, on the other, to provide the achievement of the planned financial results concerning one single specialist, the profit center and the bank on the whole; if planned parameters are reached by individual employees to provide the 2nd level bonus from the profit which is earned by this center of responsibility.

Key words: financial mechanism of motivation, algorithm, commercial bank, bonus, profit.

Мотивация персонала является одной из актуальных тем для всех субъектов хозяйствования, в том числе и для банковского сектора. Эффективность функционирования организации и достижение поставленных ею целей в значительной степени определяются работающим в ней персоналом. Регулярное изучение всех категорий персонала, понимание объективных потребностей сотрудников, их подлинных мотивов поведения, ведущих интересов и выбор соответствующих методов объединения отдельных индивидуумов в высокоэффективный, работоспособный коллектив позволяют руководителям в итоге решать сложные производственные задачи.

Действенная мотивация персонала является одним из наиболее существенных факторов конкурентоспособности современных банков, поскольку от эффективности деятельности специалистов будет зависеть степень достижения как стратегических, так и тактических целей коммерческого банка.

В банковской сфере стран Западной Европы и США в последнее время особое внимание уделяется технологии мотивации, которая основана на комплексной оценке ключевых показателей эффективности деятельности как всей организации в целом, так и каждого сотрудника в отдельности. В [1] представлена авторская методика внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка, базирующаяся на разработанном алгоритме (рисунок 1). Так, особый практический интерес вызывают финансовый механизм мотивации специалистов банков и его экономическое обоснование. Речь идет о возможном внедрении финансового механизма мотивации специалистов в деятельность белорусских банков, где основным стимулом для специалистов будет являться прибыль банка.

Вместе с тем вопрос о внедрении финансового механизма мотивации специалистов, исходя из их вклада в получение прибыли банком, до сих пор является дискуссионным. Более того, отсутствует методический инструментарий по практической реализации указанного подхода.

Для достижения поставленной цели предусмотрено решение следующих задач:

- изучить зарубежный опыт мотивации персонала, выявить основные концепты, применимые для банковской системы Беларуси;
- выделить центры прибылей в корпоративном и розничном бизнесе банка;
- определить финансовый результат банка в разрезе основных видов бизнеса;
- определить вклад каждого специалиста, выполнившего план на 100% и более, в финансовый результат соответствующего центра прибыли;

- произвести расчет премии II уровня специалиста при выполнении им определенных условий;
- разработать алгоритм финансового механизма мотивации специалистов банка на примере одного из коммерческих банков Республики Беларусь.

Цель статьи – на основе изучения зарубежного опыта мотивации персонала разработать финансовый механизм мотивации специалистов белорусских банков с их участием в прибыли.

Материал и методы. Материалом для научного исследования послужили труды российских и зарубежных ученых, нормативные правовые акты Республики Беларусь. В качестве методов использованы следующие: познание, анализ и синтез, сравнительный анализ, моделирование экономических процессов.

Результаты и их обсуждение. Особый практический интерес представляет собой зарубежный опыт мотивации персонала.

Российские и отечественные руководители считают единственным стимулом для продуктивной работы достойную оплату труда, которая базируется на фиксированных тарифных ставках и окладах. Однако зарубежный опыт мотивации персонала опровергает такой односторонний подход. Отдельные концепты зарубежной системы мотивации и поощрения вполне применимы и в Беларуси.

Согласно зарубежному опыту мотивации капитала «методы и способы мотивации в зарубежных компаниях более разнообразны ... западный подход сочетает финансовые, материальные и нематериальные стимулы. Опыт показывает, что отношение персонала к обязанностям служит зеркальным отражением отношения работодателя к персоналу. “Любимый” сотрудник работает эффективней, а трудоспособность персонала – залог успешного бизнеса» [2].

Самые яркие модели мотивации персонала разрабатывают и успешно внедряют в компаниях США, Великобритании, Франции. Рассмотрим наиболее эффективные зарубежные системы мотивации, использующие премирование сотрудников, в том числе за счет прибыли организации.

Американская модель мотивации персонала

Подход к мотивации в американских компаниях основан на поощрении активности персонала. Успехи американской модели мотивации обусловлены ориентированностью американцев на личный успех и достижение высокого уровня благосостояния.

Компании в разных странах по всему миру берут опыт США за основу ведения бизнеса, где сотрудники мотивированны на эффективное исполнение обязанностей. Кроме гибкой системы

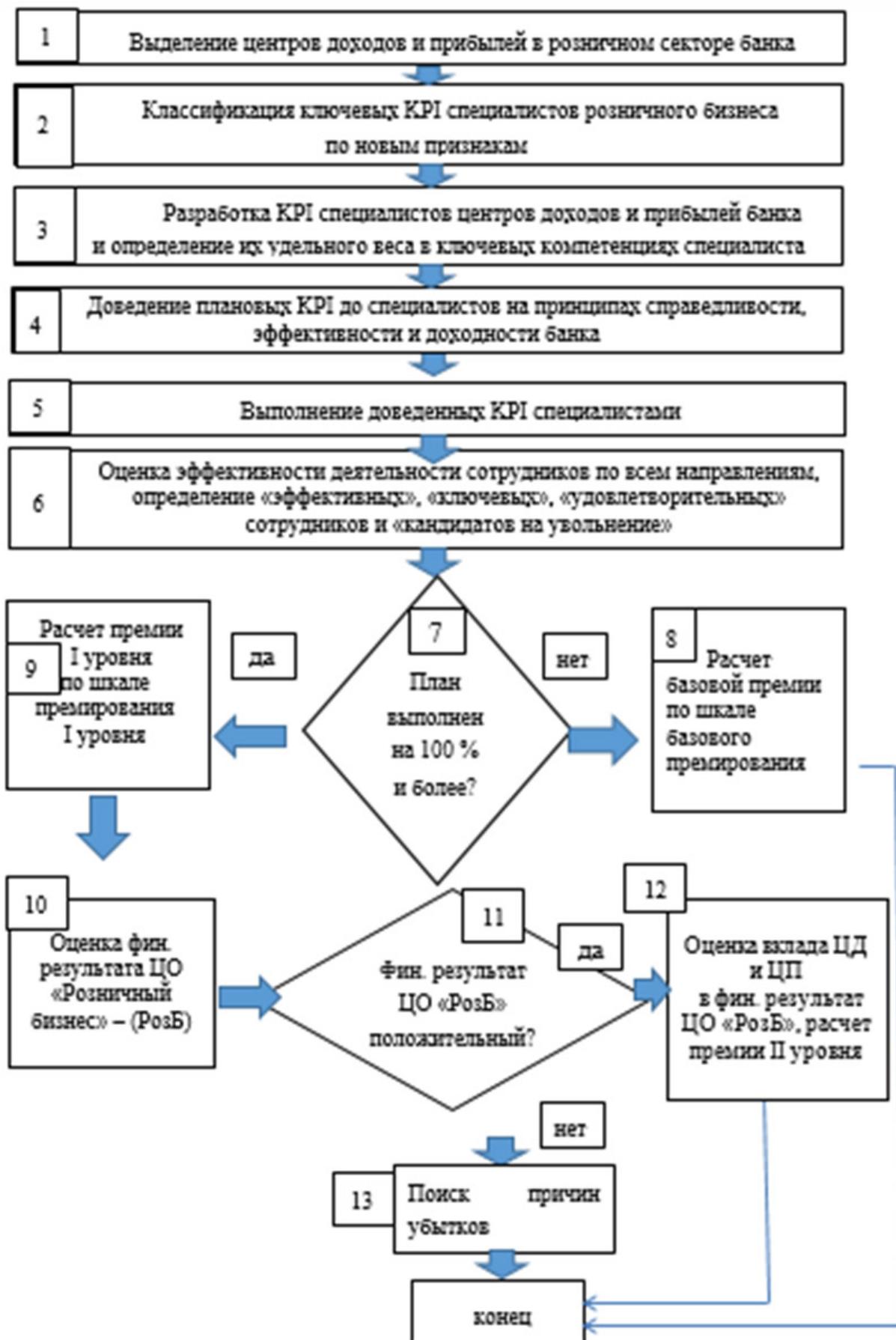

Рисунок 1 – Алгоритм внедрения финансового механизма мотивации специалистов розничного бизнеса банка

Источник: разработка авторов, изложено в [1].

оплаты труда и использования нематериальных способов мотивации работников персоналу американских компаний, как правило, доступны медицинская страховка, которую оплачивает работодатель; курсы повышения квалификации; бесплатные обеды; корпоративные праздники; совместные поездки и др.

Чаще всего американские работодатели начисляют зарплату по сдельно-премиальной схеме: почасовая оплата плюс различные модификации премий. Наиболее распространенными вариантами премирования в США являются схемы участия сотрудников в прибыли по системам Скэнлона и Раккера.

Система Скэнлона заключается в том, что в стоимости объема продукции учитывается доля зарплаты по плану, и если доля зарплаты по факту оказывается меньше, то сумму экономии распределяют между компанией (25%) и работниками (75%). Часть суммы, предназначенной для сотрудников, направляется в резервный фонд, оставшиеся средства распределяются в коллективе в зависимости от вклада в производственный процесс. Изобретатель системы Джозеф Скэнлон верил: если сотрудников стимулировать должным образом, руководство получит массу полезной информации о способах повышения эффективности работы.

Система Раккера опирается на то, что работники получают премию за увеличение объема «чистой» продукции в пересчете на один доллар заработной платы [2].

Французская модель мотивации персонала

Во Франции мотивация персонала базируется на стратегическом планировании, свободной конкуренции и лояльном налогообложении.

Среди форм индивидуализации отмечено участие в прибыли, покупка акций предприятия, выплата премий по результатам продаж.

Преимущество французской схемы мотивации состоит в части, которая стимулирует повышение продуктивности и качества труда, и заключается в «саморегуляции» размера заработной платы. Все сотрудники владеют информацией о финансовом положении компании и знают, на какую часть прибыли вправе рассчитывать за хорошую работу.

Британская модель мотивации персонала

Модель мотивации труда в Великобритании предусматривает две системы оплаты труда: денежную и акционерную. Обе схемы подразумевают зависимость зарплаты сотрудников от общей прибыли предприятия. Существует еще схема с «колеблющейся» заработной платой, которая изменяется пропорционально доходам компании. Коллективные договоры, заключенные между британскими работниками и нанимателями,

содержат норму, которая обязывает выплачивать сотрудникам долю прибыли компании.

Отдельные компании практикуют доленое участие сотрудников в капитале, когда работники выкупают часть акций компании и получают либо часть прибыли, либо доход в виде процентов по акциям. Совокупный доход сотрудника при трудовом доленом участии состоит из зарплаты (должностного оклада), премии в зависимости от эффективности труда и части прибыли компании в зависимости от вложенного капитала.

Внедрение в Великобритании модели мотивации, основанной на участии в прибыли, помогло на 13% увеличить количество рабочих мест в Великобритании. При этом доход работников от части прибыли компании составляет от 3 до 10% оклада.

Доленое участие персонала в прибыли компании отлично мотивирует сотрудников любого ранга повышать результативность работы, проявлять неподдельный интерес к бизнес-процессам и создавать в коллективе дружескую благоприятную атмосферу [2].

Обзор зарубежных систем мотивации показал, что во многих странах практикуется участие сотрудников в прибыли компании, и это подтверждает эффективность данной системы.

В соответствии с вышеизложенным авторами выдвинута гипотеза о возможном повышении эффективности работы банка путем внедрения финансового механизма мотивации его специалистов, основанного на участии специалистов в прибыли банка при достижении ими определенных плановых показателей.

Задача каждого банка, действующего на современном рынке банковских услуг, – заработать наибольшую прибыль. Достижению этой цели будет способствовать построение эффективной системы финансовой мотивации. Авторами обосновано экономическое содержание данного понятия. Предложена следующая трактовка: *«Финансовая мотивация специалистов банка представляет собой систему мотивов и стимулов, измеряемых в денежном выражении и выплачиваемых специалистам, в результате достижения ими намеченных ключевых показателей эффективности деятельности банка, положительно влияющих на его финансовый результат».*

Теоретическое обоснование понятия «финансовая мотивация специалистов банка» позволило авторам разработать финансовый механизм мотивации и представить его поэтапный алгоритм на рисунке 2.

В упомянутом выше алгоритме внедрения финансового механизма мотивации специалистов розничного бизнеса банка (рисунок 1) финансовый механизм мотивации специалистов имеет свое

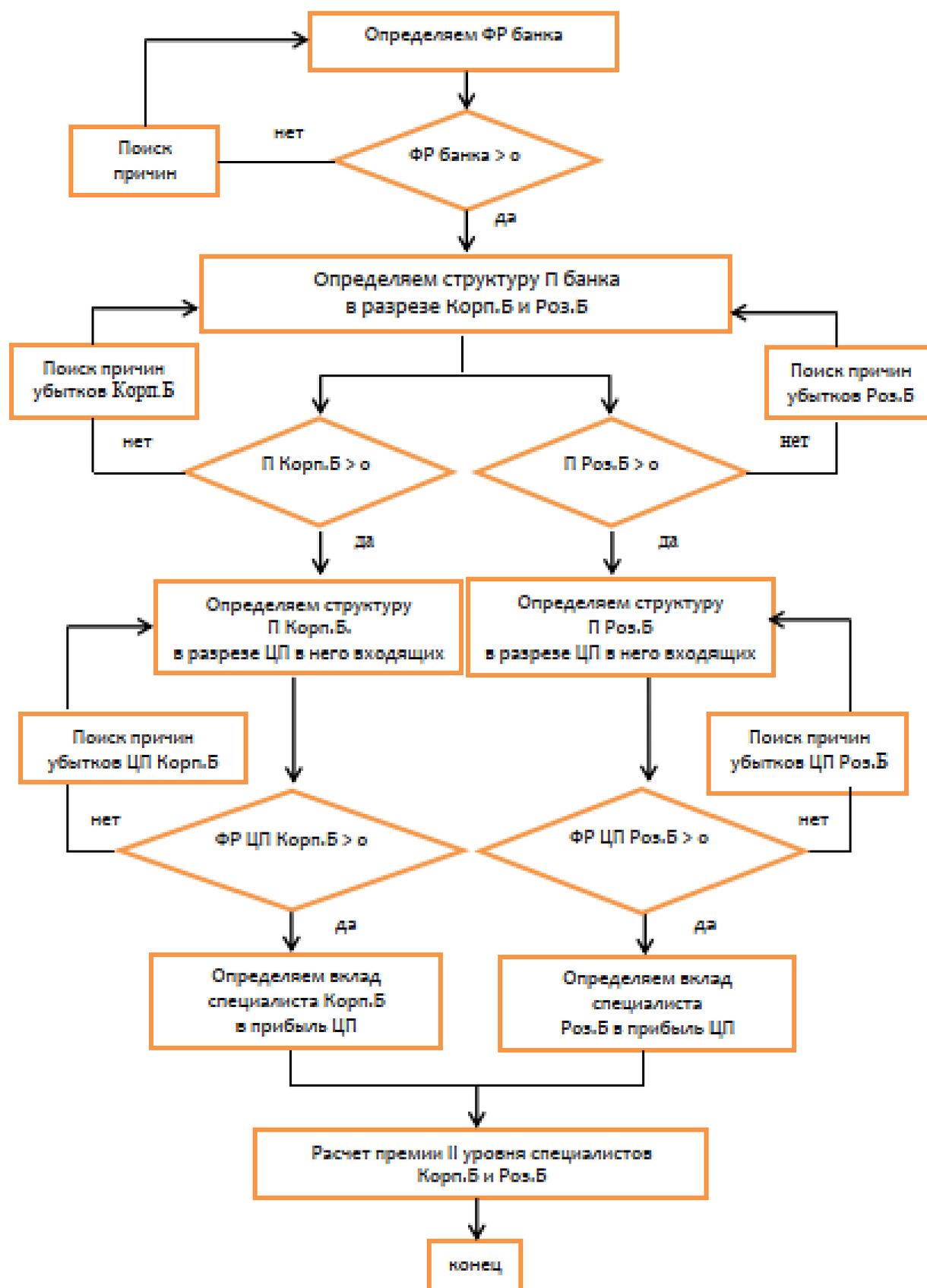

Рисунок 2 – Алгоритм финансового механизма мотивации специалистов коммерческого банка
ОАО «АСБ Беларусбанк»

Примечание: ФР – финансовый результат;
 П – прибыль; Корп.Б. – корпоративный бизнес;
 Роз.Б – розничный бизнес; ЦП – центр прибыли.
 Источник: разработка авторов.

начало на десятом этапе, причем представлен он без детализации и касается розничного бизнеса банка. Однако следует отметить, что предложенный финансовый механизм вполне применим и для корпоративного бизнеса банка.

На основании разработанного алгоритма финансового механизма мотивации специалистов коммерческого банка раскроем его практическую реализацию на примере финансовой отчетности ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. Согласно задаче первого этапа определяем финансовый результат банка за исследуемый период (2017–2021 гг.) нарастающим итогом (рисунок 3).

На рисунке 3 изображена чистая кумулятивная прибыль, причем можно констатировать следующую тенденцию поведения прибыли для каждого года: наблюдается рост чистой прибыли к концу года, рассчитанной нарастающим итогом. Это означает, что усилиями специалистов банка ежеквартально достигается прирост чистой прибыли банка, в том числе за счет эффективной системы мотивации.

Особый интерес представляет собой изучение динамики прибыли банка до и после отчислений в фонд обязательных резервов (рисунок 4).

Нормативы обязательных отчислений в фонд обязательных резервов (ФОР) установлены Национальным банком Республики Беларусь в размере 4% от привлеченных средств в национальной валюте как от физических, так и от юридических лиц и 17% от привлеченных средств в иностранной валюте. Повышение норматива отчислений в ФОР с 1 января 2018 г. по валюте говорит о решительности Национального банка сделать инструменты в валюте непривлекательными.

Из рисунка 4 видно, что прибыль банка до обязательных отчислений в резервный фонд существенно выше, чем после обязательных отчислений в резервный фонд. Данные показатели прибыли (до отчислений в обязательные резервы) отражают реальную прибыль банка, заработанную его специалистами без существенного искажения ее величины за счет отчислений в обязательные резервы.

В случае положительного финансового результата (ФР) банка за отчетный год следует переходить ко второму этапу – определению структуры прибыли банка в разрезе корпоративного и розничного бизнеса.

В основу исследования положена концепция центров ответственности (ЦО), разработанная Д. Хиггинсом, которая адаптирована к специфике деятельности белорусских банков.

По своему экономическому содержанию концепция ЦО рассматривает степень ответственности определенных лиц за финансовые результаты своей работы. В основе классификации центров лежат критерий финансовой ответственности руководителей и основной вид деятельности, которым занимается центр ответственности в соответствии с распределением обязанностей.

Под центром ответственности понимается структурное подразделение, во главе которого стоит менеджер, контролирующий средства, вкладываемые в закрепленный за ним сегмент бизнеса [3].

Исследование теоретических подходов, выдвигаемых отечественными и зарубежными учеными, к систематизации центров ответственности, к организации учета по центрам ответственности позволяет сделать вывод о том, что специфике деятельности розничного бизнеса белорусского банка в наибольшей степени соответствует выделение в качестве основных центров ответственности – центров прибыли, которые представлены корпоративным и розничным бизнесом.

Под центром прибыли И.Д. Демина понимает «структурное подразделение или группу подразделений предприятия, руководитель которого отвечает за финансовые результаты своей деятельности» [4].

В структуре каждого из указанных центров прибыли можно выделить более мелкие центры прибыли.

Заметим, что в отдельно взятом банке в основном наибольший удельный вес в структуре его доходов занимает конкретный вид бизнеса: либо розничный, либо корпоративный.

На третьем этапе определяем структуру прибыли банка в разрезе корпоративного и розничного бизнеса банка. Как правило, в каждом банке конкретный вид бизнеса (корпоративный или розничный) имеет наибольший вес в прибыли банка. Если же конкретный вид бизнеса имеет положительный финансовый результат, переходим к четвертому этапу – определению структуры прибыли корпоративного бизнеса в разрезе ЦП в него входящих.

В случае наличия положительного финансового результата в корпоративном бизнесе определяем вклад конкретного специалиста в прибыль ЦО, в котором работает данный специалист.

Применение разработанного финансового механизма мотивации позволило определить новую структуру премиального вознаграждения специалистов банка (рисунок 5).

Рисунок 3 – Чистая кумулятивная прибыль ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг.

Источник: разработка авторов на основе финансовой отчетности ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. [5].

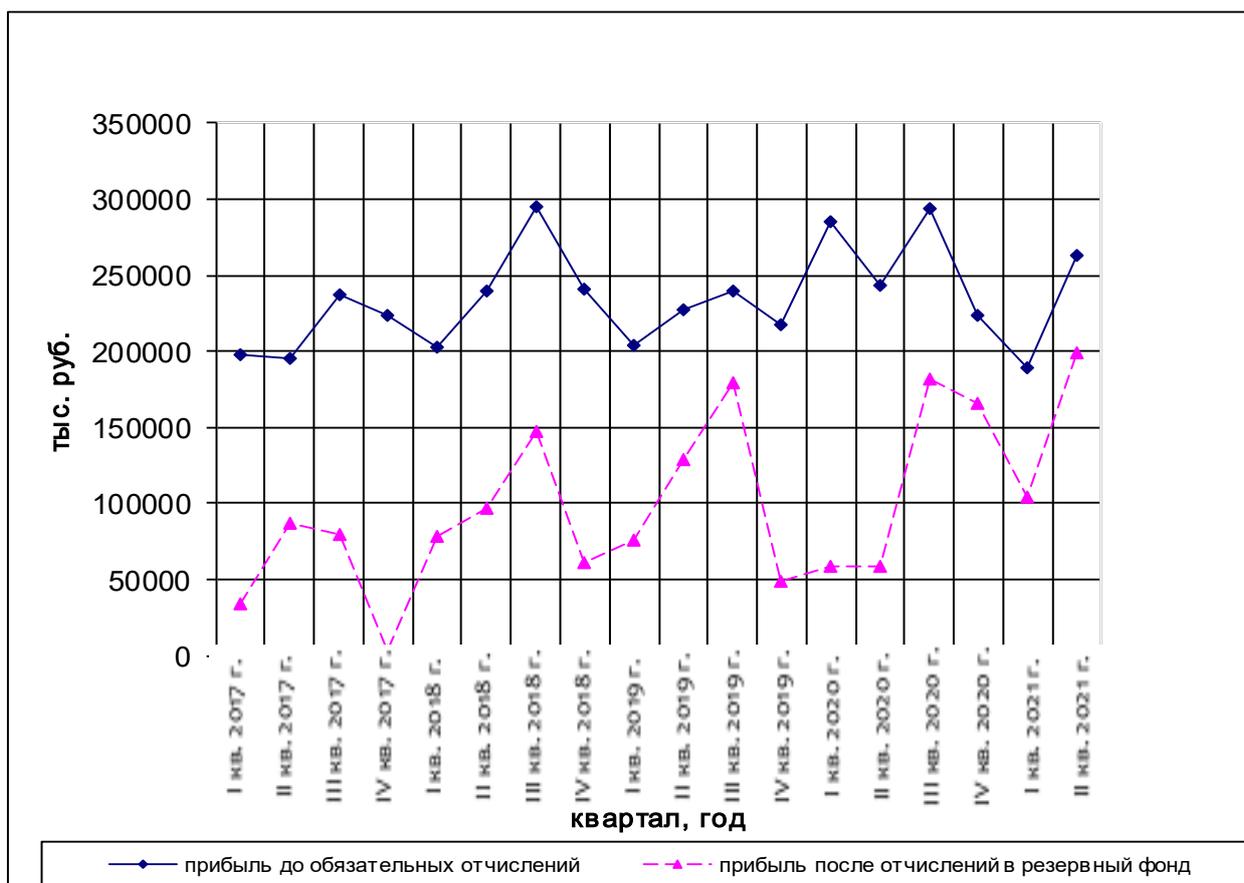

Рисунок 4 – Прибыль ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. до и после обязательных отчислений за 2017–2021 гг.

Источник: разработка авторов на основе финансовой отчетности ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. [5].

Рисунок 5 – Структура премиального вознаграждения специалиста розничного бизнеса банка

Источник: разработка авторов на основе финансовой отчетности ОАО «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. [5].

Согласно представленной структуре премиального вознаграждения специалиста розничного бизнеса банка премия II уровня может быть выплачена специалисту при условии достижения им доведенных плановых показателей на 101% и более. В данном случае он участвует в распределении сформированного за счет прибыли так называемого фонда премирования специалистов, достигших премирования II уровня. Вознаграждение может быть выплачено только при наличии вклада оцениваемого ЦП, в котором работает специалист, в полученный положительный финансовый результат ЦП банка (корпоративного либо розничного бизнеса банка). Если же оцениваемым центром доходов или прибыли не достигнут намеченный финансовый результат, то следует заняться поиском причин убытков.

Положительный финансовый результат центра прибыли «Розничный бизнес» либо центра прибыли «Корпоративный бизнес» позволяет перейти к этапу оценки вклада специалиста, принадлежащего конкретному центру прибыли в его финансовый результат, после реализации которого произвести расчет премии II уровня.

Проанализировав опыт зарубежных стран в сфере мотивации персонала за счет прибыли, оптимальный размер отчислений в фонд премирования II уровня составит от 1 до 5% заработанной прибыли банком за год.

Более того, у топ-менеджеров коммерческих банков имеется возможность на основании детализированной помесечной информации за несколько лет по определенным статьям доходов, расходов и прибыли сформировать целостное представление о динамике значений соответствующих показателей, выявить сезонность, получить прогнозные значения с привлечением аппарата математического моделирования и анализа временных рядов, что даст возможность своевременно строить прогноз прибыли банка и разрабатывать меры по ее корректировке [6].

Заключение. Таким образом, применение разработанного алгоритма финансового меха-

низма мотивации специалистов банка будет способствовать оперативной корректировке и оптимизации банковских бизнес-процессов, ориентированных на достижение финансового результата конкретного центра прибыли и банка в целом, созданию кооперации и координации в работе специалистов центров доходов и прибылей, а также формированию уровня их заработной платы по объективным критериям в соответствии с уровнем мотивации, в том числе за счет прибыли банка.

В целом разработки позволяют, с одной стороны, установить прозрачную систему мотивации для специалистов коммерческого банка, ориентированную на достижение финансового результата банка, с другой – обеспечить достижение запланированных финансовых результатов в разрезе отдельного специалиста, центра прибыли и банка в целом; в случае достижения доведенных плановых показателей отдельными специалистами обеспечить выплаты премий II уровня за счет прибыли, заработанной этим центром ответственности.

Литература

1. Богатырёва, В.В. Методика внедрения эффективной системы мотивации специалистов розничного бизнеса банка / В.В. Богатырёва, С.Н. Костюкова, Н.С. Черевко // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 4(20). – С. 29–39.
2. Зарубежный опыт мотивации персонала [Электронный ресурс] // Официальный сайт компании Searchinform. – Режим доступа: <https://searchinform.ru/kontrol-sotrudnikov/motivatsiya-personala/zarubezhnyj-opyt-motivatsii-personala/>. – Дата доступа: 18.05.2021.
3. Места возникновения затрат и центры ответственности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.finansy.ru/st/post_1268116424.html. – Дата доступа: 10.10.2021.
4. Демина, И.Д. Управленческий учет: учеб. пособие / И.Д. Демина, В.В. Сорокина. – М.: КНОРУС, 2021. – 176 с.
5. Финансовая отчетность «АСБ Беларусбанк» за 2017–2021 гг. [Электронный ресурс] // Официальный сайт «АСБ Беларусбанк». – Режим доступа: <https://belarusbank.by/ru/33139/33151/33153/11163>. – Дата доступа: 10.10.2021.
6. Костюкова, С.Н. Особенности системы премирования специалистов розничного бизнеса банка / С.Н. Костюкова, Н.С. Черевко // Новая финансовая модель в условиях развития цифровой экономики: сб. материалов междунар. онлайн-конф. – Нур-Султан, 2020. – С. 425–431.

Поступила в редакцию 19.11.2021

Социальный и человеческий капитал в контексте обеспечения экономической безопасности

Бидзюра Е.А.

Белорусский национальный технический университет

Статья посвящена исследованию сущности категорий «социальный капитал» и «человеческий капитал», а также их взаимосвязи. Существующие и потенциальные внешние угрозы влекут за собой нарушение устойчивого экономического развития, напрямую зависящего от обеспечения экономической безопасности, что обуславливает актуальность темы исследования.

Цель статьи – раскрыть сущность категорий «социальный капитал» и «человеческий капитал» в контексте экономической безопасности.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, энциклопедические издания. В рамках исследования был использован системный анализ теоретических материалов, представленных в открытом доступе.

Результаты и их обсуждение. Выявлено, что возникновение социального капитала можно связать с изменениями отношений между субъектами с целью облегчения различной деятельности. Раскрыта сущность категорий «человеческий капитал» и «социальный капитал», «труд». Рассмотрены свойства социального капитала, среди которых выделяется способность конвертации в экономический капитал (в том числе в его денежную форму). Показано, что для обеспечения защиты национальной идеологии с целью противодействия возникающим вызовам и угрозам национальной и экономической безопасности необходимо развить механизмы, направленные на накопление и развитие социального капитала, так как именно социальный капитал способствует устойчивому развитию.

Заключение. На основе проведенного исследования сформулированы определения категорий «человеческий капитал», «труд». При выстраивании стратегии устойчивого развития Республики Беларусь следует обратить внимание на развитие социального капитала, так как именно его накопление на всех уровнях будет способствовать обеспечению не только экономической безопасности, но и национальной.

Ключевые слова: социальный капитал, человеческий капитал, труд, экономическая безопасность, национальная безопасность.

Social and Human Capital in the Context of Ensuring Economic Security

Bidziura E.A.

Belarusian National Technical University

The article is devoted to the study of the essence of the categories “social capital” and “human capital”, as well as their relationship. Existing and potential external threats entail a violation of sustainable economic development, which directly depends on ensuring economic security, which makes the research topic relevant.

The purpose of the article is to reveal the essence of the categories “social capital” and “human capital” in the context of economic security.

Material and methods. The material for writing the article was the works of domestic and foreign scientists-economists, encyclopedias. The study used a systematic analysis of theoretical materials presented in the public domain.

Results and its discussion. It was revealed that the emergence of social capital can be associated with changes in relations between subjects in order to facilitate various activities. The essence of the categories “human capital” and “social capital”, “labor” is revealed. The properties of “social capital” are considered, among which the ability to convert into economic capital (including into its monetary form) stands out. It is shown that in order to ensure the protection of national ideology in order to counter the emerging challenges and threats to national and economic security, it is necessary to develop mechanisms aimed at accumulating and developing social capital, since it is social capital that contributes to sustainable development.

Conclusion. On the basis of the study, the following definitions were formulated: “human capital”, “labor”. When building a strategy for sustainable development of the Republic of Belarus, attention should be paid to the development of social capital, since it is its accumulation at all levels that will contribute to ensuring not only economic security, but also national one.

Key words: social capital, human capital, labor, economic security, national security.

В Концепции национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь до 2035 г. среди инструментов по достижению прогресса в области устойчивого развития выделяется, что ключевым активом Республики Беларусь и главной ценностью является человек: «Накопленный человеческий капитал и дальнейшее

его развитие обеспечивают конкурентоспособность страны на глобальном уровне. Сформированы условия для трансформации гражданина как человека, нацеленного на всестороннее развитие, имеющего потенциал и ресурсы, которые позволяют ему обеспечивать достойный уровень жизни себе и своей семье. Стремление к новым знаниям в контексте образования в течение всей

жизни, здоровому образу жизни становится главным фактором его развития» [1, с. 12]. Экономическое развитие общества во многом определяется социальным и человеческим капиталом, оказывающим непосредственное влияние на экономическую безопасность. С.Ю. Солодовников отмечает, что «при достаточно глубоком рассмотрении любого экономического отношения в основе его всегда обнаруживается социальный обмен деятельностью» [2, с. 5], и обеспечение экономической безопасности не является исключением.

В научной литературе экономическая безопасность трактуется по-разному. Так, Л.И. Абалкин определяет экономическую безопасность следующим образом: «...совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию» [3, с. 5]. Более развернутая трактовка данного понятия представлена В.И. Ореховым: «Экономическая безопасность – совокупность внутренних и внешних условий, благоприятствующих эффективному динамическому росту национальной экономики, ее способности удовлетворять потребности общества, государства, индивида, обеспечивать конкурентоспособность на внешних и внутренних рынках, страхующую от различного рода угроз и потерь» [4, с. 3]. Вместе с тем ученые-экономисты признают зависимость экономической безопасности от уровня развития экономики страны, а также уровня формирования доверия в этом обществе, которое выражается через понятие «социальный капитал».

Цель статьи – раскрыть сущность категорий «социальный капитал» и «человеческий капитал» в контексте экономической безопасности.

Материал и методы. Материалом для изучения послужили труды отечественных и зарубежных ученых-экономистов, энциклопедические издания. В рамках исследования был использован системный анализ теоретических материалов, представленных в открытом доступе.

Результаты и их обсуждение. Как известно, ни одно государство в современном мире не может обеспечить свое устойчивое экономическое развитие без эффективного накопления социального потенциала, так как это является одной из важнейших предпосылок усиления жизнеспособности социально-экономических систем. Под жизнеспособностью Н.В. Герасимов понимает «специфическое, внутреннее, позитивное, особо ценное качество всех свойств и отношений живых организмов и систем, представляющее собой их относительную состоятельность, действительную способность сохранять себя, развертывать и воспроизводить в реальных условиях и взаимодействиях между собой» [5, с. 349]. Любая система

находится под воздействием двух противоположных направлений: к эволюции и к разрушению. При этом она может сохранять свою жизнеспособность, а также увеличивать ее только при одновременном сочетании этих двух направлений.

При исследовании стадий перехода системы от состояния максимальной энтропии до состояния нулевой энтропии Е.А. Седов пришел к выводу, что существует некое оптимальное соотношение энтропии (хаос) и детерминации, обеспечивающей целостность структуры (порядок). Названный автор утверждает, что «если система, преодолев точку оптимального соотношения, продолжает двигаться к конечному состоянию, она начинает терять свои адаптивные свойства вследствие чрезмерного уменьшения энтропии» [6, с. 95]. Как справедливо отмечает по этому поводу С.Ю. Солодовников, «достигнув высочайшей степени упорядоченности (иными словами, жесткой детерминированности), социальная система может продолжать существовать лишь в неизменно стабильных условиях, при изменении которых обречена на неминуемую гибель» [7, с. 14]. Иначе говоря, как только нарушается норма, система становится слишком статична и ведет к застою, когда появляется много свободы, она идет к развалу. Для того, чтобы соблюсти баланс в усилении жизнеспособности социально-экономических систем, необходимо наращивать социальный капитал.

Мировой опыт показывает, что решающим фактором успешных социально-экономических преобразований, а также роста реальных доходов населения выступает непрерывный рост социального капитала. Попытки исследования такого явления, как социальный капитал, предпринимались уже в середине XIX века, в то время он понимался как сумма выгод, получаемых субъектами от взаимных определенных информационных действий. Однако вследствие множества причин, в том числе и исторического характера, ученым до конца XX века не удалось сформулировать парадигму социального капитала. Среди основателей дискуссии о социальном капитале следует выделить таких ученых, как Дж. Коулман [8], Р. Патнем [9] и П. Бурдьё [10].

Описывая социальный капитал, Дж. Коулман указал на то, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он (социальный капитал. – Е.Б.) включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [8, с. 124]. Социальный капитал продуктивен так же как и любой другой вид капитала, будь то человеческий, интеллектуальный или административный.

Он способствует достижению тех целей, добиться которых не представляется возможным без его наличия.

Другими словами, возникновение социального капитала можно связать с изменениями отношений между субъектами с целью облегчения различной деятельности, так, «если физический капитал полностью осязаем, будучи воплощенным в очевидных материальных формах, то человеческий капитал менее осязаем» [8, с. 126]. Человеческий капитал привязан к конкретному индивиду, навыки которого формируются в соответствии с окружающей средой и приложенными к этому усилиями самого индивида. В научной литературе представлено множество трактовок, в которых человеческий капитал представляет собой совокупность навыков, компетенций, опыта, личностных качеств и здоровья. Прежде всего человеческий капитал следует рассматривать как способность приносить какой-либо экономический эффект, и это, как правило, связано с выполнением трудовых функций, поэтому в основе человеческого капитала будет лежать труд. Труд можно рассматривать как целенаправленную деятельность индивида на создание каких-либо потребительских стоимостей. Он является основой человеческого капитала, но полностью в него не входит, другими словами, в человеческий капитал входят те навыки, которые используются в процессе трудовой деятельности в рамках экономической системы.

В современных условиях для устойчивого развития необходимо уделять внимание не только накоплению и дальнейшему развитию человеческого капитала, но и его качеству, которое способно обеспечить достаточный уровень образования. Как отмечает С.Ю. Солодовников, «одним из определяющих показателей человеческого капитала является уровень образования, который является важным, а иногда и важнейшим фактором социальной активности населения» [2, с. 13]. Именно в процессе обучения происходит формирование человеческого капитала, то есть закладываются его основы, тем самым обуславливается важность его постоянного развития. Ввиду доступности образования и открытого доступа к различным источникам информации облегчается процесс накопления необходимых навыков и компетенций. В то же время В.В. Богатырёва и Т.В. Сергиевич отмечают, что «обратной стороной увеличивающегося доступа к знаниям является быстрое их обесценивание и полураспад компетентности, что выступает ключевыми ограничителями накопления человеческого капитала» [11, с. 22].

Социальный капитал еще менее осязаем, чем человеческий, поскольку он существует только во взаимоотношениях индивидов. Так же как «физический и человеческий капиталы, – подчер-

кивает Дж. Коулман, – социальный капитал облегчает производственную деятельность» [8, с. 126]. Например, прочность связей, устанавливающих доверительные отношения, делает возможным совершение сделок с минимальными транзакционными издержками, что, в свою очередь, экономит не только денежные средства, но и такой важный ресурс, как время. В определенной степени социальный капитал – это и есть связи и отношения, основанные на доверии, так как за счет доверия между индивидами сокращается время на принятие решений.

Описывая свойства социального капитала, необходимо выделить возможность конвертации всех форм капитала «в экономический капитал, в том числе в его денежную форму. Социальный капитал приносит информацию об экономических ресурсах. Административный капитал открывает наиболее краткий путь к их источникам. А политический капитал дает возможность побороться за эти источники. Культурный капитал облегчает способы мобилизации экономического капитала. А символический капитал позволяет представить его более значительным в глазах других агентов. Наконец, человеческий и физический капиталы помогают извлекать из использования экономических ресурсов наибольшие доходы» [12, с. 29]. Исходя из этого, можно сделать вывод о взаимозависимости экономического и других видов капитала, а также о возможности трансформации одного вида капитала в другой с соответствующими издержками.

В русскоязычном пространстве приоритет в разработке теории социального капитала Республики Беларусь принадлежит С.Ю. Солодовникову. Как отмечает по этому поводу Л.П. Васюченко, «под социальным капиталом им (С.Ю. Солодовниковым – Е.Б.) понимается сумма выгод субъектов от информационного обмена в рамках определенной социальной группы. Особенность социального капитала состоит в том, что его количество в обществе не равно сумме социальных капиталов субъектов. Существуют проявления социального капитала только на уровне всего общества. Но главное – социальный капитал может использоваться разными группами субъектов не только на благо всего общества, но и с целью повышения своей жизненности за счет других субъектов» [13, с. 11]. Учитывая такое специфическое свойство социального капитала, как то, что «его совокупное количество в обществе не является суммой “социальных капиталов” всех его субъектов» [14, с. 95], можно говорить об его использовании не только во благо всего общества, но и в своих эгоистичных целях отдельными субъектами, в свою очередь это приводит к противоречию интересов государства и отдельных групп. Для того чтобы уменьшить влияние этого противоречия,

следует ускорить процесс накопления совокупного социального потенциала на всех существующих уровнях общества, чтобы в дальнейшем его использовать с целью усиления экономической безопасности Республики Беларусь.

Описывая социальный капитал как элемент государственной идеологии, В.В. Богатырёва пишет следующее: «Социальный капитал как элемент государственной идеологии способствует решению самых разных социальных, экономических и экологических проблем. Накопление социального капитала, рост доверия способствует большей действенности государственной идеологии, повышению ее вклада в социально-экономическое развитие общества» [15, с. 11]. Для обеспечения защиты национальной идеологии с целью противодействия возникающим вызовам и угрозам национальной и экономической безопасности необходимо развить механизмы, направленные на накопление и развитие социального капитала, так как именно социальный капитал способствует устойчивому развитию.

Заключение. Устойчивое социально-экономическое развитие, которому уделяется так много внимания в Республике Беларусь, является гарантией накопления социального капитала в стране. Однако для этого недостаточно простого накопления социального капитала, необходимо, чтобы было соблюдено равномерное распределение. Благодаря развитому социальному капиталу на уровне общества появляется возможность решать экономические проблемы не с использованием экономического капитала (включая денежную его форму), а с помощью образовавшихся связей. Помимо этого, с развитием социального капитала появляется необходимость в функции общественного контроля, которая способна ограничить эгоистичное использование социального капитала, идущего в противовес общественным интересам и целям.

Как отмечает С.Ю. Солодовников, «современная экономика перестает быть рыночной в понимании рынка первой половины XX века» [16, с. 23]. В связи с этим возрастает спрос на то качество человеческого капитала, которое будет способствовать обеспечению экономической безопасности не только самого работника, но и предприятия. На практике это может обеспечиваться за счет максимизации полезности полученных знаний и компетенций. Важность накопления качественного человеческого капитала обусловлена тем, что сложно провести границу между обеспечением экономической безопасности предприятия и экономической безопасности Республики Беларусь.

При выстраивании политики развития социально-экономического общества следует сделать

упор именно на развитие социального капитала, так как именно его накопление на всех уровнях будет способствовать обеспечению не только экономической безопасности, но и национальной.

Литература

1. Экономический бюллетень Научно-исследовательского экономического института Министерства экономики Республики Беларусь. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2019. – № 2. – 60 с.
2. Солодовников, С.Ю. Перспективы и механизмы развития и капитализации социального потенциала Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2013. – Вып. 1. – С. 5–33.
3. Абалкин, Л.И. Экономическая безопасность России: угрозы и их отражение / Л.И. Абалкин // Вопросы экономики. – 1994. – № 12. – С. 4–13.
4. Орехов, В.И. Экономическая безопасность современной России в условиях кризиса / В.И. Орехов, Т.Р. Орехова, О.В. Карагодина; под науч. ред. Т.Р. Ореховой. – М.: ИНФРА-М, 2017. – 105 с.
5. Герасимов, Н.В. Экономическая система: генезис, структура, развитие / Н.В. Герасимов. – Минск: Навука і тэхніка, 1991. – 350 с.
6. Седов, Е.А. Информационно-энтропийные свойства социальных систем / Е.А. Седов // Общественные науки и современность. – 1993. – № 5. – С. 92–101.
7. Солодовников, С.Ю. Понятие хаоса и его место в развитии сложных систем / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 7. – С. 5–18.
8. Коулман, Дж. Капитал социальный и человеческий / Дж. Коулман // Общественные науки и современность. – 2001. – № 3. – С. 122–139.
9. Putnam, R. Who Killed Civic America? / R. Putnam // Prospect. – 1996. – P. 23.
10. Bourdieu, P. Forms of Capital / P. Bourdieu // Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education / ed. by J.G. Richardson. – New York, 1983. – P. 102–103.
11. Богатырёва, В.В. Новые и традиционные формы человеческого капитала в условиях развития цифровой экономики: постановка проблемы / В.В. Богатырёва, Т.В. Сергиевич // Современное общество: проблемы, противоречия, решения: сб. науч. тр. Межвуз. науч. семинара; редкол.: Н.А. Вахтин [и др.], Санкт-Петербург, 29 мая 2020 г. / С.-Петерб. горн. ун-т. – СПб., 2020. – С. 19–22.
12. Радаев, В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / В.В. Радаев // Экономическая социология. – 2002. – Т. 3, № 4. – С. 20–32.
13. Васюченко, Л.П. Методологические проблемы модернизации в Республике Беларусь (к 50-летию научной школы в области исследования модернизации экономики) / Л.П. Васюченко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2018. – Вып. 8. – С. 5–15.
14. Солодовников, С.Ю. Проблемы и перспективы развития социального потенциала в Республике Беларусь / С.Ю. Солодовников // Проблемы управления. – 2012. – № 2(43). – С. 95–98.
15. Богатырёва, В.В. Роль социального и человеческого капиталов в формировании и функционировании социально-экономической системы государства / В.В. Богатырёва // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 5–11.
16. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимообусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.

Поступила в редакцию 26.11.2021

Развитие информационно-коммуникационных технологий как основа становления цифровой экономики Республики Беларусь

Сташевская М.П.

Белорусский национальный технический университет

Основой функционирования предприятий в условиях цифровой экономики выступают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), что и обуславливает необходимость исследования уровня их развития. Наличие соответствующего уровня ИКТ в стране обеспечивается за счет реализации последовательного плана действий, отраженного в правовых актах, создания информационно-коммуникационной инфраструктуры, присутствия достаточного количества организаций сектора ИКТ, в том числе занятых инновационно-активной деятельностью.

Цель работы – исследование уровня развития ИКТ в Республике Беларусь на основании имеющейся статистической отчетности, роли ИКТ в становлении цифровой экономики и выработка выводов о соответствии текущего состояния статистической отчетности об ИКТ дальнейшим тенденциям цифровизации экономики.

Материал и методы. При проведении исследования были изучены статистические данные, проанализированы работы отечественных и зарубежных ученых. В качестве методов использовались описание, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. В ходе анализа имеющихся статистических данных исследован уровень развития ИКТ в Республике Беларусь, охарактеризованы особенности становления ИКТ-сектора за счет роста количества организаций, занятых в нем, рассмотрена специфика инновационной деятельности таких организаций. Отражены взгляды ученых на уровень развития ИКТ и степень цифровизации в связи с необходимостью модернизационных преобразований в экономике. Эти взгляды исследователей составляют неотъемлемую часть анализа роли ИКТ в развитии цифровой экономики.

Заключение. Продемонстрировано, что развитие ИКТ выступает основой становления цифровой экономики Республики Беларусь. Выделены и проанализированы ключевые статистические показатели, отражающие уровень развития ИКТ. Показано, что в белорусской статистической отчетности учитываются только показатели «первой волны» цифровизации, в результате неполнота официальной статистической информации о «второй волне» и «третьей волне» может отрицательно отразиться на способности формирования будущих ориентиров для развития цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая экономика, цифровизация, ИКТ, модернизация экономики.

Development of Information and Communication Technologies as the Basis for the Formation of Digital Economy in the Republic of Belarus

Stashevskaya M.P.

Belarusian National Technical University

Information and communication technologies (ICT) are the basis for the functioning of enterprises in the digital economy, which makes it necessary to study the level of their development. The presence of an appropriate level of ICT in the country is ensured through the implementation of a consistent action plan reflected in legal acts, information and communication infrastructure, the presence of a sufficient number of organizations in the ICT sector, including those engaged in innovative activities.

The purpose of the work is a study of the level of ICT development in the Republic of Belarus on the basis of the available statistical reporting, the role of ICT in the formation of the digital economy and the development of conclusions on the compliance of the current state of statistical reporting on ICT with further trends in the digitalization of the economy.

Material and methods. The methods used were description, induction and deduction, analysis and synthesis. During the research, statistical data were studied, the works of domestic and foreign scientists were analyzed.

Findings and their discussion. During the analysis of the available statistical data, the level of ICT development in the Republic of Belarus was investigated, the features of the formation of the ICT sector due to the growth in the number of organizations employed in it were characterized, the features of the innovative activities of such organizations were considered. The views of scientists on the level of ICT development and the degree of digitalization in connection with the need for modernization transformations in the economy are reflected. These views of researchers form an integral part of the analysis of the role of ICT in the development of the digital economy.

Conclusion. It has been demonstrated that the development of ICT is the basis for the formation of the digital economy of the Republic of Belarus. The main statistical indicators reflecting the level of ICT development are highlighted and analyzed. It is shown that the Belarusian statistical reporting takes into account only the indicators of the “first” wave of digitalization; as a result, the incompleteness of official statistical information on the “second” and “third” waves may negatively affect the ability to form future benchmarks for the development of the digital economy.

Key words: digital economy, digitalization, ICT, modernization of the economy.

Основой функционирования предприятий в условиях цифровой экономики выступают информационно-коммуникационные технологии (ИКТ), что и обуславливает необходимость исследования уровня их развития. Наличие соответствующего уровня ИКТ в стране обеспечивается за счет реализации последовательного плана действий, отраженного в правовых актах, создания информационно-коммуникационной инфраструктуры, присутствия достаточного количества организаций сектора ИКТ, в том числе занятых инновационно-активной деятельностью. Качественный анализ проводился на основании работ ученых-экономистов по рассматриваемой тематике: С.Ю. Солодовникова, В.В. Богатырёвой, Л.П. Васюченко, Ю.В. Мелешко, А.Н. Тура, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич, И.С. Лола. Источниками количественных данных выступили материалы статистических сборников, бюллетеней и других отчетов.

Цель работы – исследование уровня развития ИКТ в Республике Беларусь на основании имеющейся статистической отчетности, роли ИКТ в становлении цифровой экономики и выработка выводов о соответствии текущего состояния статистической отчетности об ИКТ дальнейшим тенденциям цифровизации экономики.

Материал и методы. При проведении исследования были изучены статистические данные, проанализированы работы отечественных и зарубежных ученых. В качестве методов использовались описание, индукция и дедукция, анализ и синтез.

Результаты и их обсуждение. Республика Беларусь традиционно занимает высокие места по индексу развития информационно-коммуникационных технологий и индексу готовности к электронному правительству. В 2016 г. Беларусь занимала 32-е место из 175 стран по индексу развития информационно-коммуникационных технологий, в 2017 г. – 32-е место из 176 стран [1, с. 96; 2]. По индексу готовности к электронному правительству наша страна занимала в 2016 г. 49-е место [1, с. 99], в 2018 г. – 38-е место [1, с. 99], в 2020 г. – 40-е место [3] из 193 стран, оцениваемых ООН. Рассмотрим особенности и правовую основу создания цифровой экономики, ключевыми элементами которой

«выступают информационно-коммуникационные технологии, а вместе с ними информация, данные и знания» [4, с. 133]. Распространение ИКТ способствует трансформации как экономической, так и социальной, политической, культурной сфер. В таких обстоятельствах за ИКТ закрепляется ведущая роль в формировании социально-экономических условий, создании нового общественного уклада, что подтверждается в многочисленных исследованиях по рассматриваемой тематике: «...выделяя в качестве главного драйвера развития информационно-коммуникационные технологии, указанные авторы (Ф. Махлуп, Н. Штер, З. Бжезинский, П. Друкер, М. Кастельс, Э. Тоффлер. – М.С.) констатируют становление нового общественного уклада, для которого характерны повышение значения знаний как фактора производства, развитие горизонтальной интеграции, расширенное использование человеческого и социального капиталов» [5, с. 61]. Цель настоящего исследования не состоит в подробном описании изменений, вызванных ИКТ, однако считаем рациональным подчеркнуть значимость влияния этих технологий в том числе на формирование новых бизнес-моделей. Так, Т.В. Сергиевич рассматривает ИКТ как составляющие технологического фактора, приведшего к развитию бизнес-модели быстрой моды, «которая характеризуется высоким уровнем автоматизации производства и маркетинга и оптимизации цепи поставок, что технологически позволяет обновлять коллекции товаров до одного-двух раз в неделю, а скорость подготовки новой коллекции при этом сокращать до двух-трех недель с момента выявления модной тенденции» [6, с. 75]. Быстрое реагирование в этой бизнес-модели обеспечивается совокупностью технологических инноваций, которые включают «в себя внедрение компьютерных систем управления производством, складированием, персоналом», дополняемые в настоящее время «возможностью использования анализа больших данных (от англ. big data) наряду с гибкой роботизацией производства, которая делает возможной автоматизацию при высокой степени разнообразия ассортимента выпускаемой продукции» [7, с. 80].

Началом формирования комплексного правового обеспечения для становления цифро-

вой экономики в Беларуси можно считать 2016 г., когда начинает действовать Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 гг. В этот период реализуются Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», Государственная программа развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг., Решение Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 «Об основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года». С начала 2021 г. развитие цифровой экономики регламентируется Государственной программой «Цифровое развитие Беларуси» на 2021–2025 гг. Национальными статистическими показателями развития цифровой экономики в Республике Беларусь выступают показатели об уровне развития: национальной индустрии ИКТ, информационно-коммуникационной инфраструктуры, использовании населением и организациями ИКТ, инфраструктуры информатизации и др. В ходе анализа развития ИКТ как основы становления цифровой экономики подробнее рассмотрим наиболее значимые для целей нашего исследования показатели.

Для более полного понимания отдельных понятий и особенностей учета отметим, что методологическую основу для измерения национальной индустрии ИКТ составляют собирательные группировки по видам экономической деятельности «Сектор ИКТ», «Сектор контента и средств массовой информации», «Отрасль информационных технологий», утвержденные Приказом Национального статистического комитета Республики Беларусь от 24 января 2019 г. № 16 для периода с 2016 по 2018 г. Для периода с 2011 по 2015 г. сведения по организациям сектора ИКТ представлены в соответствии с собирательной группировкой «Сектор ИКТ», утвержденной постановлением Министерства экономики Республики Беларусь, Национального статистического комитета Республики Беларусь, Государственного комитета по стандартизации Республики Беларусь от 31 января 2011 г. № 11/10/4. Согласно общегосударственному классификатору видов экономической деятельности ОКРБ 005-2006 «Виды экономической деятельности» «Сектор контента и средств массовой информации», «Отрасль информационных технологий» для 2011–2015 гг. не выделялись. Под информационно-коммуникационными технологиями в статистике понимаются «информационные процессы и методы работы с информацией, осуществляемые с применением средств телекоммуникаций и вычислительной техники» [1, с. 11].

Вслед за авторами отчета о национальных статистических показателях развития цифровой экономики в Республике Беларусь оценку развития информационно-коммуникационной инфраструктуры начнем с количества абонентов сети Интернет [8]. Необходимость рассмотрения интенсивности использования Интернета обусловлена его ролью в эволюции сетевых форм кооперации, как известно, «новейшие интернет-технологии значительно ускорили и упростили сетевые формы кооперации в процессе социально-экономической деятельности индивидов» [9, с. 63]. Кроме того, сеть Интернет становится той основой, благодаря которой возникает интернет вещей, формирующий новый тип промышленного производства. Ю.В. Мелешко по этому поводу фиксирует: «Новый тип промышленного производства, базирующийся на технологиях промышленного интернета вещей, больших данных (Big Data), полной автоматизации производства, позволяет не просто интенсифицировать производственный процесс (повысить производительность труда, снизить уровень брака), но и сформировать единую глубоко интегрированную цепочку создания стоимости, координирующую деятельность всех ее участников (от разработчиков и изготовителей до конечных потребителей), и при необходимости оперативно адаптирующуюся к новым потребностям рынка» [10, с. 74].

На протяжении анализируемого периода наблюдается рост количества абонентов всех видов передачи данных. В 2018 г. количество абонентов всех видов передачи данных составило 13,6 млн, количество абонентов с выходом в сеть Интернет – 12,8 млн. Значения этих показателей практически в 2 раза увеличились в период с 2011 г. Основной способ доступа в сеть Интернет для абонентов – беспроводной: доля абонентов с выходом в сеть Интернет по беспроводному доступу в 2011 г. составила 60%, в 2018 г. – 64% [1, с. 61; 11, с. 55]. Детально о динамике показателей количества абонентов сети Интернет, использовании стационарного беспроводного доступа, целях использования сети Интернет, а также динамике изменения индекса тарифов на Интернет-связь нами сообщалось в [12]. С учетом проведенного анализа, результаты которого подтверждают повсеместность использования сети Интернет, исходя из интенсивности такого использования, убеждаемся в создании ИКТ-инфраструктуры, которая «является неотъемлемым элементом инновационного социально-экономического развития страны» [13, с. 289] и выступает одним из условий для развития цифровой экономики.

Хозяйствование в условиях цифровизации экономики обеспечивается, но не ограничивается организациями, осуществляющими производство в сфере ИКТ. В период с 2011 по 2019 г. наблюдается рост количества организаций сектора ИКТ (в 2011 г. – 3569 организаций, в 2012 г. – 3958, в 2013 г. – 4228, в 2014 г. – 4491, в 2015 г. – 4536, в 2016 г. – 3962, в 2017 г. – 4492, в 2018 г. – 4996, в 2019 г. – 5202) [11, с. 28]. Доля организаций сектора ИКТ в общем количестве организаций в период с 2011 г. по 2019 г. составляла 3–4% [14, с. 251; 15, с. 253; 16, с. 223]. В доле организаций сектора ИКТ возрастает доля организаций – резидентов парка высоких технологий: если в 2011–2015 гг. доля таких организаций составляла 3%, в 2016–2017 гг. – 4%, то в 2018 г. – 9%, в 2019 г. – 14% [8].

Наблюдаемые изменения в количестве организаций сектора ИКТ отражаются на численности работников этого сектора, динамике трудовых отношений как в организациях сектора ИКТ, так и в других организациях, применяющих в своей деятельности достижения информационных технологий. Такого рода динамика трудовых отношений в Республике Беларусь, которая носит системный характер, «соответствует существующим сегодня глобальным и региональным тенденциям», которые, по справедливому замечанию В.В. Богатырёвой, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич,

«никогда не могут быть равнонаправленными» [17, с. 6]. Упомянутые авторы перечисляют в числе факторов, обуславливающих динамику трудовых отношений, помимо цифровизации экономики, следующие: «социальный характер белорусского государства; сложившаяся структура экономики вообще и реального сектора в частности с соответствующей структурой занятости (а значит и соответствующих профессионально-квалификационных навыков и компетенций занятого населения); инертность и известная самостоятельность системы подготовки кадров и требований к кадрам, предъявляемых современным этапом научно-технической революции, а также психологическая неготовность части населения осваивать новые технологии» [17, с. 7]. Приведенные факторы целесообразно рассматривать при формировании дальнейших ориентиров по развитию цифровой экономики.

Перейдем к анализу показателей численности работников организаций сектора ИКТ. Доля списочной численности работников организаций, занятых в секторе ИКТ, к списочной численности работников организаций с 2011 по 2019 г. возросла на 0,7% и составила 2,9% в 2019 г., количество работников, несмотря на колебания данного показателя в рассматриваемый период, увеличилось с 92 тыс. человек в 2011 г. до 111 тыс. человек в 2019 г. [8; 14,

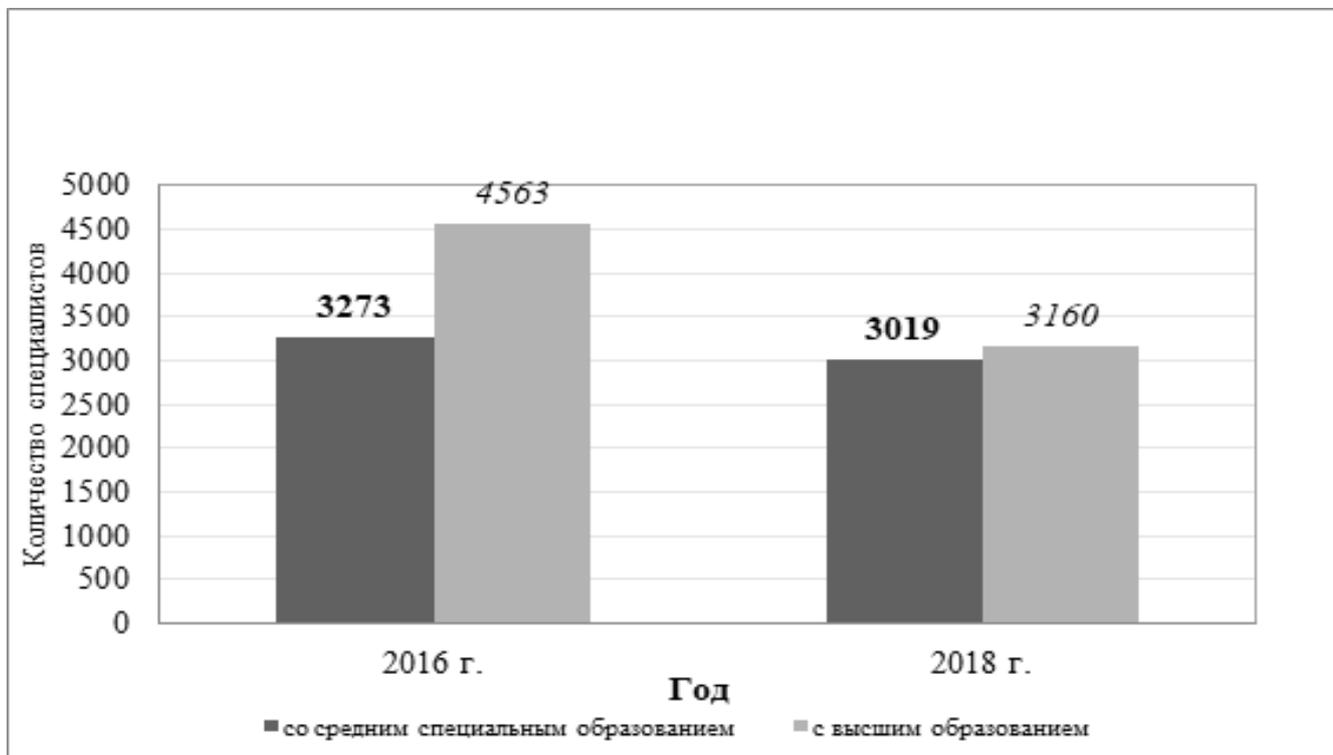

Рисунок 1 – Количество выпускаемых специалистов со средним и высшим образованием по отдельным группам специальностей по профилю образования «Техника и технологии» в 2016 г., 2018 г.

Источник: разработка автора на основе [1, с. 89–90; 11, с. 83–84; 21, с. 103–104].

с. 251; 18, с. 194]. При этом, как справедливо фиксирует С.Ю. Солодовников, «... следует признать, что точная количественная оценка изменения занятости в секторе услуг на сегодняшний день затруднительна» [19, с. 6]. Это обусловлено возможностью организации взаимодействия работодателя с работником посредством разнообразных цифровых платформ, выполняющих координационно-управленческую функцию в цифровой экономике, исключающих юридическую фиксацию трудовых отношений и, следовательно, статистическую оценку получения результатов работы посредством дистанционного взаимодействия с помощью сети Интернет и иными факторами.

Охарактеризуем подготовку кадрового потенциала для отрасли ИКТ. Реализация современных образовательных программ позволяет сформировать у сотрудников компетенции, необходимые для развития цифровой экономики, приблизить и поддерживать уровень подготовки текущих кадров и выпускников, соответствующий современным требованиям и вызовам. Подготовка специалистов, чья трудовая деятельность будет происходить в условиях цифровой экономики, должна быть связана с формированием компетенций, включающих «проектную, эконо-

мическую, технико-технологическую, организационно-управленческую, информационную, аналитическую составляющие» [20, с. 182].

Остановимся на подготовке специалистов со средним, высшим образованием по профилю образования «Техника и технологии» в 2011 г., 2013 г., 2014 г., 2016 г., 2018 г. Рассмотрим подготовку специалистов со средним образованием по направлениям образования (группе специальностей): «Приборы», «Радиоэлектронная техника», «Вычислительная техника», «Радио-, микро-, наноэлектронная техника», «Телекоммуникации», «Автоматизация технологических процессов, производств и управления». В результате анализа данных можно констатировать, что суммарный ежегодный выпуск по перечисленным группам специальностей составляет от 3019 до 4074 человек, при этом минимальное количество выпущенных специалистов со средним образованием по перечисленным направлениям образования по рассматриваемым периодам приходится на 2018 г. – 3019 человек [1, с. 89; 11, с. 83; 21, с. 103].

Анализируя подготовку специалистов с высшим образованием по направлениям образования (группе специальностей): «Приборы», «Радиоэлектронная техника», «Радиоэлектрони-

Рисунок 2 – Динамика уровня инновационной активности организаций цифровой экономики в 2016–2019 гг.

Источник: разработка автора на основе [8]

ка», «Вычислительная техника», «Радио-, микро-, наноэлектронная техника», «Телекоммуникации», «Автоматизация технологических процессов, производств и управления», «Интеллектуальные системы», «Эргономика в информационных системах», можно отметить, что максимальное количество выпущенных специалистов в анализируемые годы приходится на 2014 г. – 5716 человек, минимальное на 2018 г. – 3160 человек [1, с. 90; 11, с. 84; 21, с. 104]. В 2018 г. не осуществлялся выпуск специалистов по группам специальностей «Приборы», «Радиоэлектронная техника». Суммарное количество выпускаемых в 2016 г., 2018 г. специалистов по указанным направлениям образования по профилю образования «Техника и технологии» наглядно отражено на рисунке 1.

Спад количества выпускаемых специалистов учреждениями образования по перечисленным специальностям может быть связан в том числе с увеличивающимся доступом к знаниям, т.е. на практике подготовка специалистов для хозяйствования в цифровой сфере осуществляется на многочисленных краткосрочных курсах и образовательных программах, реализуемых на предприятиях. В результате «значительное количество работников цифрового хозяйственного уклада обладают навыками и компетенциями, получение которых требует незначительного времени» [17, с. 8].

Рассматривая инновацию как «специфический экономический ресурс» [22, с. 31], а также учитывая то, что «в основе качественного экономического роста находится широкомасштабное использование инноваций, доминирование производственной деятельности в рамках последних технологических укладов» [13, с. 280–281], остановимся на инновационной деятельности организаций сектора ИКТ. С 2016 по 2019 г. наблюдается отрицательная динамика как инновационно-активных организаций сектора ИКТ в числе организаций сектора ИКТ, инновационно-активных организаций отрасли ИТ в числе организаций отрасли ИТ, так и удельного веса отгруженной инновационной продукции организациями названных сектора и отрасли.

В 2019 г. удельный вес инновационно-активных организаций сектора ИКТ в общем числе отчитавшихся организаций сектора ИКТ составлял 9,8%, в 2016 г. – 16,4%. Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организациями сектора ИКТ в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организациями сектора ИКТ в 2019 г. составлял 4,3%, в 2016 г. – 4,6% [8]. Наглядно это отражено на рисунке 2.

Удельный вес инновационно-активных организаций – резидентов ПВТ в общем числе

отчитавшихся организаций – резидентов ПВТ не превышал на протяжении 2016–2019 гг. 6,2%, наименьшего значения данный показатель достиг в 2017 г. – 4,4%. Незначительную долю в оказываемых услугах организациями – резидентами ПВТ составляют услуги инновационного характера: максимального значения данный показатель достиг в 2016 г. и составил 1,5%. Деятельность научно-технологических парков (НТП) характеризуется ростом удельного веса инновационно-активных организаций – резидентов НТП, в общем числе отчитавшихся организаций – резидентов НТП: если в 2016 г. удельный вес таких организаций составил 60%, в 2019 г. – 63,4%. Удельный вес отгруженной инновационной продукции (работ, услуг) организациями – резидентами НТП в общем объеме отгруженной продукции (работ, услуг) организациями – резидентами НТП в 2019 г. достиг своего минимального значения и составил 28,6% [8].

Снизилось количество патентов, выданных национальным заявителям на изобретения в сфере ИКТ (в 2013 г. значение данного показателя составляло 61 единицу, в 2019 г. – 6), и удельный вес выданных национальным заявителям патентов на изобретения в сфере ИКТ в общем числе выданных национальным заявителям патентов на изобретения (в 2013 г. значение данного показателя достигло 5,9%, в 2019 г. – 1,5%). При этом возрос удельный вес заключенных договоров, предоставляющих право использования компьютерных программ, в общем числе заключенных договоров, предоставляющих право использования результатов интеллектуальной деятельности: если в 2012 г. значение данного показателя составляло 34,2%, то к 2019 г. достигло 75,9% [8]. Относительная стабильность характерна для показателя удельного веса исследователей, занятых в секторе ИКТ, в общем количестве исследователей, выполняющих научные исследования и разработки: максимальное значение данного показателя достигло в 2019 г. и составило 5,3%, минимального – в 2015 г. и 2016 г. (3,8%).

Полученные результаты демонстрируют тенденцию снижения инновационной активности в сфере ИКТ. Как известно, «процесс создания инновации в первую очередь обеспечивается на основе накопленного запаса навыков, знаний, способностей создателей инновации», что означает «прямое участие человеческого капитала в формировании инноваций. Причем формирование человеческого капитала организации сопровождает процесс формирования инновации» [23, с. 96]. С учетом прямой зависимости между человеческим капиталом и инновациями необхо-

димо уделять внимание формированию навыков, которые стимулируют создание инноваций, развивают инновационную активность и приводят к росту числа исследователей.

Закключение. Таким образом, развитие ИКТ целесообразно осуществлять исходя из складывающихся обстоятельств функционирования экономики, имеющегося опыта других стран по внедрению передовых технологий, постоянного анализа результативности внедряемых нововведений и поиска новых путей адаптации к быстро меняющимся социально-экономическим условиям, обеспечивающим конкурентоспособность как отдельных предприятий, так и национальной экономики в целом.

Исследование развития информационно-коммуникационной инфраструктуры в Республике Беларусь, наличие значительного числа хозяйствующих субъектов, занятых в сфере ИКТ, служит основой для развития цифровой экономики. Анализ статистического учета инновационной активности в организациях ИКТ-сектора позволяет заключить, что инновационная деятельность носит фрагментарный характер. Учитывая функциональное назначение деятельности сектора ИКТ, связанное в том числе с повышением конкурентоспособности продукции путем оптимизации использования факторов производства на протяжении всей цепочки создания добавленной стоимости, значение улучшения результатов инновационной деятельности организаций данного сектора имеет стратегическое значение для развития цифровой экономики.

С опорой на классификацию статистических данных об уровне развития ИКТ, ориентированную на «первую волну» цифровизации, которая включает оценку уровня компьютеризации, автоматизации процессов, телекоммуникации, «вторую волну», состоящую в оценке онлайн-платформ и облачных вычислений, и «третью волну», которая ориентирована на предиктивную аналитику больших данных, интернет вещей, робототехнику, аддитивные технологии, искусственный интеллект и т.д. [24, с. 630], в белорусской статистической отчетности учитываются только показатели «первой волны», в результате неполнота официальной статистической информации может отрицательно отразиться как на готовности, так и на способности дальнейшего формирования ориентиров для развития в условиях цифровой экономики. Целесообразно проводить исследования предприятий на предмет не только доступа и использования Интернета, но и применения передовых технологий, среди которых облачные вычисления, анализ больших данных, интернет вещей и др. Формирование актуальных статистических

сведений о применении передовых технологий позволяет скорректировать уже реализуемые программы цифрового развития, а также сформировать новые, обеспечивающие адаптацию предприятий к условиям цифровой экономики.

Литература

1. Информационное общество в Республике Беларусь, 2019 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 100 с.
2. Объединенный институт проблем информатики НАН Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/documents/reitinghi.php>. – Дата доступа: 24.02.2021.
3. По индексу готовности к электронному правительству Беларусь сохранила свои позиции как страны с высоким уровнем его значения [Электронный ресурс] // Министерство связи и информатизации Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.mpt.gov.by/ru/news/12-07-2020-6560>. – Дата доступа: 11.04.2021.
4. Сташевская, М.П. Некоторые теоретические аспекты определения цифровой экономики / М.П. Сташевская // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 12. – С. 129–134.
5. Мелешко, Ю.В. Цифровизация бизнес-моделей предприятий белорусского промышленного комплекса: направления, риски и инструменты / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 61–74.
6. Сергиевич, Т.В. Трансформация бизнес-моделей в легкой промышленности в контексте роботизации / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 12. – С. 73–81.
7. Сергиевич, Т.В. Экономическая безопасность предприятия легкой промышленности в контексте роботизации / Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2020. – Вып. 11. – С. 76–90.
8. О национальных статистических показателях развития цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tekhnologii/tsifrovaya-ekonomika/o-natsionalnykh-statisticheskikh-pokazatelyakh-razvitiya-tsifrovoy-ekonomiki-v-respublike-belarus/>. – Дата доступа: 11.04.2021.
9. Солодовников, С.Ю. Сетевые механизмы инновационного развития: подходы к онтологическому определению / С.Ю. Солодовников // Право. Экономика. Психология. – 2019. – № 3(15). – С. 57–65.
10. Мелешко, Ю.В. Значение услуг промышленного характера в повышении конкурентоспособности промышленных предприятий (в контексте четвертой промышленной революции) / Ю.В. Мелешко // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2017. – Вып. 6. – С. 64–78.
11. Информационное общество в Республике Беларусь, 2017 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2017. – 105 с.
12. Сташевская, М.П. Некоторые актуальные тенденции развития информационно-коммуникационных технологий в Республике Беларусь / М.П. Сташевская // Молодежная наука в XXI веке: традиции, инновации, векторы развития: материалы Междунар. науч.-исслед. конф. молодых ученых, аспирантов и студентов, Оренбург, 28–30 апр. 2021 г. / редкол.: А.Н. Попов [и др.]. – Оренбург–Самара, 2021. – С. 324–328.
13. Новые ресурсы экономической модернизации: монография / С.Ю. Солодовников [и др.]; под ред. С.Ю. Солодовникова. – Минск: Белорус. нац. техн. ун-т, 2016. – 324 с.

14. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2015 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – 524 с.
15. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2016 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2016. – 518 с.
16. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2019 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2019. – 471 с.
17. Богатырёва, В.В. Эволюция трудовых отношений в Республике Беларусь в контексте цифровизации и роботизации экономики / В.В. Богатырёва, М.Ю. Бобрик, Т.В. Сергиевич // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2021. – Вып. 13. – С. 6–14.
18. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2020. – 436 с.
19. Солодовников, С.Ю. Тенденции и перспективы развития занятости и создания социально-научного сообщества в условиях модернизации транзитивной экономики: на примере Республики Беларусь / С.Ю. Солодовников // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 6. – С. 2–9.
20. Солодовников, С.Ю. Парадигмальный кризис белорусской экономической науки, цифровизация и проблемы подготовки кадров в сфере обеспечения национальной безопасности / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2019. – Вып. 10. – С. 182–194.
21. Информационное общество в Республике Беларусь, 2015 г.: стат. сб. – Минск: Нац. стат. комитет Респ. Беларусь, 2015. – 126 с.
22. Солодовников, С.Ю. Феноменологическая природа взаимобусловленности экономической конкурентоспособности и социального капитала Беларуси и Украины / С.Ю. Солодовников // Экономическая наука сегодня: сб. науч. ст. / Белорус. нац. техн. ун-т. – Минск, 2015. – Вып. 3. – С. 23–34.
23. Богатырёва, В.В. Человеческий капитал, инвестиции и инновации: фундаментальный и прикладной аспекты исследования взаимосвязи / В.В. Богатырёва // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. Д, Экон. и юрид. науки. – 2015. – № 5. – С. 94–97.
24. Лола, И.С. Цифровая трансформация в отраслях обрабатывающей промышленности России: результаты конъюнктурных обследований / И.С. Лола, М.Б. Бакеев // Вестн. С.-Петерб. гос. ун-та. Экономика. – Т. 35, вып. 4. – С. 628–657.

Поступила в редакцию 02.09.2021

Диагностика организационно-управленческой составляющей инновационной системы Российской Федерации

Турковский С.Р.

Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова

Статья посвящена исследованию роли организационно-управленческих инноваций в формировании условий для интенсификации технологических инноваций в промышленности.

Цель работы – диагностика результативности инновационной сферы промышленности Российской Федерации и выявление существующих проблем в организационно-управленческой области.

Материал и методы. Материалом для изучения послужила нормативная правовая база, регламентирующая экономическое развитие в Российской Федерации, а также официальные данные Федеральной службы государственной статистики. В качестве методической основы выступили методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также методы статистического и математического анализа.

Результаты и их обсуждение. В ходе исследования был оценен эффект от затрат на инновационную деятельность в разрезе субъектов Российской Федерации. Представлен анализ взаимосвязи между отдельными финансовыми показателями деятельности организаций и объемами затрат на инновационную деятельность. Систематизированы подходы к определению организационно-управленческой инновации. Проанализированы отдельные показатели инновационной активности в разрезе субъектов Российской Федерации. Сопоставлены динамика затрат на инновационную деятельность и финансовые показатели организаций промышленности Российской Федерации, а также удельный вес организаций, внедрявших организационно-управленческие инновации и валовой региональный продукт на душу населения. Осуществлена систематизация существующих проблем в сфере организационно-управленческих инноваций в отечественной экономике.

Заключение. В рамках проведенного исследования были проанализированы отдельные аспекты результативности инновационной деятельности в промышленности Российской Федерации, а также проведено межстрановое сравнение в области инновационной активности промышленных предприятий и внедрения организационно-управленческих инноваций.

Ключевые слова: экономический рост, организационно-управленческие инновации, инновационная деятельность.

Diagnostics of the Organizational and Managerial Component of the Innovation System of the Russian Federation

Turkovski S.R.

Russian Economic G. V. Plekhanov University

The article centers round the study of the role of organizational and managerial innovations in the formation of conditions for the intensification of technological innovations in industry.

The purpose is diagnostics of the resultativeness of the industry innovation sphere of the Russian Federation as well as identification of the problem areas in the organizational and managerial field.

Material and methods. The research material was the normative legal base which regulates the economic development in the Russian Federation as well as official Federal State Statistic Service data. The methodological basis is the methods of analysis, generalization, classification, induction and deduction as well as methods of statistical and mathematical analysis.

Findings and their discussion. In the course of the research the effect from innovation activity expenditures concerning the Russian Federation constituent entities was evaluated. An analysis is presented of the interconnection between some financial parameters of the company and innovation activity expenditure volumes. Approaches to the definition of organizational and managerial innovation are systematized. Some indicators of organizational and managerial innovations in the context of the constituent entities of Russian Federation are analyzed. The dynamics of expenditures on innovation activities and financial indicators of industrial companies of the Russian Federation, as well as the proportion of organizations that have introduced organizational and managerial innovations and gross regional product per capita, are compared. The systematization of “bottlenecks” in the field of organizational and managerial innovations in the domestic economy has been carried out.

Key words: economic growth, organizational and managerial innovations, innovation activity.

Развитие инновационной экономики требует решения задач формирования принципиально новых источников экономического роста, связанных с реструктуризацией экономической системы. Как известно, экономический рост в значительной степени зависит от институциональной организации национального хозяйства. Особенно такое утверждение актуально в контексте обеспечения развития на инновационной основе.

Однако в исследованиях, аналитических и программных материалах роль организационного ресурса в развитии инновационной экономики только обозначена, а сущность, природа, механизмы формирования и реализации раскрываются в недостаточной степени. Зато в большинстве из них главное внимание акцентируется на финансовом ресурсе как панацее для запуска инновационного механизма развития экономики.

Цель работы – диагностика результативности инновационной сферы промышленности Российской Федерации и выявление существующих проблем в организационно-управленческой области.

Материал и методы. Материалом для изучения послужила нормативная правовая база, регламентирующая экономическое развитие в Российской Федерации, а также официальные данные Федеральной службы государственной статистики. В качестве методической основы выступили методы анализа, обобщения, классификации, индукции и дедукции, а также методы статистического и математического анализа.

Результаты и их обсуждение. К базовым направлениям инновационных процессов хозяйствующих субъектов, как правило, относят продуктивное, процессно-технологическое и нетехнологическое (организационно-управленческое). Продуктивному и процессно-технологическому направлениям и в специализированной литературе, и в статистических изданиях обычно уделяют первоочередное внимание, в то время как организационно-управленческое направление хоть и не отрицается, но крайне редко выступает в качестве основного предмета анализа. При этом многие ученые и практики не учитывают такие важные функции нетехнологических инноваций, как адаптационная и трансформационная. Иными словами, именно нетехнологические нововведения формируют основу для последующей смены технологий и обновления продукции в соответствии с перманентными изменениями рыночной среды.

К основным видам нетехнологических инноваций Г.А. Гомилевская относит «организационные инновации, управленческие инновации, маркетинговые инновации, экономические инновации, социальные инновации, юридические ин-

новации, информационные инновации, социальные инновации» [1, с. 9].

Под организационными инновациями понимаются новые методы организации и планирования, используемые в производственно-хозяйственной деятельности предприятия, например изменение организационных форм производственных процессов, использование иных методов нормирования труда, изменение системы планирования на предприятии и т.д. [2]. В практическом плане организационные нововведения подразумевают в сущности внедренные (освоенные) изменения методики организации производственного процесса, взаимодействия между производственными подразделениями, организации работы непроизводственных подразделений и служб, их взаимодействия между собой и с производством.

Такие изменения могут затрагивать способы ведения бизнеса, методы организации финансовой работы и оценки финансового состояния, оптимизации состава и структуры рабочих мест, взаимодействия предприятия с внешней средой. Эффект от внедрения подобных нетехнологических нововведений, по мнению Х.М. Гумбы, достигается через снижение различного рода затрат (административных, трансакционных, финансовых) на основе оптимизации (реинжиниринга) бизнес-процессов (системы управления в целом), создания новых центров генерации прибыли, организации рабочего времени, повышения производительности труда [3].

По мнению О.И. Волкова, к организационным нововведениям можно отнести как минимум четыре категории инноваций: во-первых, это инновации в ведении бизнеса, которые реализуются в области использования информационных технологий (внедрение корпоративных информационных систем, перепроектирование бизнес-процессов), в области развития персонала (например, реализация систем обучения), в области управления производством и поставками; во-вторых, инновации в организации рабочего времени – использование инструментов тайм-менеджмента, новых концепций структурирования деятельности, новых методов в распределении ответственности и полномочий; в-третьих организационные методы во внешних связях организации – аутсорсинг, аутстаффинг, участие в формировании и деятельности инновационных структур и др.; наконец, в-четвертых, это финансовые инновации – методы, применяемые с целью осуществления сделок с новыми видами финансовых активов или в виде новых операций с действующими активами, что позволяет эффективнее использовать финансовые ресурсы компаний [4].

Управленческие инновации (УИ) – новые подходы и методы организации управления, реформирования системы управления для адаптации к меняющимся рыночным условиям. Внедрение УИ подразумевает целенаправленное изменение состава функций, организационных структур, технологии и организации процесса управления, реализацию нового метода в ведении бизнеса и решений проблем бизнес-процессов, организации рабочих мест или организации внешних связей [5].

Наиболее широкое толкование управленческой инновации принадлежит П.И. Ваганову: «Управленческие инновации – целенаправленное изменение состава функций, организационных структур, технологии и организации процесса управления, методов работы системы управления, ориентированное на замену элементов системы управления или системы управления в целом, с целью ускорения или улучшения решения поставленных перед предприятием задач на основе выявления закономерностей и факторов развития инновационных процессов на всех стадиях жизненного цикла продуктов, технологий и предприятия в целом» [6].

Существует также подход, в соответствии с которым организационные и управленческие инновации рассматриваются как единое комплексное явление – *организационно-управленческие инновации (ОУИ)*, под которыми подразумеваются новые методы и формы организации всех видов деятельности предприятия и их объединений: новые методы управления персоналом, системы стратегического планирования, прогнозирования, моделирования процессов производства, снабжения, сбыта, новые организационные структуры [7].

Как уже отмечалось, инновационная деятельность и инновационная модель развития в современных условиях представляют собой важнейший фактор конкурентоспособности не только предприятия, но и национальной экономики. При этом инновационная активность не может быть ценна сама по себе. Ее позитивный эффект должен проявляться в совокупности интегральных показателей развития. Иначе говоря, затраты на инновационную деятельность должны находить свое отражение в соответствующей динамике макроэкономических показателей, а также положительной динамике финансовых показателей предприятий на микроуровне. В связи с этим представляется необходимым осуществить дополнительный анализ инновационного поля Российской Федерации в разрезе взаимосвязи показателей инновационной деятельности и индикаторов регионального развития.

В первую очередь оценим эффект от затрат на инновационную деятельность в разрезе субъектов Российской Федерации. На рисунке 1 представлено соотношение затрат на инновационную деятельность к объему отгруженной инновационной продукции (руб./руб.).

Как видим, в целом по Российской Федерации данный показатель вырос в 2014–2016 годах с 1,5 до 3,4 руб./руб., а затем в 2016–2019 годах – снизился с 3,4 до 2,5 руб./руб. Что характерно, по Северо-Кавказскому федеральному округу этот показатель стабильно выше среднего по стране и имеет тенденцию к росту, в то время как отдача от затрат на инновационную деятельность Центрального федерального округа ниже среднего и падает большими темпами.

Соотношение количества разработанных передовых технологий к общему объему затрат на инновационную деятельность также является важным показателем эффективности инновационных затрат. Расчет данных в региональном разрезе представлен на рисунке 2.

В основном результаты для субъектов Российской Федерации мало отличаются от среднего значения данного показателя по стране. В целом 1 млрд рублей затрат на инновационную деятельность дает стране 1 передовую технологию. Исключением является Северо-Кавказский федеральный округ, для которого данный показатель растет и в 2019 году составил 7,13. Однако в основном сложно говорить о высокой степени взаимосвязи между показателями, так как в целом по данному региону объемы финансирования инновационной деятельности крайне низки.

Любопытным представляется анализ взаимосвязи между отдельными финансовыми показателями деятельности организаций и объемами затрат на инновационную деятельность. Так, коррелируют между собой объемы затрат на инновационную деятельность и рентабельность активов, рентабельность продукции и коэффициент текущей ликвидности в период 2014–2019 гг. (рисунок 3). Коэффициенты детерминации по данным показателям составляют соответственно 0,55, 0,62 и 0,87. Вместе с тем в данном случае сложно однозначно сказать, что является первичным фактором и приводят ли затраты на инновационную деятельность к повышению исследуемых показателей.

Кроме того, интересным является сопоставление в региональном разрезе удельного веса организаций, внедрявших организационно-управленческие инновации в 2018 году, и валового регионального продукта 2019 года. Данные анализа представлены на рисунке 4.

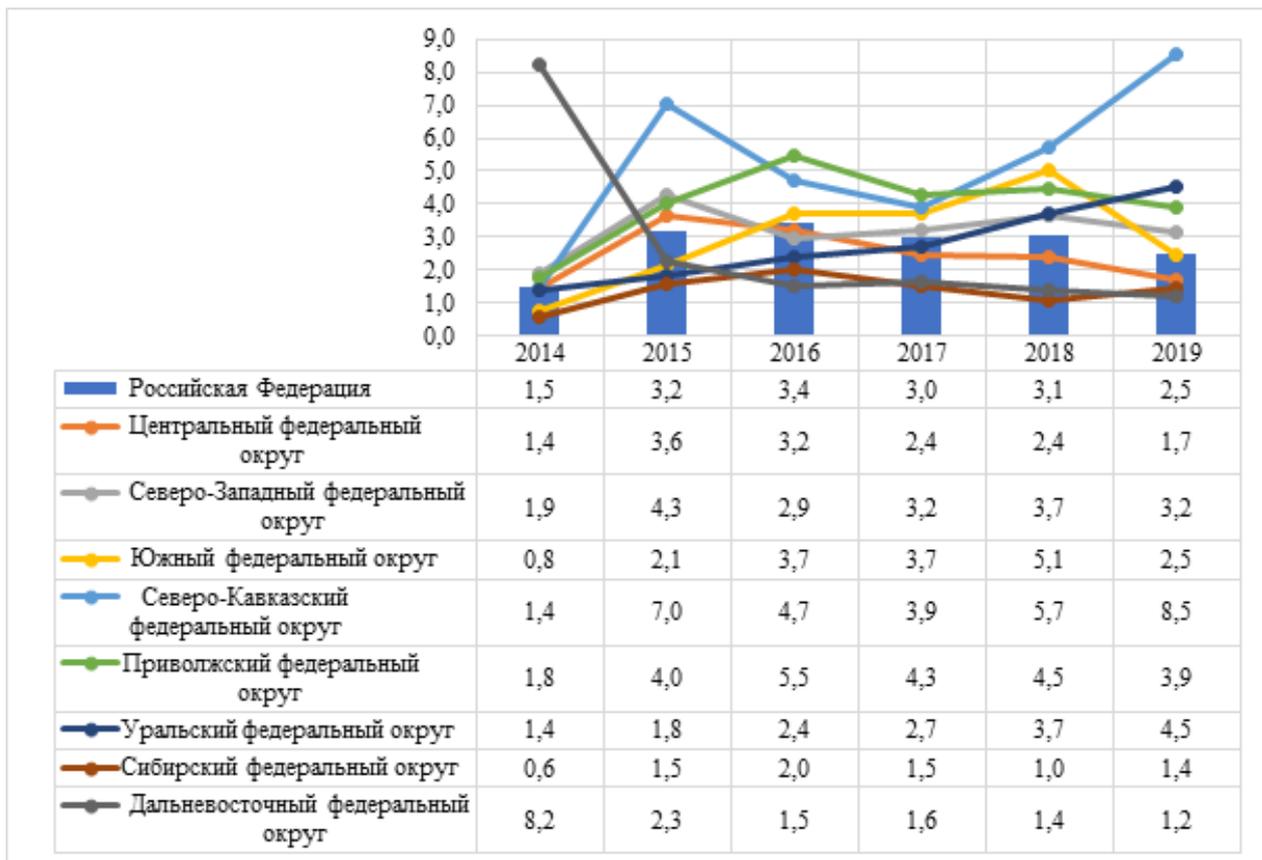

Рисунок 1 – Соотношение отгруженной инновационной продукции к объему затрат организаций на инновационную деятельность, руб./руб.

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики [8].

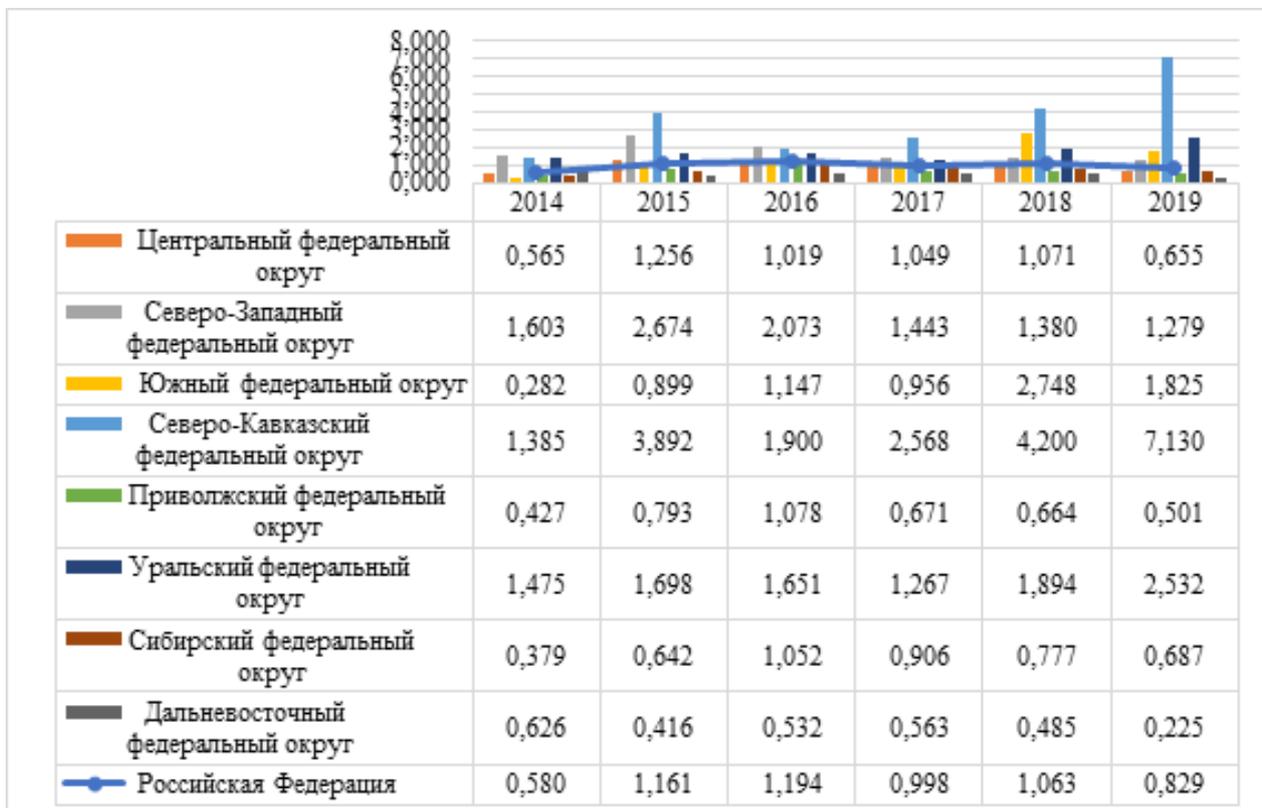

Рисунок 2 – Количество разработанных передовых производственных технологий на 1 млрд руб. затрат на инновационную деятельность

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики [8].

Рисунок 3 – Сопоставление динамики затрат на инновационную деятельность и финансовых показателей организаций Российской Федерации
 Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики [8].

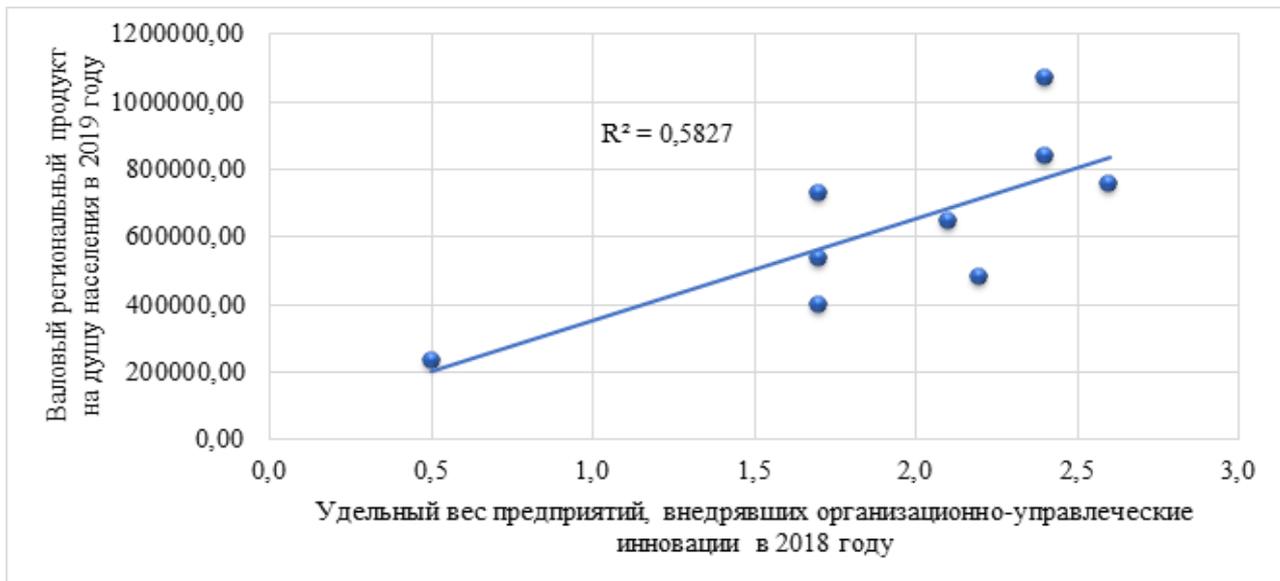

Рисунок 4 – Сопоставление удельного веса организаций, внедряющих организационно-управленческие инновации в 2018 году, и валового регионального продукта на душу населения в 2019 году

Источник: рассчитано автором по данным Федеральной службы государственной статистики [8].

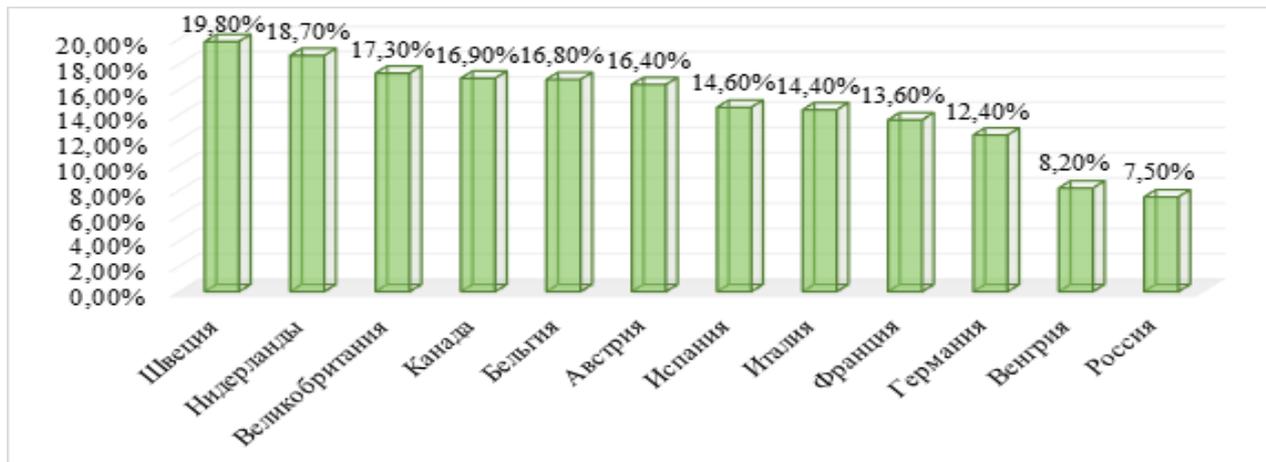

Рисунок 5 – Удельный вес инновационно-активных предприятий в промышленности, % [9, с. 13]

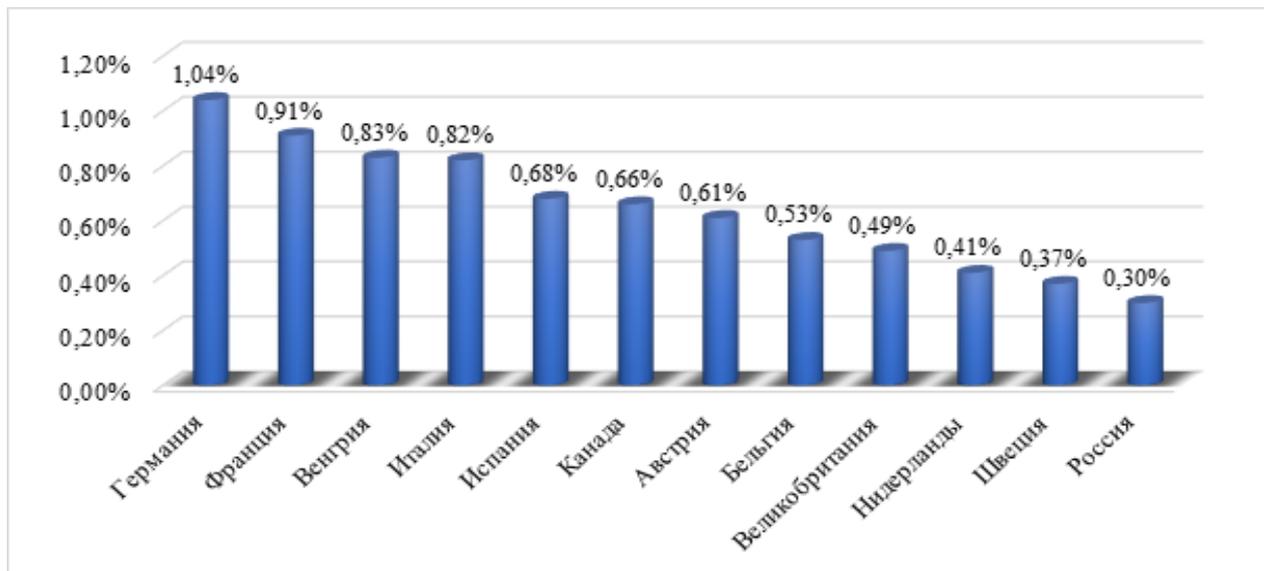

Рисунок 6 – Доля организационно-управленческих инноваций в общем объеме затрат организаций на инновационную деятельность [9, с. 13]

Таблица – Систематизация существующих проблем в сфере организационно-управленческих инноваций в отечественной экономике

Уровень экономики	Существующие проблемы	Предполагаемый источник проблемной ситуации
Национальная экономика	Недостаточный уровень инновационной активности организаций	Несоответствие методов стимулирования инновационной активности реальным проблемам в системе корпоративного менеджмента. Превалирование количественного подхода над качественным, недооцененность нетехнологических факторов инновационной модели развития, инвестиционного подхода над организационно-психологическим
	Низкая степень отдачи от государственных дотаций на стратегические НИОКР	
Региональная экономика	Территориальные диспропорции в финансировании инновационной деятельности	Неравномерность в размещении производительных сил, региональная асимметрия в развитии промышленности
	Низкий уровень результативности инновационной деятельности, выраженный в стабильном либо сокращающемся соотношении затрат на инновации к выпуску инновационной продукции	Неэффективные механизмы взаимодействия с рыночной средой, экстенсивные методы развития предприятий, ориентация на внутренний рынок с ограничением конкуренции
	Отсутствие корреляции между финансированием инноваций в промышленности и социально-экономическим развитием	Экстенсивная модель развития экономики. Низкий уровень отдачи от затрат на инновационную деятельность
Экономика организаций	Низкий уровень инновационной активности	Несоответствие кадрового потенциала предприятий реализуемым задачам Отсутствие знаний и практических наработок процесса разработки и внедрения ОУИ, а также отсутствие взаимосвязи теории ОУИ с существующей системой образования
	Несоответствие организационной структуры предприятий целям активизации инновационной модели развития	
	Несоответствие кадрового потенциала предприятий реализуемым задачам	

Как видим, коэффициент детерминации составляет 0,58, что свидетельствует об определенной взаимосвязи между данными показателями. Кроме того, также как и с финансовыми коэффициентами, сложно сказать, какая из сфер первична – то есть являются ли ОУИ фактором большего ВРП, либо наоборот, в регионах с более высоким ВРП организации чаще внедряют ОУИ.

В целом данные анализа свидетельствуют о том, что результативность инновационной сферы в Российской Федерации и ее субъектах остается стабильной. Мультипликативного эффекта от затрат на инновационную деятельность не наблюдается, а однозначной взаимосвязи между показателями внедрения инноваций в целом и организационно-управленческих инноваций в частности не прослеживается.

Исходя из полученных результатов интересным представляется сопоставление отдельных

показателей развития инновационной среды Российской Федерации с западными странами. Так, на рисунке 5 отображен удельный вес инновационно-активных организаций обрабатывающей промышленности с численностью персонала более 15 человек. Данный индикатор характеризует интенсивность осуществления технологических инноваций в отрасли.

И если данные рисунка 5 в основном ожидаемы, то крайне низкая активность в области организационных инноваций (рисунок 6) отмечена как критическая в монографии А.Е. Карлика, В.В. Платонова, М.В. Тихоновой, Е.Э. Соколовой и О.С. Павлова: «Если по технологическим инновациям мы отстаем от лидера в 2,62 раза, то по значению организационных инноваций отставание от лидера составляет 4,95 – почти в пять раз» [9, с. 13].

Приведенные данные позволяют предположить, что недостаточное внимание к организа-

ционными инновациям является одним из важных факторов, сдерживающих инновационную деятельность в целом.

Все вышеизложенное позволяет сформулировать комплекс существующих проблем в сфере организационно-управленческих инноваций в отечественной экономике (не претендуя на исчерпанность данного списка). Их систематизация представлена в таблице.

Заключение. В рамках проведенного исследования были проанализированы отдельные аспекты результативности инновационной деятельности в промышленности Российской Федерации, а также осуществлено межстрановое сравнение в области инновационной активности промышленных предприятий и внедрения организационно-управленческих инноваций. На основании полученных результатов был сформулирован комплекс существующих проблем инновационной сферы Российской Федерации, а также выдвинут ряд гипотез относительно предполагаемых источников проблемных ситуаций. Данные гипотезы требуют дополнительной проверки, а также разработки рекомендаций по их нивелированию, что является перспективным направлением для дальнейшего исследования.

Литература

1. Гомилевская, Г.А. Организационно-управленческие инновации в повышении эффективности гостиничного бизнеса: на примере Приморского края: автореф. дис. ... канд. экон. наук / Г.А. Гомилевская; Владивост. гос. ун-т экономики и сервиса. – Владивосток, 2010. – 22 с.
2. Балашов, А.И. Производственный менеджмент (организация производства) на предприятии: учеб. пособие / А.И. Балашов. – СПб.: Питер, 2009. – 159 с.
3. Гумба, Х.М. Развитие теоретических положений о сущности и структуре инновационного процесса в строительстве / Х.М. Гумба, П.В. Халявко // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2013. – № 2(88). – С. 67–70.
4. Волков, О.І. Інноваційний розвиток промисловості України: навч. посібник / О.І. Волков, М.П. Денисенко, А.П. Гречан; ред.: М.П. Денисенко, О.І. Волков. – Киев: КНТ, 2006. – 648 с.
5. Румянцев, А.А. Возможности инновационного развития в регионе / А.А. Румянцев // Экономист. – 2004. – № 1. – С. 34–39.
6. Ваганов, П.И. Управление организационными изменениями: основы инновационного управления и управленческих инноваций: учеб. пособие / П.И. Ваганов. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. – 96 с.
7. Управление организацией: учебник / ред.: А.Г. Поршнев, З.П. Румянцева, Н.А. Саломатина. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 716 с.
8. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rosstat.gov.ru/folder/14477>. – Дата доступа: 02.01.2022.
9. Организационно-управленческие инновации в крупных хозяйственных структурах / А.Е. Карлик [и др.]. – СПб.: СПбГУЭУ, 2016. – 150 с.

Поступила в редакцию 02.01.2022

Терминологическое поле исследования прокрастинации в различных психологических традициях

Богомаз С.Л., Циркунова Н.И., Гущина Е.А.

Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

В статье рассматриваются основные зарубежные и отечественные подходы к пониманию феномена прокрастинации.

Цель работы – определить и операционализировать содержание терминологического поля феномена «прокрастинация» в различных психологических традициях.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, касающиеся заявленной проблемы. В исследовании были использованы следующие методы: систематизация, концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ.

Результаты и их обсуждение. В статье представлен аналитический обзор теоретических подходов к рассмотрению прокрастинации: психоаналитический, бихевиоральный, когнитивный, гуманистический, а также теория временной мотивации, что свидетельствует о многомерности данного феномена в психологической науке.

Заключение. Во многих психологических теориях понятие прокрастинации трактуется в рамках различных подходов, которые отличаются критериями для классификации составляющих данного феномена. На сегодняшний день нет четкости в определении этого термина. Авторы акцентируют внимание на необходимости конкретизации и уточнения понятия прокрастинации.

Ключевые слова: прокрастинация, поведенческий паттерн, лень, защитный механизм.

Terminological Field of Procrastination Research in Various Psychological Traditions

Bogomaz S.L., Tsirkunova N.I., Gushchina E.A.

Education Establishment "Vitebsk State P.M. Masherov University"

The article discusses the main foreign and domestic approaches to understanding the phenomenon of procrastination.

The purpose of this work is to define and operationalize the content of the terminological field of the phenomenon of procrastination in various psychological traditions.

Material and methods. The material was the works of well-known foreign and domestic scientists-psychologists concerning the stated problem. The following methods were used in the study: systematization, conceptualization of scientific ideas, comparative and system analysis.

Findings and their discussion. The article presents an analytical review of theoretical approaches to the consideration of procrastination: psychoanalytic, behavioral, cognitive, humanistic, as well as the theory of temporal motivation, which indicates the multidimensionality of this phenomenon in psychological science.

Conclusion. In many psychological theories, the concept of procrastination is interpreted within the framework of various approaches that differ in criteria for classifying the components of this phenomenon. To date, there is no clarity in the definition of this concept. The authors emphasize the need to concretize and clarify the concept of procrastination.

Key words: procrastination, behavioral pattern, laziness, defense mechanism.

Несмотря на то, что прокрастинация знакома каждому человеку, сам термин, обозначающий сущность данного феномена, является относительно новым для отечественной психологии. Прокрастинация (лат. *pro* – вместо и *crastinus* – завтрашний) – тенденция откладывать выполнение необходимых дел «на потом»; поведенческий паттерн, при котором выполнение

ведущей для человека в данный период времени деятельности осознанно откладывается. Человек остается деятельным, но его активность направлена на посторонние, малозначимые, иногда просто бессмысленные занятия.

Прокрастинация, значительно снижающая эффективность работы как отдельного человека, так и группы лиц в целом, сегодня активно обсуждается в психологической науке и практи-

ке. Наибольший вклад в изучение данного феномена внесли такие зарубежные и отечественные ученые: I.B. Burka и L.M. Yuen, P. Steel, A. Ellis и W.J. Knaus, R. Ferrari [1–3], Я.И. Варвичева, В.С. Ковылин, Е.И. Сибирцева, О.С. Виндекер, М.В. Останина, Н.А. Чернышева, В.В. Барабанщикова и другие [1–7].

С конца прошлого столетия накоплен довольно объемный багаж эмпирических данных, однако теоретическая база обозначенного направления исследований неоднородна и содержит множество различных гипотез: о природе прокрастинации, ее взаимосвязях с различными особенностями личности и о характере этих связей, ситуативных причинах прокрастинации и т.д. Операционализация понятия прокрастинации идет по пути не дополнения, расширения или опровержения одной гипотезы, а, скорее, имеет вид постоянного образования все новых идей о психологическом содержании данного феномена. Это не столько вводит в заблуждение, сколько говорит о сложности, многогранности изучаемого явления и может быть рассмотрено как перспектива для дальнейших теоретических и экспериментальных исследований.

Цель работы – определить содержание терминологического поля феномена «прокрастинация» в различных психологических традициях.

Материал и методы. Материалом послужили работы известных зарубежных и отечественных ученых-психологов, посвященные раскрытию понятия прокрастинации.

Методологической основой исследования являются различные подходы к рассмотрению данного феномена (А. Александер, Ш. Радо, В. Миссильдайн, А. Эллис, У.Дж. Кнаус, Дж. Бурка и Л. Юэн, А. Маслоу, М. Селигман); научные труды, посвященные изучению понятия прокрастинации и ее составляющих (Я.И. Варвичева, Е.П. Ильин, О.В. Шемякина, Н.Н. Карловская и Р.А. Баранова). В работе были использованы следующие методы: систематизация, концептуализация научных идей, сравнительный и системный анализ.

Результаты и их обсуждение. В западной психологии есть несколько теоретических подходов к пониманию прокрастинации, которые являются ведущими, но все они по отдельности не объясняют данный феномен целиком.

В рамках психоаналитического подхода А. Александер и Ш. Радо предлагают прокрастинацию рассматривать как один из видов психологической защиты. Согласно концепции избегания тревога является предупреждающим сигналом для «Эго». Обнаружив тревогу, «Эго» устанавливает самые различные защиты. Данные исследователи утверждают, что невыполнение задач избе-

гается, прежде всего, потому, что они угрожают «Эго» [8].

Представители психодинамического подхода подчеркивают символические аспекты прокрастинации в связи с предыдущим детским опытом, особенно с детскими травмами. В. Миссильдайн считает, что синдром хронической прокрастинации вызван неправильной стратегией воспитания детей. По его мнению, прокрастинаторы в детском возрасте страдали от родителей, которые «переоценивали» их достижения, ставили перед ними нереалистичные цели и связывали достижение этих целей с родительской любовью и одобрением. Ребенок, выросший в такой среде, становится тревожным и чувствует себя никчемным, если ему не удастся чего-то добиться. Позже, сталкиваясь с задачей, которая включает в себя оценку его личных достоинств или способностей, он заново переживает и воспроизводит те ранние чувства.

В свою очередь А. Макинтайр утверждал, что неправильное воспитание может в дальнейшем привести ребенка к прокрастинации. По его мнению, причиной этой проблемы может быть одна из двух крайностей воспитания: снисходительность или авторитарность. Слишком снисходительный родитель может произвести на свет «нервную, отстающую» личность, которая станет слишком озабоченной, чтобы уложиться в будущие сроки, установленные собой. Слишком авторитарный родитель склонен к тому, чтобы воспитать разгневанного неуспевающего ребенка, который рекламирует свою независимость от родителей из-за постоянного контроля с их стороны [3].

В концепции классического бихевиоризма прослеживается неразрывная связь между действием и подкреплением. Так, если человек получает вознаграждение после определенного действия, это действие закрепляется. Когда он откладывает дела на потом, а затем в последний момент выполняет их и получает положительное подкрепление, прокрастинация становится нормой. По этой причине прокрастинатор предпочитает выполнять более легкие дела, зная, что вскоре он получит положительное подкрепление. Для него быстрые, короткие поручения интереснее, чем долгие и сложные, за которые вознаграждение он получит нескоро [5].

Сторонники когнитивного подхода выделяют следующие источники прокрастинации: иррациональные убеждения, низкая самооценка и неспособность самостоятельно принимать решения.

Основываясь на своем клиническом опыте, А. Эллис и У.Дж. Кнаус связывают проявление прокрастинации с иррациональными убеждениями и самокритикой. Они утверждают, что прокрастинаторы часто не уверены в своих способ-

ностях выполнить поставленную задачу. В основе иррационального убеждения лежит неправильное представление об адекватности выполненного задания. Если прокрастинатор перед собой ставит слишком высокие цели – неудача неизбежна. Для того, чтобы избежать эмоциональных последствий такой неудачи, прокрастинатор до последнего откладывает задачу. Выгода заключается в том, что избегающее поведение дает оправдание неудаче. Плохой результат можно списать на ограничение по времени или на лень, нежели на саму сложность задачи. Таким образом, прокрастинация является защитой от нежелательных эмоций.

В рамках когнитивного подхода источником прокрастинации является также уязвимая самооценка. Дж. Бурка и Л. Юэн считают низкую самооценку и оценивание личности другими людьми главными источниками прокрастинации. Прокрастинаторы с низкой самооценкой убеждены, что чем позже они сделают порученную им работу, тем позже возникнет ситуация оценивания их деятельности, а оценка будет низкой, т.к. они и сами не уверены в хорошем результате [3].

Теория конфликта при принятии решений, предложенная И. Дженисом и Л. Манном, объясняет неспособность индивидуума принимать самостоятельные решения. Они предлагают рассматривать прокрастинацию как неэффективную копинг-стратегию при возникновении трудностей в выполнении сложной деятельности. Промедление рассматривается ими как принятие решений

в атмосфере, полной конфликтов, окрашенных пессимизмом по поводу успеха в получении удовлетворительного результата [5].

Кроме того, представители когнитивного подхода выявили тенденцию, согласно которой для большинства прокрастинаторов характерна склонность к перфекционизму, выраженная в иррациональном страхе успеха или неудачи. Стоит отметить, что прокрастинаторы данного типа описываются как застенчивые, крайне самокритичные и с низкой самооценкой. Они подвержены эмоциональным перегрузкам, имеют повышенный уровень тревожности. Наряду с высоким уровнем перфекционизма, им свойствен внешний локус контроля, свой успех они склонны приписывать внешним, зачастую случайным причинам [3].

Сторонники гуманистического подхода рассматривают прокрастинацию как защиту развития личности. По их мнению, личность не способна реализовать потребность в самоактуализации из-за страха ответственности и свободы. А. Маслоу также утверждает, что данный феномен провоцирует «комплекс Ионы», т.е. личность по разным мотивам и из-за внутренних страхов отказывается в полной мере реализовывать свой потенциал [9].

Теория временной мотивации канадского ученого П. Стила считается наиболее всеобъемлющей и перспективной для понимания природы прокрастинации. Он полагает, что для уменьшения уровня прокрастинации человеку необходимо иметь четко поставленную цель, к которой он

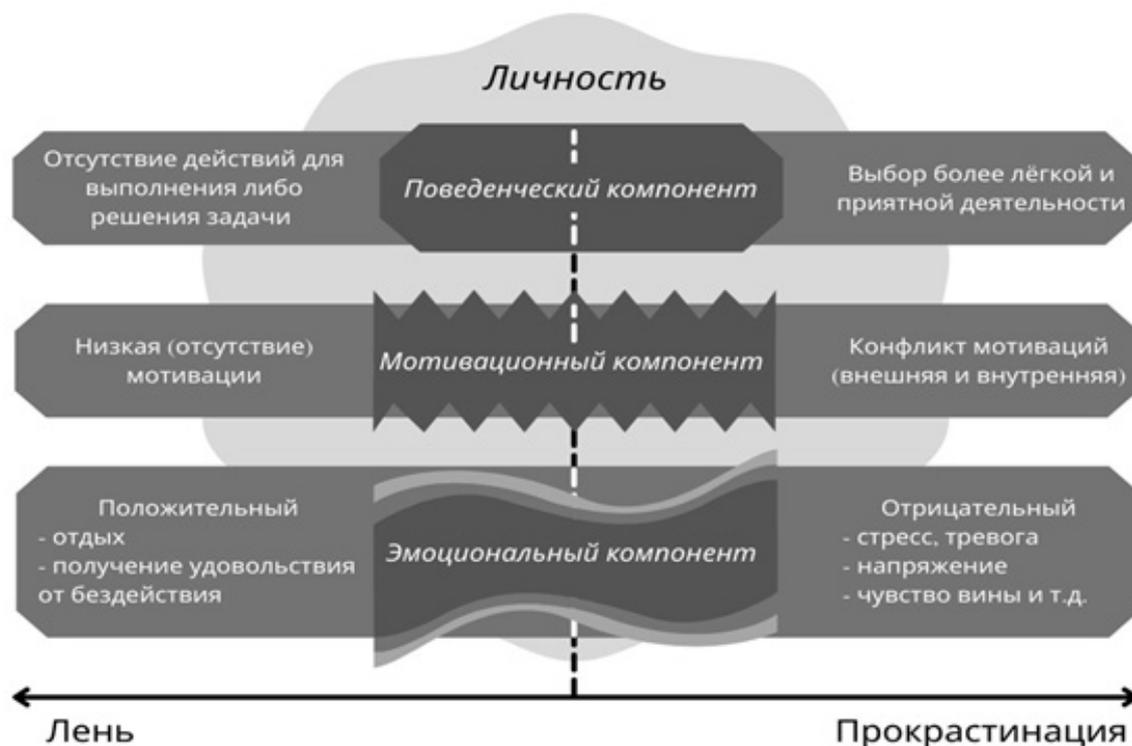

Рисунок 1 – Сравнительный анализ компонентов прокрастинации и лени

должен стремиться в процессе выполнения любой деятельности. Для более четкого понимания и объяснения сущности теории П. Спил выразил свои предположения в виде формулы:

$$U=(E*V)/(G*D).$$

Таким образом, субъективная полезность действий (U) зависит от следующих четырех параметров: уверенность в успехе (E), предполагаемое вознаграждение (V), время на выполнение (G) и чувствительность к задержкам (D).

Однако, хотя все переменные важны для того, чтобы начать или завершить определенные действия, люди, скорее всего, будут определять полезность или выгоду по-разному, в зависимости от значимости влияния для них каждой переменной. Деятельность, которая изначально считалась бесполезной, со временем может превратиться в значимую. Одной из главных причин этого является склонность человека недооценивать будущую награду и переоценивать текущее удовольствие [3].

В конце XX – начале XXI века проблема феномена прокрастинации привлекла внимание и отечественных ученых [5–16]. Многие из них изначально отождествляли прокрастинацию с ленью. Так, С.Т. Посохова определяет прокрастинацию как форму проявления лени в зрелом возрасте. Я.И. Варвичева рассматривает прокрастинацию как сознательное откладывание намеченных действий, независящих от внешних обстоятельств.

Однако ученый отмечает, что «психологические механизмы, стоящие за ленью и прокрастинацией, во многом сходны» [6].

Некоторую размытость границ между прокрастинацией и ленью можно обнаружить у Е.П. Ильина. В своей монографии «Работа и личность. Трудоголизм. Перфекционизм. Лень» автор предлагает рассматривать прокрастинаторов с двух позиций: как личность с чувством вины, беспокойную, с высоким уровнем тревожности и как личность, сосредоточенную только на той деятельности, которая ей приносит удовольствие. Таким образом, Е.П. Ильин выделяет «напряженных» и «расслабленных» прокрастинаторов. Он отмечает тот факт, что индивид имеет склонность к откладыванию дел «на потом», несмотря на то, что такое откладывание может привести к негативным последствиям. Противоположную точку зрения имеют психологи В.В. Воробьева, Е.Л. Михайлова, И.С. Якиманская и Н.В. Боровская. Они отмечают, что нарушение мотивации и воли приводит к возникновению как лени, так и прокрастинации, но в то же время они признают нетождественность данных понятий. Мы разделяем мнение психологов, которые считают необходимым разводить эти термины (рисунок 1).

Прокрастинация и лень отличаются между собой в основном по эмоциональному критерию. Личность при наличии лени не получает негативных эмоций в результате невыполненной работы. Прокрастинация же вызывает у субъекта чувство

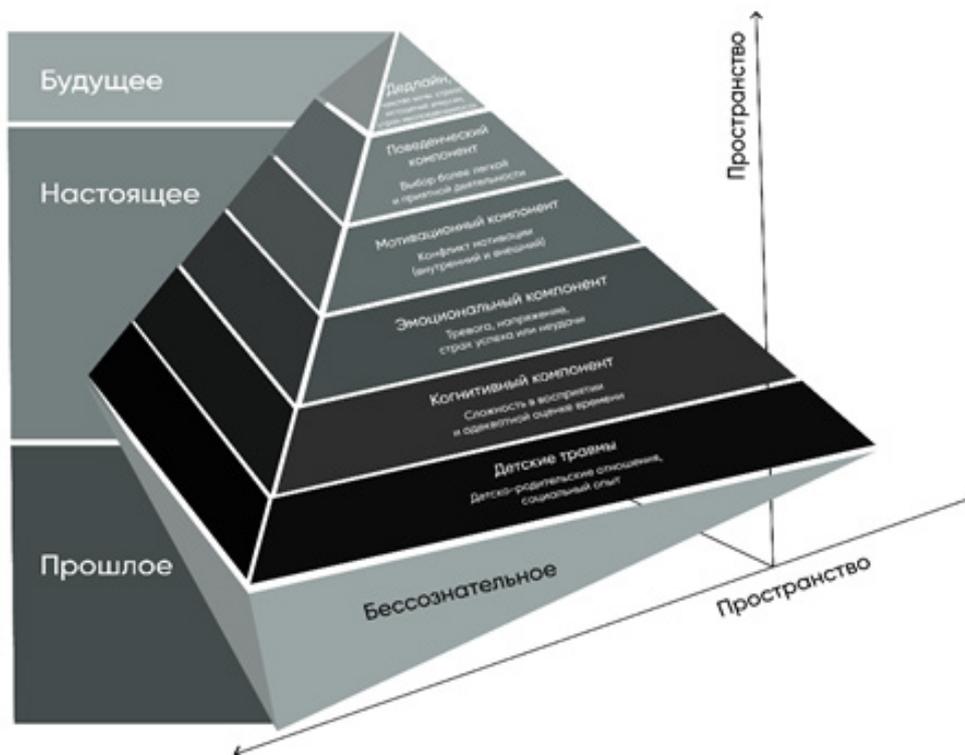

Рисунок 2 – Модель прокрастинации

вины, порождая у него такие психологические состояния, как нервозность и раздражительность из-за кажущегося ему безделья.

Рассматривая прокрастинацию как проявление защитно-совладающего поведения, А.В. Климова, Е.П. Ивутина и Е.С. Шуракова в своих исследованиях обнаружили взаимосвязь прокрастинации с такими копинг-стратегиями, как «бегство/избегание», «конфронтация», «дистанцирование», «принятие ответственности». Авторы утверждают, что, применяя данные стратегии, прокрастинаторы пытаются всевозможными способами отложить выполнение или завершение задачи, а также эмоционально дистанцироваться от нее. Среди защитных механизмов прокрастинаторы используют «регрессию», «замещение», «отрицание» и «реактивное образование» [12].

В ходе многочисленных исследований индивидуально-личностных особенностей прокрастинаторов Н.Н. Карловская и Р.А. Баранова выделяют следующие компоненты и подструктуры прокрастинации: локус контроля, восприятие времени, тревожность, страх неудачи, чувство вины, ригидность поведенческих паттернов, неорганизованность, низкая концентрация внимания и нейротизм [13].

Исследования Е.А. Ипполитовой, Л.И. Деметьевой, М.С. Дворник, основанные на теории временной мотивации П. Стила, показали, что для прокрастинаторов характерен профиль временной перспективы с низкими значениями ориентации на будущее и тенденцией откладывания решения задач в связи с несбалансированностью временной перспективы [14].

В отечественных исследованиях была предпринята попытка определить роль иррациональной мотивации в проявлении прокрастинации. Так, О.А. Шамшикова, И.Н. Кочмарева утверждают, что прокрастинация может проявляться из-за нежелания принимать трудное решение в данный момент. Мотивом в этом случае может выступать избегание неприятных переживаний. В рамках модели «предубеждение статуса-кво» ведущий иррациональный мотив – желание сохранить неизменность. Следовательно, прокрастинация наблюдается тогда, когда перед индивидом возникает перспектива что-либо изменить (работа, уровень образования, создание семьи и т.д.) [15].

Проведенный анализ теоретического материала позволяет модельно выстроить компоненты прокрастинации (рисунок 2).

Заключение. Прокрастинация – это сложносоставной психологический феномен, включающий в себя поведенческие (деятельность, закрепленная негативным или положительным подкреплением), эмоциональные (высокая тре-

возность, страх успеха и неудачи, эмоциональная перегруженность) и подсознательные (механизм психологической защиты, детские травмы) компоненты, тесно связанный с мотивационной сферой личности. Наше исследование показало, что не следует приравнивать прокрастинацию к лени. Стало очевидным, что при похожем поведении, а именно невыполнении какой-то задачи, прокрастинатор отличается от «лентяя» субъективными негативными эмоциональными переживаниями. Кроме того, не следует феномен прокрастинации полностью отождествлять с защитными механизмами или нарушениями мотивационно-волевых процессов.

Обобщая многообразие взглядов на природу и механизмы прокрастинации, наше исследование позволяет сделать вывод о том, что вышеобозначенная проблематика требует дальнейшего изучения, которое позволит уточнить имеющиеся данные о природе и причинах возникновения прокрастинации, ее компонентах. Каждое исследование имеет свои перспективы. Можно предположить, что различные факты, полученные в результате изучения феномена прокрастинации, будет логично объединить в систему понимания прокрастинации, где каждый ее элемент будет дополнять друг друга. Именно интеграция позволит ответить на существующие сейчас вопросы относительно природы такого явления, как прокрастинация. Особое внимание, по нашему мнению, необходимо уделить свойствам личности, вызывающим данный феномен, что и является целью нашего дальнейшего исследования.

Литература

1. Burka, J.B. Procrastination: Why do you do it and what to do about it / J.B. Burka, L.M. Yuen. – Reading, PA: Addison-Wesley, 1983. – 240 p.
2. Steel, P. Academic Procrastination: Psychological Antecedents Revisited / P. Steel, K.B. Klingsieck // Australian Psychologist. – 2016. – № 51. – P. 36–46.
3. Ferrari, J.R. Procrastination and task avoidance: Theory, research, and treatment / J.R. Ferrari, J.L. Johnson. – New York: Plenum, 1995. – 268 p.
4. Калинина, Т.В. Феномен прокрастинации: современные исследования / Т.В. Калинина, Д.А. Кудачкин // Приволж. науч. вестн. – 2016. – № 11(63). – С. 58–61.
5. Королева, А.С. Феномен прокрастинации в отечественной и зарубежной психологии / А.С. Королева, А.Ю. Клейменова // Вестн. магистратуры. – 2017. – № 10. – С. 50–53.
6. Варвичева, Я.И. Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования / Я.И. Варвичева // Вопросы психологии. – 2010. – № 3. – С. 121–131.
7. Сибирцева, Е.И. Изучение феномена прокрастинации в отечественной психологии / Е.И. Сибирцева // Научные исследования: от теории к практике. – 2016. – № 2(8). – С. 186–191.
8. Агарков, В.А. Взаимосвязь свойств темперамента и механизмов психической защиты / В.А. Агарков, С.А. Бронфан // Журн. практ. психологии и психоанализа. – 2009. – № 4. – С. 164–184.

9. Арпентьева, М.Р. Прокрастинация: комплекс Ионы / М.Р. Арпентьева // Роль прокрастинации в процессе самоопределения молодежи: сб. науч. ст. – Саратов, 2015. – С. 5–25.
10. Вольнич, Я.С. Прокрастинация как психологический феномен современного общества / Я.С. Вольнич // Молодежь и наука: актуальные проблемы педагогики и психологии. – 2017. – № 2. – С. 22–26.
11. Гущина Е.А. Взаимосвязь уровня прокрастинации с личностными характеристиками студентов / Е.А. Гущина, Н.И. Циркунова // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Л. Михайлова (гл. ред.), С.Д. Матюшкова, С.Г. Туболец; отв. за вып. С.А. Моторов. – Витебск, 2021. – С. 135–139.
12. Ивутина, Е.П. Академическая прокрастинация как проявление защитно-совпадающего поведения у студентов / Е.П. Ивутина, А.В. Климова, Е.С. Шуракова // Вестн. Вят. гос. гуманитар. ун-та. – 2013. – № 4. – С. 146–151.
13. Карловская, Н.Н. Взаимосвязь общей и академической прокрастинации и тревожности у студентов с разной академической успеваемостью / Н.Н. Карловская, Р.А. Баранова // Психология в вузе. – 2008. – № 3. – С. 38–49.
14. Ипполитова, Е.А. Особенности временной перспективы студентов с высоким уровнем учебной прокрастинации / Е.А. Ипполитова // Молодой ученый. – 2013. – № 11(58). – С. 762–765.
15. Шамшикова, О.А. Прокрастинация как проявление иррациональной мотивации / О.А. Шамшикова, Н.И. Кормачева // Развитие человека в современном мире: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Новосибирск, 19–21 апр. 2016 г. / под ред. Н.Я. Большуновой, О.А. Шамшиковой. – Новосибирск, 2016. – С. 243–251.
16. Павлова, Е.С. Исследование мотивации, прокрастинации и лени у медицинских работников / Е.С. Павлова, Н.И. Циркунова // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер: сб. науч. ст. / Витеб. гос. ун-т; редкол.: Е.Л. Михайлова (гл. ред.), С.Д. Матюшкова, С.Г. Туболец; отв. за вып. С.А. Моторов. – Витебск, 2021. – С. 232–236.

Поступила в редакцию 23.12.2021

Современные тенденции в изучении психосоциальной адаптации детей, рожденных с задержкой развития плода

Ковалевская Т.Н.

Учреждение образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет»

В статье рассматриваются вопросы современных тенденций в изучении психосоциальной адаптации детей (ПСА), рожденных с задержкой развития плода (ЗРП). Для исследования важно было получить достаточно полную информацию об особенностях развития детей с ЗРП. Ряд научных трудов, посвященных психическому и личностному развитию индивида, не раскрывают проблему взаимосвязи отклонений в процессе протекания ПСА и ЗРП, следовательно, проблема остается актуальной и не разработанной. В настоящее время в области анализа влияния ЗРП на развитие ребенка на отдаленных этапах онтогенеза остаются малоизученными вопросы, связанные с психологическим здоровьем, социализацией, самореализацией и психосоциальной адаптацией к различным жизненным ситуациям и особенно возможности ограничения психологической коррекции выявленных отклонений.

Цель научной работы – исследование процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с задержкой развития плода.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Ясли-сад № 6 г. Витебска», ГУО «Ясли-сад № 84 г. Витебска», ГУО «Ясли-сад № 16 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «Средняя школа № 33 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет». Выборка составила 168 детей, рожденных с ЗРП, и 54 ребенка, рожденных недоношенными, соответствующими ГВ. В качестве методов применяли опрос, проводили статистическую обработку данных.

Результаты и их обсуждение. Выявление личностных и поведенческих характеристик, влияющих на ПСА, позволит целенаправленно формировать такие качества, которые будут способствовать повышению эффективности адаптационных механизмов и процесса социализации в целом. Таким образом, развитие теории ПСА может внести серьезный практический вклад в развитие общества.

Заключение. Практическую значимость имеют результаты анализа влияния ЗРП на протекание ПСА, самореализации и социализации, которые позволяют определить особенность и разработать мероприятия по коррекции вышеназванных процессов. В ходе данного исследования выявлено, что динамика дезадаптационных проявлений имеет взаимосвязь с ЗРП.

Ключевые слова: психосоциальная адаптация, сопровождение, задержка развития плода.

Current Trends in the Study of Psychosocial Adaptation of Children Born With Intrauterine Fetal Growth Retardation

Kovalevskaya T.N.

Education Establishment "Vitebsk State Medical University"

The article discusses the issues of current trends in the study of psychosocial adaptation (PSA) of children who were born with fetal growth retardation (FGR). For our study, it was important to obtain sufficiently complete information about the features of the development of children who were born with intrauterine fetal growth retardation (IUGR). A number of studies devoted to the mental and personal development of an individual do not consider the problem of the relationship of deviations in the course of PSA and IUGR, therefore, the problem remains relevant and has not been developed. At present, in the field of research on the impact of IUGR on the development of a child at remote stages of ontogenesis, issues related to psychological health, socialization, self-realization, and psychosocial adaptation to various life situations remain insufficiently studied, and especially the possibilities and limitations of psychological correction of the identified deviations.

The purpose of the scientific work is to study the process of psychosocial adaptation of children who were born with intrauterine fetal growth retardation (IUGR).

Material and methods. The study was conducted at Vitebsk Kindergarten No 6, Vitebsk Kindergarten No 84, Vitebsk Kindergarten No 16, Gymnasium No 5 of the City of Vitebsk, Secondary School No 33 of the City of Vitebsk, Gymnasium No 9 of the City of Vitebsk, Vitebsk State Order of Peoples' Friendship Medical University. 168 children born with FGR and 54 children born prematurely were studied. The research methods were a survey of parents and teachers, statistical processing.

Findings and their discussion. Identification of personal and behavioral characteristics that affect PSA will allow purposefully forming such qualities that will increase the effectiveness of adaptation mechanisms and the process of socialization as a whole. Thus, the development of PSA theory can make a serious practical contribution to the development of society.

Conclusion. Of practical importance are the results of the analysis of the impact of the IUGR on the course of PSA, self-implementation and socialization, which allow us to identify the features and develop measures to correct these processes. As a result of this study, it was revealed that the dynamics of maladaptation manifestations has a relationship with IUGR.

Key words: psychosocial adaptation, support, intrauterine growth retardation.

Актуальность исследования психосоциальной адаптации детей (ПСА), рожденных с задержкой развития плода (ЗРП), обусловлена, во-первых, данной патологией, которая имеет определенную специфику; во-вторых, рядом особенностей психосоциальной адаптации у детей, имеющих данный диагноз в анамнезе; в-третьих, тем, что вопросы особенностей протекания процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП, остаются практически не раскрытыми до сих пор. Детальное изучение данной проблемы, на наш взгляд, позволит разработать и внедрить в учебно-воспитательный процесс эффективную модель сопровождения процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП, с возможностью ее применения на любых этапах онтогенеза [1].

В основе высокоэффективного протекания процесса ПСА лежат способности индивида к динамической перестройке жизненных целей и внутренних установок, включая всю систему отношений в целом. Согласно Т. Миллону нормальный, адаптивный тип личности характеризуется высокой способностью гибко взаимодействовать с окружающими. В случае, когда повседневные задачи вызывают затруднения, обычные действия и впечатления приводят к дискомфорту, личность относится к патологическому типу или малоадаптивному. Психосоциальная адаптация неразрывно связана с социализацией и психологическим здоровьем личности, которая, являясь психически адаптированной, должна уметь взаимодействовать с окружающими, без ощущения эмоционального дискомфорта и проявления неадаптивных механизмов, соответственно, обеспечивать человеку состояние психологического здоровья, необходимого для активной жизнедеятельности [1].

Для нашего исследования важно было получить достаточно полную информацию об особенностях развития детей с ЗРП. Ряд научных трудов, посвященных психическому и личностному развитию индивида, не рассматривают проблему взаимосвязи отклонений в процессе протекания ПСА и ЗРП, следовательно, проблема остается актуальной и не разработанной. В настоящее время в области анализа влияния ЗРП на развитие ребенка на отдаленных этапах онтогенеза остаются малоизученными вопросы, связанные с психологическим здоровьем, социализацией, самореализацией и психосоциальной адаптацией к различным жизненным ситуациям и особенно возможности и ограничения психологической коррекции выявленных отклонений. Наиболее полные данные с точки зрения физиологической составляющей представлены в исследованиях, выполненных в русле акушерства и гинекологии,

педиатрии, психиатрии, но они содержат лишь обобщение клинического опыта, не освещая при этом психологической стороны проблемы. Таким образом, несмотря на довольно полную клиническую картину, остаются открытыми вопросы коррекции проблем психологического и психосоматического характера, возникающих на базе данного патологического состояния, вопросы диагностики и психологического сопровождения проблем и нарушений в области детского развития на отдаленных этапах онтогенеза, а также вопросы психологического описания ПСА, социализации и самореализации у детей, рожденных с ЗРП. Все это позволяет говорить об актуальности изучения проблемы взаимосвязи ПСА и ЗРП, необходимости обеспечения условий для полноценного развития детей с ЗРП.

Выявление личностных и поведенческих характеристик, влияющих на ПСА, позволит целенаправленно формировать такие качества, которые будут способствовать повышению эффективности адаптационных механизмов и процесса социализации в целом. Таким образом, развитие теории ПСА может внести серьезный практический вклад в развитие общества [2; 3].

Практическую значимость имеют результаты анализа влияния ЗРП на протекание ПСА, самореализации и социализации, которые позволяют определить особенности и разработать мероприятия по коррекции вышеназванных процессов. В результате данного исследования выявлено, что динамика дезадаптационных проявлений имеет взаимосвязь с ЗРП.

Цель научной работы – исследование процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с задержкой развития плода.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе ГУО «Ясли-сад № 6 г. Витебска», ГУО «Ясли-сад № 84 г. Витебска», ГУО «Ясли-сад № 16 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 5 г. Витебска», ГУО «Средняя школа № 33 г. Витебска», ГУО «Гимназия № 9 г. Витебска», УО «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (n=610). В исследовании особенностей ПСА на отдаленных этапах онтогенеза приняли участие родители и родственники 168 детей, рожденных с ЗРП, и 54 детей, рожденных недоношенными, соответствующими ГВ. Методами исследования являлись опрос родителей и педагогов, методики изучения адаптации детей к школе (А.Б. Эльконин, Л.Г. Венгер, Н.Г. Лусканова), анкета для определения гиперактивности (Д. Коннерс) и диагностические критерии СДВГ по классификации DSM-IV, методики диагностики тревожности детей «Незаконченные предложения» и «Тест на тревожность детей 3,5–7 лет» (Р. Тэмпл, М. Дорки, В. Амен), методики диагностики страхов «Страхи в домиках»

(М.А. Панфилова) и «Диагностика детских страхов» (А.И. Захаров), многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин), клинический опросник для выявления и оценки невротических состояний (К.К. Яхин, Д.М. Менделевич), методика выявления и оценки коммуникативных и организаторских способностей «КОС-1», методика изучения экспертных оценок (Т.М. Ахенбах).

Статистическая обработка эмпирических данных осуществлялась с применением программ Microsoft Office Excel 2007, Statistica 7.0. Для установления достоверности различий использовались непараметрические критерии: Манна – Уитни (Mann – Whitney Test), точный критерий Фишера, критерий хи-квадрат, непараметрический корреляционный анализ (коэффициент ранговой корреляции (R) Spearman), плотность связи оценивали как низкую при значениях от 0 до $\pm 0,29$, среднюю – от $\pm 0,3$ до $\pm 0,69$, высокую – от $\pm 0,7$ до $\pm 0,99$.

Результаты и их обсуждение. В ходе проведенного нами исследования было выявлено, что на различных этапах онтогенеза личности, у детей, рожденных с ЗРП, наблюдаются нарушения в процессе ПСА, многообразные проявления которых имеют свою специфику на каждом возрастном этапе, при этом характеризуясь общей закономерностью – более низким адаптационным потенциалом по сравнению со сверстниками, рожденными без ЗРП [2; 3].

Критерии успешности протекания процесса ПСА оценивались по показателям, объединенным в три сферы: академическую, психологическую и социальную.

Социально-психологическая и психосоциальная адаптация близки по своему содержанию между собой, однако мы в своем исследовании придерживаемся понятия «психосоциальная адаптация», которая акцентирует личностное и психологическое развитие индивида, позволяя более полно рассмотреть процесс адаптации, не сводя его к простому приспособлению к изменениям среды. Отклонения в процессе ПСА приводят к личностным проблемам, трудностям во взаимоотношениях с социумом, невозможности полноценно раскрыть свой потенциал, а следовательно, очевидна необходимость целенаправленной помощи специалистов по сопровождению процесса психосоциальной адаптации детей, рожденных с ЗРП, что очень важно для поддержания психологического здоровья формирующейся личности [1].

К основным критериям адаптивной и психологически здоровой личности, согласно Б.Д. Карвасарскому и Б.С. Братусю, относятся:

- адекватные интрапсихические механизмы отражения окружающей действительности;

- высокие показатели психологической личностной зрелости;

- высокие показатели адаптированности (гармоничные взаимоотношения с окружающими, принятие социальных норм, самореализация, без ущерба для членов коллектива и без ощущения внутреннего дискомфорта);

- высокий уровень самореализации и наличие саморазвития;

- сформированная способность оптимального соотношения собственных интересов с интересами референтной группы (коллектива);

- интегрированность личности.

В соответствии с Уставом Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) здоровье определяется как состояние полного физического, духовного и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических дефектов. Исходя из определения психологического здоровья личности, которое также рассматривается как интегральная характеристика, психологически здоровой личностью является эмоционально устойчивый индивид, с полностью сформированными адаптационными механизмами, способный к регулированию своего психического состояния в любых жизненных ситуациях. Согласно А. Маслоу, психологически здоровая личность является самодостаточной, самореализованной в большинстве психологических сфер деятельности и самоактуализирующейся. Самореализация и самоактуализация в данном определении включают в себя не только эмоционально-волевою и познавательную сферы активности личности, находящиеся на адекватном возрасту уровне зрелости, но и адекватный характер адаптационного ответа, т.е. реакций к нормативным жизненным событиям, которые происходят в жизни любого индивида, а также способность к планированию и поддержанию активности в достижении жизненных целей, характерных для данного возрастного периода [4–6].

Таким образом, говоря об адаптированной личности, мы имеем в виду ее способность к принятию себя, саморазвитию, принятию окружающих и социальной ситуации развития в целом [4].

Феномен ПСА носит междисциплинарный характер, его изучение происходит на стыке различных наук. В своем исследовании мы изучаем ПСА с позиций процесса взаимодействия личности с окружающей средой и коллективом, раскрытия своего потенциала, приспособления к нормативным жизненным ситуациям, формирования адекватных моделей и стратегий адаптивного поведения. В тесной взаимосвязи с ПСА личности находятся адаптационный потенциал (психическое свойство личности) и адаптированность (психическое состояние) как основные ее компоненты.

Адаптированность достигается личностью в ходе реализации личностного адаптационного потенциала, что в свою очередь происходит при помощи функционирования системы целеустремления, задачей которой является обеспечение соответствия между целями и достигнутым результатом.

Таким образом, говоря о полностью адаптированной личности, мы подразумеваем о сформированный набор решений для различных проблем в тех или иных конкретных условиях, который является наиболее адекватным и приемлемым в данном социуме. Формирование адаптивных реакций или набора решений происходит при помощи адаптивного потенциала, который использует совокупность средств или адаптивный механизм для восстановления нарушенного равновесия в системе «личность – среда».

В исследовании обнаружено, что личностный адаптационный потенциал у детей, рожденных с ЗРП, находится на низком или среднем уровне, что мешает достижению адаптивного поведения, а следовательно, и формированию высокого уровня психосоциальной адаптации и поддержанию психического здоровья.

Личность со сформированным адаптивным поведением способна взаимодействовать со средой, принять требования окружающей среды, без ущерба для себя и окружающих, восстановить утраченное равновесие, а также, основываясь на предыдущем опыте, создать новую модель поведения, которая будет иметь адаптивный характер и составит еще один паттерн в системе решений [1].

Еще одним немаловажным критерием успешной адаптации является личностный рост. В работах К. Роджерса и П. Тиллиха личностный рост описывается как эффективная самоактуализация и самореализация личности, обуславливающие процесс саморазвития, достижения личностной зрелости [7]. На наш взгляд, подход к оцениванию процесса адаптации с позиций самореализации является наиболее интересным с точки зрения оценки прохождения процесса ПСА на отдаленных этапах онтогенеза (подростковый и юношеский возраст).

Выделяя самореализацию личности другим, не менее важным, чем описанные выше, критерием успешности ПСА, мы подразумеваем эффективное развитие личности, раскрытие ее потенциала, становление и личностный рост. Согласно Л.А. Коростылевой [8], самореализация проявляется в развитии и перестройке картины мира и жизненного плана, корректировке и развитии «концепции Я». Кроме того, на основе собственных усилий в процессе содеятельности с социумом и миром происходит формирование концепции прошлого, которое заключается в осознании результатов предшествующей деятельности [8].

В работах З. Фрейда [9] и А. Маслоу [10] самореализация описывается как доминантный инстинкт и высшая в иерархии потребность человека, соответственно, ее удовлетворение способствует личностному росту и максимальному раскрытию внутреннего потенциала, на которое способен данный конкретный индивид.

Таким образом, в ситуации, в которой личность является субъектом собственного развития, речь идет о самореализации. Потребность в самореализации, соответственно, выступает как источник саморазвития, с одной стороны, и продукт развития личности – с другой.

По мнению С.Л. Братченко, полноценный личностный рост возможен только при равновесии в системе «интраперсональность – интерперсональность» – когда ни одна из ее частей не будет подавлять другую. Он рассматривает процесс самореализации с позиций личностного роста, который опирается на формулу К. Роджерса «если – то» [7].

С позиций адаптационных процессов мы можем сформулировать это следующим образом: если процесс ПСА не нарушен, то происходит полноценная самореализация, результатом которой будут изменения в направлении личностного роста, самоактуализации, успешной социализации, личностной зрелости и, как следствие, формирование психологически здоровой личности.

ПСА представляет собой непрерывный процесс, в ходе которого происходит формирование адекватных адаптивных механизмов, накопление адаптивного опыта, которое способствует формированию психологически здорового ответа на изменяющиеся условия окружающей среды на различных этапах онтогенеза, что приводит к формированию психологически здоровой личности в целом. Соответственно, исходя из многокомпонентности процесса ПСА и его непрерывности, процесс сопровождения ПСА должен носить комплексный характер.

Резко возникающие новые социальные ситуации развития могут приводить к стрессовому состоянию личности, длительное пребывание в котором, в свою очередь, является фактором развития эмоциональных нарушений. Детям, рожденным с ЗРП, в силу отсутствия сформированных адаптационных механизмов, необходима помощь в преодолении стрессовой ситуации и формировании адаптационного потенциала личности. Соответственно, необходимо сопровождение процесса ПСА на всех этапах онтогенеза [2; 3].

Сопровождение процесса ПСА обеспечивает помощь в формировании адаптационного потенциала личности, адекватных адаптивных механизмов, накопление адаптивного опыта, который способствует формированию психологиче-

ски здорового ответа на изменяющиеся условия окружающей среды, а также оказывает помощь специалистам, работающим с детьми, рожденными с ЗРП [2; 3].

Поскольку ПСА, как описывалось выше, представляет собой многокомпонентный процесс, то и его нарушения носят комплексный характер. Нарушения процесса ПСА проявляются в снижении показателей по всем компонентам психологических особенностей личности, устойчивы, не выявлены тенденции к улучшению показателей с течением времени, но поддаются коррекции на отдаленных этапах онтогенеза. Так, например, исходя из нашего исследования, дети, рожденные с ЗРП, характеризуются отклонениями процесса ПСА в различные возрастные периоды, однако после проведения программы психосоциальной коррекции выявленных отклонений и сопровождения ПСА показатели личностного адаптационного потенциала у детей значительно улучшились и выровнялись до уровня респондентов контрольной группы, не имеющих ЗРП в анамнезе [2; 3].

Для коррекции выявленных негативных явлений нами была разработана программа сопровождения процесса ПСА детей, рожденных с ЗРП, основанная на комплексном подходе, с целью формирования адаптационных решений, наиболее подходящих для данной возрастной категории и способствующих повышению адаптационного потенциала [2; 3].

Оптимизация адаптационных механизмов в рамках разработанной программы предусматривает воздействие на комплекс негативных явлений, присущих детям с отклонениями процесса ПСА. Наши исследования показали, что экспериментальная программа эффективна в направлении улучшения компонентов ПСА адаптации и может быть применена для формирования адаптационного потенциала личности и адаптационных механизмов [2; 3].

Заключение. Исходя из многокомпонентной структуры нарушений процесса ПСА модель его сопровождения также должна быть многокомпонентной, охватывать все психологические сферы развития личности, базироваться на комплексном и мультидисциплинарном подходе, а также подходе с позиций полного жизненного цикла.

Целью сопровождения ПСА детей на любом возрастном этапе развития является развитие состояния адаптированности, за счет которого будет достигнуто принятие себя, окружающих, новой социальной ситуации развития, новых социальных норм, расширение коммуникативного опыта, раскрытие своего потенциала, самореализация, поддержание психологического здоровья и развитие личности в целом.

Повышение адаптационного потенциала возможно путем применения программ сопровождения процесса ПСА личности. Было получено статистически достоверное подтверждение улучшения показателей личностного адаптационного потенциала, при работе по разработанной нами модели сопровождения процесса ПСА детей, рожденных с ЗРП, следовательно, программа может быть рекомендована для дальнейшего применения.

Заметно повышают эффективность сопровождения процесса ПСА личности межсекторальное взаимодействие специалистов и использование подхода с точки зрения полного жизненного цикла, в рамках которого осуществляется коррекция отклонений в процессе ПСА на любом этапе онтогенеза личности, обеспечивая индивидуальный и мультидисциплинарный подход к проблеме.

Учитывая, что нами не установлена компенсация нарушенных показателей ПСА с течением времени, процесс сопровождения и коррекции выявленных отклонений должен строиться исходя из основных детерминант возрастного периода, подлежащего психокоррекционному воздействию в контексте новой социальной ситуации развития. Целесообразным является продолжение исследований в данной области.

Литература

1. Артюхова, Т.Ю. Адаптационные возможности как показатель психологического здоровья участников образовательного процесса / Т.Ю. Артюхова // Сиб. психол. журн. – 2005. – № 22. – С. 49–53.
2. Ковалевская, Т.Н. Влияние задержки внутриутробного роста и развития плода на социально-психологическую адаптацию детей на различных этапах онтогенеза: монография / Т.Н. Ковалевская. – Витебск: Витеб. гос. ун-т, 2015. – 226 с.
3. Богомаз, С.Л. Основные направления и принципы психолого-педагогического сопровождения процесса адаптации у детей с задержкой внутриутробного роста и развития плода / С.Л. Богомаз, Т.Н. Ковалевская // Весн. Віцеб. дзярж. ун-та. – 2015. – № 2–3(86–87). – С. 87–98.
4. Европейская стратегия «Здоровье и развитие детей и подростков» [Электронный ресурс] / Всемирная организация здравоохранения, 2005. – Режим доступа: <https://apps.who.int/iris/handle/10665/347610> 23. – Дата доступа: 05.12.2021.
5. Promoting optimal fetal development. Report of a Technical Consultation World Health Organization. – WHO: Document Production Services, Geneva, Switzerland, 2006. – 58 p.
6. Терминология по общественному здоровью и здравоохранению. – Минск, 2017. – 119 с.
7. Свиридов, Н.А. Социальная адаптация личности в трудовом коллективе / Н.А. Свиридов // Социологические исследования. – 1980. – № 3. – С. 44–51.
8. Коростелева, Л.А. Психология самореализации личности: затруднения в профессиональной сфере / Л.А. Коростелева. – СПб.: Речь, 2005. – 222 с.
9. Freud, S. Civilization and Its Discontents / S. Freud. – Penguin Books Ltd., 2002. – 144 p.
10. Маслоу, А. На подступах к психологии бытия / А. Маслоу; под ред. В. Данченко. – М.: Рефл-бук; К.: Ваклер; К.: Psylib, 2003. – 138 с.

Поступила в редакцию 10.01.2022

Ограниченная рациональность как принцип поведения личности в ситуации принятия решений

Позняк К.В.

Белорусский государственный университет

От рациональности и эффективности принимаемых решений зависит благополучие человека, общества, а также динамика многих социальных процессов, с чем связано повышенное внимание когнитивных психологов к рассматриваемой проблематике.

Цель работы – охарактеризовать особенности эволюции подходов к рациональному выбору и определить принцип ограниченной рациональности как концептуальную основу принятия решений субъектом.

Материал и методы. В ходе исследования был произведен теоретико-методологический анализ экономических и психологических теорий рационального выбора с использованием методов сравнительного анализа, систематизации и концептуализации научных идей.

Результаты и их обсуждение. В статье показаны трансформация экономических теорий рационального принятия решений под влиянием результатов психологических исследований и приход к эмпирически обоснованной концепции ограниченной рациональности.

Заключение. Обнаруженные парадоксы рационального выбора, широкий спектр игнорируемых личностных особенностей, эмоциональных и иных факторов, влияющих на процесс принятия решений, привели к ослаблению или исключению части нереалистичных предпосылок, из которых изначально исходили экономические теории, а также поставили под сомнение критерии оценки рациональности субъектов.

Субъект, принимающий решение, является ограниченно рациональным вследствие имеющейся у него неполной и искаженной информации, ограниченных когнитивных способностей и временных ресурсов, а принимаемые им решения необходимо изучать в контексте окружающей его среды. Предположительно, люди совершают выбор, полагаясь на текущий уровень притязаний, процедуры ограниченного поиска и простые, но эффективные методы вынесения суждений при решении сложных задач, в итоге выбирая удовлетворительную альтернативу. Концепция ограниченной рациональности является наиболее эмпирически подтвержденной, учитывает психологические особенности человека, а потому может выступать основой для будущих психологических исследований.

Ключевые слова: ограниченная рациональность, принятие решений, человек экономический.

Bounded Rationality as a Principle of Personality Behavior in a Decision-Making Situation

Pozniak K.V.

Belarusian State University

The well-being of a person, society, as well as the dynamics of many social processes depend on the rationality and effectiveness of decisions, which determines the increased attention of cognitive psychologists to the issues under consideration.

The purpose of the work is to characterize the features of the evolution of approaches to the rational choice and to define the principle of bounded rationality as a conceptual basis for decision-making by a subject.

Material and methods. During the study, a theoretical and methodological analysis of economic and psychological theories of rational choice was carried out using methods of comparative analysis, systematization and conceptualization of scientific ideas.

Findings and their discussion. The article shows the transformation of economic theories of rational decision making under the influence of the results of psychological research and reaching an empirically grounded concept of bounded rationality.

Conclusion. The revealed paradoxes of rational choice, a wide range of previously ignored personality traits, emotional and other factors influencing the decision-making process, led to the weakening or exclusion of some of the unrealistic premises from which economic theories initially proceeded, and also called into question the criteria for assessing the rationality of subjects.

The subject who makes a decision is rational in a bounded way due to the incomplete and distorted information available to him, limited cognitive abilities and time resources; while the decisions he makes must be studied in the context of his environment. Presumably, people make choices based on their current level of aspiration, limited search procedures, and simple but effective methods of making judgments when solving complex problems, ultimately choosing a satisfactory alternative. The concept of bounded rationality is the most empirically confirmed; it takes into account the psychological characteristics of a person, and therefore can serve as the basis for the design of future psychological research.

Key words: bounded rationality, decision making, homo economicus.

Актуальность проблематики принятия решений трудно переоценить. От их рациональности и эффективности зависит благополучие человека, общества, а также динамика многих социальных процессов. Принятие решений изначально исследовалось в экономическом русле, однако в последние десятилетия привлекает все большее внимание когнитивных психологов. На данный момент существует значительное количество теорий, стремящихся объяснить, как человек поступает при совершении рационального выбора, однако нет консенсуса относительно лучшей из них, как и нет однозначного определения понятия «рационального выбора». Среди отечественных исследователей изучением проблемы принятия решений занимались Д.А. Жданов, Э.Р. Кашапова, И.С. Шавкунова, В.С. Любченко, А.П. Вяткин, В.Л. Тамбовцев, И.Ю. Орлова и другие [1–5]. Из зарубежных авторов наиболее авторитетными являются Г.А. Саймон, Дж. фон Нейман и О. Моргенштерн, М. Алле, Д. Элсберг, С. Лихтенштейн, П. Слович, Л. Сэвидж [6].

Цель данной работы – охарактеризовать особенности эволюции подходов к рациональному выбору и определить принцип ограниченной рациональности как концептуальную основу принятия решений субъектом.

Материал и методы. В ходе исследования были произведены теоретико-методологический анализ экономических и психологических теорий рационального выбора, метаанализ факторов, влияющих на принятие решений. Использованные методы: сравнительный анализ, систематизация и концептуализация научных идей.

Результаты и их обсуждение. На протяжении длительного периода времени в экономике господствовала концепция Ното есопотісус (человека экономического), изначальная абстракция которого содержала следующие допущения:

1. Экономический человек находится в ситуации, когда количество доступных ему ресурсов является ограниченным. В силу потенциальной бесконечности потребностей он не может одновременно удовлетворить их все и поэтому вынужден делать выбор [1].

Выбор подразумевает принятие индивидом наилучшего решения среди доступных альтернатив, при котором достигается максимальное удовлетворение потребностей, а затраты являются минимальными [2].

2. Факторы, обуславливающие этот выбор, делятся на две строго различающиеся группы: предпочтения и ограничения. Предпочтения характеризуют субъективные потребности и желания индивида, ограничения – его объективные возможности [3].

Предпочтения экономического человека являются более устойчивыми, чем его ограничения. Поэтому экономическая наука рассматривает их как постоянные, абстрагируясь от процесса их формирования. Так, по Беккеру, предпочтения не изменяются сколько-нибудь существенно с ходом времени и не слишком разнятся у богатых и бедных или даже среди людей, принадлежащих к разным обществам и культурам. Индикатором предпочтений выступают действия, а не желания или убеждения, поэтому форма их описания является внешней и свободной от любой психологической окраски.

3. Ното есопотісус независим и принимает самостоятельные решения, исходя из своих личных предпочтений.

4. Эгоистичен, т.е. стремится к максимизации собственной выгоды и в первую очередь заботится о своем интересе.

5. Информирован (не только хорошо знает собственные потребности, но и обладает всей полнотой информации о средствах их удовлетворения, а также об особенностях ситуации, в которой он действует [4].

6. Рационален (способен к постановке цели и расчету издержек при выборе средств ее достижения, тем самым максимизируя полезность при заданных ограничениях) [5].

Экономический человек может делать ошибки, но они являются случайными, а не систематическими. Аргументируя данное допущение, М. Фридман, в частности, исходил из эволюционной парадигмы, утверждая, что не соответствующие принципам рациональности индивиды будут постепенно исключаться из процесса рыночного отбора [6].

В 1947 г. Джон фон Нейман и О. Моргенштерн «математизировали» понятие рациональности, предложив теорию ожидаемой полезности. Она исходила из того, что индивид делает выбор среди альтернатив, основываясь на сумме произведений вероятностей исходов и значений их полезности. Это, по мнению авторов, и было рациональным поведением, которое базировалось на нескольких аксиомах:

1) полноты (индивид обладает четко определенными предпочтениями);

2) транзитивности (предпочтения иерархически упорядочены);

3) независимости (появление дополнительных альтернатив не должно влиять на изначальные предпочтения);

4) непрерывности (если имеется три возможных исхода А, В и С и исход А предпочтительнее исхода В, а исход В – исхода С, то существует такая вероятность (Р), что для индивида следу-

ющие две альтернативы будут иметь одинаковую ценность: а) гарантированное получение В; б) получение А или С (А с вероятностью P , либо С с вероятностью $1-P$). Иными словами, существует вероятность, при которой индивид безразличен в выборе среди двух имеющихся альтернатив: между наиболее и наименее предпочтительным результатом, с одной стороны, и промежуточным вариантом – с другой [7]. Нарушение же указанных аксиом рассматривалось как свидетельство экономической иррациональности.

Таким образом, согласно вышеизложенному рациональный агент способен абстрагироваться от влияния социальных, культурных и психологических факторов, обладает необходимой информацией, расчетлив, независим от общественных интересов, ориентирован на собственные желания и максимизацию индивидуальной полезности.

Вместе с тем стали выявляться парадоксы, противоречащие указанным аксиомам и позволяющие поставить под сомнение обоснованность модели рационального выбора. Одним из первых подобных парадокс обнаружил М. Алле (1953 г.), характеризующий неприменимость теории максимизации ожидаемой полезности в реальных условиях риска и неопределенности. Парадокс демонстрирует, что рационально ведущий себя экономический агент предпочитает вариант с гарантированным вознаграждением (достижение максимальной надежности), но меньшей ожидаемой полезностью получения максимальной полезности с меньшими шансами, а также важность учета психологических факторов в принятии экономических решений [8]. Вследствие этого выигрыш, который испытуемый получает со 100%-ной вероятностью, он оценивает непропорционально выше, чем выигрыши с высокими вероятностями, близкими к 100%: 99%, 98% и т.д.

Вскоре американский экономист Д. Эллсберг (1961 г.) сумел показать еще одно несоответствие реальных действий аксиомам рационального поведения, установив, что люди предпочитают выбрать то решение, для которого известна вероятность благоприятного исхода, нежели решение, вероятность благоприятного исхода которого еще неизвестна [9]. Таким образом, для многих индивидов риск как известная вероятность и неопределенность как неизвестная вероятность являются качественно разными понятиями, что, опять же, не согласуется с моделью рационального агента. Одним из объяснений такого выбора может служить то, что субъект использует эвристические правила для избегания вариантов, в которых информация отсутствует.

Вслед за этим в ходе эмпирических исследований, проводимых в рамках теоретико-игро-

вых моделей, также был выявлен ряд отклонений от идеалов рациональности, показывающих, что в социальных ситуациях решения не всегда мотивированы чисто экономическими, корыстными интересами. Ярким примером является игра «Ультиматум», в которой один человек (игрок А) решает, как распределить определенную, выданную ему сумму денег, а другой (игрок В) решает, принять или отклонить предложение. Если он его принимает, то оба игрока получают результат в соответствии с предложенным распределением, однако если игрок В отказывается, оба остаются ни с чем. Модели «рационального актора» предсказывают, что респондент должен принять любое предложение, поскольку любая сумма денег лучше ее отсутствия. Однако по результатам экспериментальных исследований, сравнительно небольшая доля, предложенная игроком А (20–30% и менее от общей суммы), зачастую отклоняется игроком В [10]. Такое «иррациональное» поведение противоречит его интересам, т.к. игрок упускает возможную выгоду. Более того, был обнаружен феномен так называемого «альтруистического наказания», когда индивиды наказывают других, хотя это не приносит им никаких материальных выгод и, в некоторых случаях, обходится дорого.

В игре «Диктатор» один игрок полностью контролирует распределение суммы между собой и другим игроком, который лишь пассивно получает указанную первым сумму. Рациональные диктаторы оставляют все ресурсы себе, однако исследования показывают, что в условиях двойного слепого распределения примерно две трети людей не дают ничего, а оставшаяся треть выделяет суммы от 10 до 50%. В среднем же диктаторы отдают своим партнерам около 15–35% ресурсов [11], т.е. значительно ниже, чем в игре «Ультиматум», что связывается с ненадобностью распределяющего бояться отказа. Важность полученных результатов состоит в выявлении того, что многие люди даже при полной анонимности готовы поделиться своим богатством с другими.

Стремление к объяснению обнаруженных феноменов вылилось в серию исследований, проводимых в рамках экспериментальной экономики, психологии и нейробиологии, направленных на выявление факторов, влияющих на принятие экономических решений. Прежде всего, в ряде экспериментов были зафиксированы непостоянство предпочтений и их зависимость от контекста, в котором задавался вопрос. Другим регулярно наблюдаемым феноменом стала асимметрия в оценке выигрышей и потерь: при прочих равных условиях приобретение вещи значит для человека меньше, чем ее потеря. Одним из проявлений данного феномена выступает эффект владения,

проявляющийся в завышении стоимости объекта, которым респондент владеет в сравнении с тем, который не является его собственностью.

Другого рода аномалия лежит в основе такого явления, как обращение предпочтений, получившего широкую известность. Так, американские исследователи П. Слович и С. Лихтенштейн предложили участникам эксперимента выбор среди лотерей одинакового математического ожидания, но с различной вероятностью выигрыша: небольшой выигрыш с высокой вероятностью и большой выигрыш с низкой вероятностью. Большинство выбирало более вероятный небольшой выигрыш. Затем экспериментаторы предложили испытуемым поставить себя на место владельца каждой лотереи и решить, за какую цену они согласились бы их продать. В данном случае большинство респондентов установило более высокую стоимость для лотереи с маловероятным, но большим выигрышем. Таким образом, сами респонденты неизменно стремились сыграть в лотерею с большей вероятностью выигрыша, но устанавливали более высокую стоимость (как продажи, так и покупки) для лотереи с большим выигрышем, сопоставляя стоимость с величиной выигрыша, а не его вероятностью (эффект якоря). Несмотря на все попытки других экспериментаторов опровергнуть феномен обращения предпочтений путем учета сторонних факторов, им пришлось прийти к выводу, что в основе даже простейших проявлений человеческого выбора не лежат постулируемые оптимизационные процедуры.

Вместе с тем обнаруживался широкий спектр систематических ошибок, которым подвержены респонденты, а также упрощенные способы обработки информации и принятия решений (репрезентативность, доступность и т.д.). Подобные парадоксы индивидуального выбора опровергали ряд установленных аксиом и не поддавались объяснению с помощью традиционной модели.

В целом результаты, полученные исследователями, показывают, что большинство испытуемых являются плохими статистами, не могут адекватно обрабатывать доступную им информацию и ведут себя не так, как того требуют нормативные принципы экономической рациональности, что явилось причиной модификаций модели рационального выбора, а также возникновения иных концепций.

Так, в 1954 г. Л. Сэвидж, реагируя на критику аксиом рационального поведения, представил концепцию субъективной ожидаемой полезности, постулирующей, что выбор делается:

1) среди заданного фиксированного набора альтернатив;

2) с (субъективно) известными распределениями вероятностей исходов для каждой из них;

3) таким образом, чтобы максимизировать ожидаемое значение функции полезности, варьирующееся в зависимости от степени важности блага для актора [12].

Л. Сэвидж выделял «малые» и «большие» миры. В «малых» мирах агент имеет исчерпывающее представление о всей совокупности альтернатив и их исходах (ситуация риска). Прототипом «малого» мира является лотерея, в которой все возможные будущие состояния (билеты), а также все возможные результаты (выплаты) и их вероятности известны наверняка. В «малом» мире никогда не может произойти ничего нового или неожиданного. В «большом» мире последствия принимаемых решений (исходов) неизвестны (ситуация неопределенности) и максимизация ожидаемой полезности, соответственно, невозможна.

Однако при попытках проверить данную концепцию в лабораторных либо в реальных условиях выясняется, что даже в сравнительно простых ситуациях поведение людей сильно отклоняется от концептуальной модели. Так, в ряде экспериментальных ситуаций оценки, сделанные на основе первоначальной информации, не пересматривались после поступления новой (в соответствии с требованиями теоремы Байеса). В других ситуациях респонденты реагировали лишь на последнюю предъявленную информацию, игнорируя предыдущую, что не позволяет считать теорию субъективной ожидаемой полезности имеющей высокую предсказательную силу. В целом Л. Сэвидж показал, что индивиды приписывают субъективные вероятности возможным исходам, преуменьшая большие и преувеличивая малые, и тем самым ввел психологические факторы в экономические модели.

Наряду с этим разрабатывалась модель дисконтированной полезности П. Самуэльсона, получила свое развитие теория игр, а результаты массы проведенных междисциплинарных исследований привели к эволюции концепции *Homo economicus*, которая сперва сменилась человеком институциональным (*Homo institutional*), а затем моделями REMM (человеком изобретательным, оценивающим, максимизирующим) и RREEMM (человеком изобретательным, испытывающим ограничения (во времени и полноте информации), имеющим ожидания, оценивающим и максимизирующим) [13]. Хотя последние наработки и имели большую реалистичность в силу ослабления ряда классических допущений, некоторые значимые базисные элементы остались нетронуты, что привело к сохранению комплекса старых проблем.

В 1957 г. Г. Саймон, стоявший у истоков развития концепции ограниченной рациональности,

призвал к эмпирическому исследованию того, как люди рассуждают, когда, исходя из неопределенности человеческой жизни, совершенное предвидение оказывается невозможным. Он впервые обратил внимание на то, что рациональность индивида ограничена, прежде всего, имеющейся у него неполной и искаженной информацией (несовершенная осведомленность), его когнитивными способностями (ограниченным объемом памяти, внимания, невысокой скоростью рассуждений, привычками) [14], конечностью временных ресурсов и сложностью окружающей среды, в которой он действует, а также предположил, что люди принимают решения, полагаясь на уровень притязаний, процедуры ограниченного поиска и эвристики.

Под эвристиками в данном контексте понимаются простые и эффективные методы, применяемые при вынесении суждений и принятии решений, когда люди сталкиваются с чрезмерно сложными задачами [15]. Пожалуй, наиболее известной эвристикой, предложенной Г. Саймоном, является эвристика удовлетворительности, которую в простейшем виде можно представить в виде двух шагов: а) установление некоего уровня притязаний и б) выбор первого варианта, который ему удовлетворяет.

Сторонники ограниченной рациональности предполагают, что окружающая среда принципиально более неопределенна, чем это понимается в большинстве моделей выбора. Неопределенность здесь означает незнание вероятности последствий принятия решения, а также незнание атрибутов, характеризующих проблему. Она также может включать двусмысленность, которая сама по себе имеет две коннотации. Первая относится к ситуациям, в которых атрибуты ясны, а их относительная важность – нет. Вторая, более фундаментальная, – та, в которой альтернативные состояния определены нечетко или имеется несколько значений, а интерпретации могут быть противоположны.

Из-за неопределенности и ограниченных когнитивных способностей субъект не может заранее знать исход каждого варианта и в процессе выбора осуществляет поиск среди альтернатив до тех пор, пока не будет найдена удовлетворительная, после чего поиск прекращается. Удовлетворительность варианта определяется его соответствием уровню притязаний [16]. Концепция притязаний предполагает, что в каждый момент у человека есть некоторое представление относительно того, на что он может рассчитывать (значение целевой переменной, которое должно быть достигнуто или превзойдено удовлетворительной альтернативой решения). И если найти альтернативы, которые удовлетворяют текущему

уровню притязаний, оказывается легко, он повышается. Если поиск продолжается долгое время, а удовлетворительная альтернатива не появляется, уровень притязаний снижается до тех пор, пока та не будет найдена. Таким образом, уровень притязаний не является фиксированным и довольно динамично адаптируется к текущей ситуации, а индивид, используя эвристический процесс, выбирает удовлетворительное решение в противовес оптимальному, что не раз подтверждалось экспериментально. Так, исследования процесса принятия решений шахматистами убедительно показывают, что сильные игроки не рассматривают все возможные стратегии, затем выбирая лучшую, а исследуют довольно небольшое число из них, делая ход, как только обнаруживают удовлетворительный вариант.

В своей исследовательской программе Г. Саймон также указывал на необходимость изучения принятия решений в контексте определенной среды, метафорически выражая это следующим образом: «Рациональное поведение человека формируется ножницами, лезвиями которых являются структура среды задач и вычислительные возможности субъекта» [17].

Изначально концепция ограниченной рациональности не получила широкого признания, однако в дальнейшем исследователи использовали ее применительно к своим сферам, вследствие чего та была радикально переработана, а первоначальные идеи перестали быть узнаваемыми. Экономисты интегрировали ограниченную рациональность в нормативную теорию и пришли к выводу, что эвристика удовлетворения является оптимизацией при некоторых ограничениях и затратах на поиск, тем самым вернувшись в русло максимизации ожидаемой полезности.

В рамках же когнитивной психологии (программа эвристик и искажений) сосредоточились исключительно на внутренних детерминантах поведения без анализа условий окружающей среды, что привело к пренебрежению структурой мира, в котором происходит принятие решений, и определить, в какой мере использование эвристик способствует или мешает достижению цели, стало невозможным.

Несмотря на обилие концепций рационального выбора, следует отметить, что понятие рациональности как научной категории не имеет однозначного определения. Так, только в работе Г. Ленка представлено 21 значение данного термина. Не существует и однозначной классификации: Г. Саймон выделял субстантивную (рациональность выбора) и процедурную (рациональность процедур) рациональность; К. Хьюбнер – эмпирическую, логическую, нормативную и оперативную;

Р. Будон – объективную и субъективную; Й. Шумпетер – сознательную и бессознательную; Ю. Эльстер – рациональность в широком и узком смысле и т.д.

О. Уильямсон попытался обобщить существующие классификации, выделив сильную (предполагающую максимизацию), полусильную (ограниченная рациональность по Г. Саймону) и слабую (органическую) формы рациональности. Слабой формой рациональности является рациональность, учитывающая ряд дополнительных факторов: запреты, стратегические, административные и законодательные барьеры [1].

По ходу развития научных концепций стало очевидно, что при оценке рациональности действий субъекта следует учитывать и его внутренние психологические особенности, которые во многом ранее игнорировались. Исходя из этого, в последние десятилетия был обнаружен широкий спектр различных факторов, влияющих на принятие решений. Так, к ним относятся ценности, стереотипы, склонность к доверию и справедливости, когнитивные стили, отложенность выгоды, традиции, религиозные установки, мотивация, оптимизм и отношение к риску, возрастные и гендерные различия, существующее количество альтернатив, уровень сексуального возбуждения, утомленности и когнитивной перегрузки, обусловленные культурой когнитивные различия, в том числе в области оценки вероятностей и сотрудничества, бедность, коррелирующая с более слабым когнитивным контролем, неготовностью откладывать средства и прочими неоптимальными экономическими предпочтениями, а также личностными характеристиками: так, склонность к риску связана с экстраверсией и открытостью опыту, а его избегание – с нейротизмом, уступчивостью и сознательностью [18].

Отдельным значимым фактором следует выделить эмоции [19], влиянию которых посвящена масса исследований. В ходе их проведения было выявлено, что хорошее настроение увеличивает зависимость от эвристик, приводит к более предвзятым суждениям, способствует переоценке вероятности благоприятных и недооценке вероятности неблагоприятных событий и, соответственно, делает более склонным к риску, приводит к самоуверенности и более низкой производительности. Грусть, напротив, активизирует мыслительные процессы более высокого уровня, снижает предвзятость, уменьшает склонность к риску и ведет к более точным решениям, а также переоценке неблагоприятных и недооценке благоприятных событий, отказу от несправедливых предложений и сохранению статус-кво. Страх умеренной интенсивности позволяет принимать

рациональные решения, в то время как повышенная интенсивность способствует их более интуитивному принятию. Существуют данные о влиянии сожаления, разочарования, стресса.

Очередным вызовом концепциям неограниченной рациональности стали исследования Б. Шварца и его коллег, выявивших, что люди, которые ищут наилучший возможный вариант («максимизаторы»), менее довольны результатами своих решений, хотя они и имеют объективно более благоприятные последствия, чем решения людей, которые соглашаются на удовлетворительный результат. Авторы заметили, что стремление к максимизации положительно коррелировало с сожалением, депрессией, трудностями в принятии решений и отрицательно – с оптимизмом, уровнем счастья и удовлетворенностью жизнью в целом, а в ситуации выбора максимизаторы проводили больше социальных сравнений [20]. Более того, в определенных ситуациях индивиды с не-транзитивной шкалой предпочтений принимают более разумные решения и добиваются лучших результатов.

Заключение. Исходя из вышеизложенного, господствующие экономические представления постепенно трансформировались под влиянием массива психологических данных, полученного как результат проведения ряда эмпирических исследований. Выявленные парадоксы рационального выбора, широкий спектр до этого игнорируемых личностных особенностей, эмоциональных и иных факторов, влияющих на процесс принятия решений, привели к ослаблению или исключению части нереалистичных предпосылок, из которых изначально исходили теории данного вида. Исследования, демонстрирующие связь между стремлением к максимизации и неудовлетворенностью жизнью в целом, стали очередным вызовом моделям неограниченной рациональности и поставили под сомнение критерии оценки рациональности субъектов.

Одной из наиболее значимых на сегодняшний день является концепция ограниченной рациональности, описывающая не то, как мы должны принимать решения, а то, как делаем это на самом деле. Г. Саймон впервые обратил внимание на ограниченную рациональность индивида вследствие имеющейся у него неполной и искаженной информации, ограниченных когнитивных способностей и временных ресурсов. Он также указал на необходимость изучения контекста принятия решений (окружающей среды) и предположил, что люди совершают выбор, полагаясь на текущий уровень притязаний, процедуры ограниченного поиска и простые, но эффективные методы вынесения суждений при решении сложных

задач, в итоге выбирая удовлетворительную альтернативу. Исходя из результатов огромного количества исследований, концепция ограниченной рациональности является наиболее эмпирически подтвержденной, учитывает психологические особенности человека, связанные с функционированием когнитивных процессов, влияние на него контекста, аффективной составляющей психики, а потому может выступать основой для будущих психологических исследований.

Литература

1. Жданов, Д.А. Пространство слаборациональных предпочтений: индивидуальные и национальные особенности [Электронный ресурс] / Д.А. Жданов // Экономическая политика. – 2018. – Т. 13, № 4. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvo-slaboratsionalnyh-predpochteniy-individualnye-i-natsionalnye-osobennosti>. – Дата доступа: 06.11.2021.
2. Кашапова, Э.Р. Когнитивные искажения и их влияние на поведение индивида [Электронный ресурс] / Э.Р. Кашапова, М.В. Рыжкова // Вестн. Томс. гос. ун-та. Экономика. – 2015. – № 2(30). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kognitivnyye-iskazheniya-i-ih-vliyanie-na-povedenie-individa>. – Дата доступа: 06.11.2021.
3. Шавкунова, И.С. Рациональность как характеристика процесса принятия решений: сравнительный анализ разнопарадигмальных подходов [Электронный ресурс] / И.С. Шавкунова // Изв. Байкал. гос. ун-та. – 2019. – Т. 29, № 2. – Режим доступа: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_38952989_20249917.pdf. – Дата доступа: 06.11.2021.
4. Любченко, В.С. Экономическое поведение: абстракция и реальность [Электронный ресурс] / В.С. Любченко, В.В. Алексеенко // Изв. высш. учеб. заведений. Сев.-Кавказ. регион. Общественные науки. – 2006. – № 6. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskoe-povedenie-abstraktsiya-i-realnost>. – Дата доступа: 06.11.2021.
5. Вяткин, А.П. Субъективная экономическая рациональность: теоретический экскурс [Электронный ресурс] / А.П. Вяткин // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Психология. – 2012. – Т. 1, № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-ekonomicheskaya-ratsionalnost-teoreticheskiy-ekskurs>. – Дата доступа: 06.11.2021.
6. Daniele, S. Economics and Psychology. The Framing of Decisions [Electronic resource] / S. Daniele // Economic Growth. – 2016. – Vol. 2, iss. 3. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/315837212_Economics_and_Psychology_The_Framing_of_Decisions. – Date of access: 06.11.2021.
7. Тамбовцев, В.Л. Экономическая теория неформальных институтов / В.Л. Тамбовцев. – М.: РГ – Пресс, 2014. – 174 с.
8. Benjamin, R.N. Straight Choices: The Psychology of Decision Making / R.N. Benjamin, D.A. Lagnado, D.R. Shanks. – New York: Psychology Press, 2007. – 252 p.
9. Frisch, D. Ambiguity and rationality / D. Frisch, J. Baron // Journal of Behavioral Decision Making. – 1988. – Vol. 1, № 3. – P. 149–157.
10. Kalenscher, T. Decision-Making and Neuroeconomics [Electronic resource] / T. Kalenscher // eLS. – 2014. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/229544703_Decision-Making_and_Neuroeconomics. – Date of access: 06.11.2021.
11. Cross-Cultural Study of Noblesse Oblige in Economic Decision-Making / F. Laurence [et al.] // Human Nature. – 2013. – Vol. 24, № 3. – P. 318–335.
12. Simon, H.A. Models of Bounded Rationality: Empirically Grounded Economic Reason / H.A. Simon. – Cambridge: The MIT Press, 1997. – 476 p.
13. Орлова, И.Ю. Рациональность как черта экономического поведения индивида [Электронный ресурс] / И.Ю. Орлова // Социально-политические науки. – 2014. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ratsionalnost-kak-cherta-ekonomicheskogo-povedeniya-individa>. – Дата доступа: 06.11.2021.
14. Simon, H.A. Bounded Rationality in Social Science: Today and Tomorrow / H.A. Simon // Mind & Society. – 2000. – Vol. 1, № 1. – P. 25–39.
15. Adaptive Rationality: An Evolutionary Perspective on Cognitive Bias [Electronic resource] / M. Haselton [et al.] // Social Cognition. – 2009. – Vol. 27, № 5. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/45314147_Adaptive_Rationality_An_Evolutionary_Perspective_on_Cognitive_Bias. – Date of access: 06.11.2021.
16. Korobkin, R. Bounded Rationality, Standard Form Contracts, and Unconscionability / R. Korobkin // The University of Chicago Law Review. – 2003. – Vol. 70, № 4. – P. 1203–1295.
17. Hertwig, R. Finding Foundations for Bounded and Adaptive Rationality / R. Hertwig, A.P. Pedersen // Minds and Machines. – 2016. – Vol. 26, iss. 1–2. – P. 1–8.
18. Weber, E.U. Mindful Judgment and Decision Making [Electronic resource] / E.U. Weber, E.J. Johnson // Annual Review of Psychology. – 2009. – Vol. 60, № 1. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/23264553_Mindful_Judgment_and_Decision_Making. – Date of access: 06.11.2021.
19. Breaban, A. Prudence, Emotional State, Personality, and Cognitive Ability [Electronic resource] / A. Breaban, G. van de Kuilen, C.N. Noussair // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 7. – Mode of access: https://www.researchgate.net/publication/309539898_Prudence_Emotional_State_Personality_and_Cognitive_Ability. – Date of access: 06.11.2021.
20. Viale, R. Routledge Handbook of Bounded Rationality / R. Viale. – New York: Taylor & Francis Group, 2021. – 664 p.

Поступила в редакцию 28.12.2021

К проблеме формирования информационной культуры личности как составляющей гражданского воспитания (на материале понимания студентами информации в разных видах коммуникации)

Медведская Е.И.¹, Турковская Е.В.², Турковский В.И.²

¹Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

²Учреждение образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова»

Общая проблема влияния интернет-информации на пользователей конкретизирована в настоящей статье как проблема особенностей восприятия и понимания молодыми людьми информации, которая тиражируется в современном цифровом формате (новостные интернет-порталы) и в традиционном непосредственном общении.

Цель работы – установление структуры и содержания категорий сознания, опосредующих понимание молодыми людьми информации о текущих событиях, получаемой из разных источников.

Материал и методы. В исследовании приняло участие 200 студентов, обучающихся на разных курсах и специальностях Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Основным инструментом изучения выступил семантический дифференциал, представленный 30 дескрипторами, характеризующими информацию. В итоге первичной обработки была выявлена специфика представлений студентов об информации, получаемой по разным каналам коммуникации. Вторичная обработка данных (факторный анализ) позволила построить модели категориальных структур сознания, опосредующих понимание молодыми людьми информации.

Результаты и их обсуждение. Сравнение характеристик информации о новостях, приписываемой молодыми людьми интернет-ресурсам, статистически достоверно выше для цифровых СМИ, чем для непосредственной коммуникации. В итоге моделирования категориальных структур, посредством которых в сознании студентов представлена информация из разных источников, существенных различий между ними не обнаружено.

Заключение. Выявленная когнитивная простота молодых людей в понимании информации независимо от вида коммуникации доказывает необходимость организации специальных условий для формирования способностей к ее самостоятельному и критическому анализу.

Ключевые слова: информация, понимание, новостные интернет-порталы, непосредственная коммуникация, сравнительный анализ.

To the Issue of Shaping Personality Information Culture as a Component of Civil Education (on the Material of Student Understanding Information in Different Communication Types)

Medvedskaya E.I.¹, Turkovskaya E.V.², Turkovski V.I.²

¹Education Establishment “Brest State A.S. Pushkin University”

²Education Establishment “Vitebsk State P.M. Masherov University”

The general problem of the impact of the Internet information on users is specified in the present paper as a problem of the features of perception and understanding by young people of information which is multiplied in the contemporary digital form (news Internet portals) and in the traditional communication.

The research purpose is identification of the structure and content of consciousness categories which determine the understanding by young people of information about current events that they obtain from different sources.

Material and methods. 200 students of different years and qualifications of Brest State University participated in the research. The main research tool was the semantic differential presented by 30 descriptors which characterize information. As a result of the primary processing, the specificity of student understanding of information obtained from various communication channels was found out. The secondary data processing (the factor analysis) made it possible to build models of categorial consciousness structures which determine young people understanding of information.

Findings and their discussion. The comparison of news information characteristics, which young people consider to come from the Internet resources, is statistically reliably higher for digital media than for the direct communication. As a result of modeling categorial structures, by means of which information from various sources is presented in student consciousness, no considerable differences between them were found out.

Conclusion. The cognitive simplicity of young men in understanding information which was found out proves, regardless of the type of communication, the necessity in establishing special conditions for shaping abilities of its independent and critical analysis.

Key words: information, understanding, news Internet portals, direct communication, comparative analysis.

Многообразие информационных источников является одной из существенных характеристик современного информационного общества. По сравнению с традиционными СМИ (газеты и телевидение) Интернет безусловно выигрывает по параметрам скорости обновления, разнообразию способов кодировки информации, степени активности реципиента как в выборе интересующего его контента, так и в потенциальной возможности демонстрации собственной точки зрения на происходящие события. Не удивительно, что ровесники интернет-технологий, представители поколения Z, отдают свои предпочтения именно ему. Однако очевидные преимущества Интернета имеют и ожидаемый недостаток в виде доступности информации абсолютно любого содержания. Поэтому фундаментальная проблема воздействия интернет-информации на пользователя все чаще попадает в поле внимания психологов и педагогов. В основном названная проблема представлена в двух группах исследований. Во-первых, это теоретико-эмпирическое изучение психологической безопасности интернет-информации для пользователей разных возрастов [1–3]. Во-вторых, это возможности деструктивно-пропагандистских манипуляций личностью [4–6], приводящие к реализации различных форм асоциального поведения (от девиантного до экстремистского).

Анализ показывает, что в решении указанных выше проблем акцент делается, как правило, на необходимости контроля соответствующего контента (как со стороны владельцев IT-ресурсов, так и со стороны специальных служб). Подобный контроль, безусловно, необходим. Но также и очевидно, что его возможности всегда будут ограничены, поскольку ужесточение внешнего контроля автоматически приводит к появлению новых форм и способов его обхода. И выйти из этого замкнутого круга реалистично посредством наличия у интернет-пользователя условно говоря «внутреннего контролера», предполагающего такой уровень личностной и интеллектуальной зрелости, который позволяет ему самостоятельно оценивать информацию и нести ответственность за решения, принятые на основе этой оценки.

Формирование такого «внутреннего контролера» достаточно длительно в силу объективных психовозрастных закономерностей развития. Наиболее сензитивным периодом в его становлении можно считать старший юношеский возраст, поскольку к этому времени у молодого человека имеется разнообразный багаж индивидуального жизненного опыта, сформированы мыслительные операции, позволяющие ему этот опыт анализировать, обобщать и структурировать, но при этом мировоззрение как целостная и непротиворечивая система взглядов на мир еще находится в процессе становления.

В существующих документах, регламентирующих содержание и формы воспитательной работы с обучающимися («Концепции непрерывного воспитания детей в учащейся молодежи на 2016–2020 гг.», утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 15.07.2015 № 82, «Программе непрерывного воспитания детей и учащейся молодежи на 2021–2025 гг.», утвержденной постановлением Министерства образования Республики Беларусь от 11.12.2020 № 312 и др.), формирование информационной культуры личности рассматривается как составляющая гражданского воспитания. На основе названных документов и теоретического анализа мирового опыта в рамках выполняемой НИР можно предложить определение информационной культуры личности как совокупности системы знаний и умений, гарантирующих безопасное информационное обеспечение жизнедеятельности в условиях цифрового общества. Информационная культура предполагает сочетание компетентности в сфере информационных технологий с просоциальным, ответственным и творческим подходом в их использовании. При указанном понимании информационной культуры содержание образовательной деятельности по ее формированию направлено на усвоение обучающимися систематизированных знаний об информационной безопасности; формирование поведения, предупреждающего риски от информационного воздействия для интеллектуального, психического, социального развития для его получателя; формирование умений применять передовые достижения в области информацион-

ных технологий, средств информатизации, создавать авторский информационный продукт. Следовательно, обучающиеся в учреждениях высшего образования, в которых фактически завершается процесс институциональной социализации личности, в соответствии с предлагаемой нормативно-теоретической моделью информационной культуры личности должны не только свободно владеть технологическими умениями и быть способными к созданию собственного информационного продукта высокого качества. У них также должен быть сформирован иммунитет против деструктивных информационно-психологических воздействий на индивидуальное и массовое сознание.

Поскольку молодые люди имеют преимущественно стихийный опыт освоения информационного пространства, во многом приобретаемый в горизонтальных связях с ровесниками, можно предполагать, что непроизвольно способности к критическому анализу потоков информации не складываются. Иначе говоря, они оказываются открытыми для информационного воздействия любого характера и направленности. Высказанная гипотеза опирается не только на жизненную фактологию. Теоретически она обосновывается принципиальной спонтанностью процесса социализации, в том числе и «цифровой социализации» [7].

Таким образом, увеличивающееся информационное многообразие современного мира определило выбор в качестве объекта эмпирического изучения понимания молодыми людьми информации о текущих событиях. Данная группа представляет особый интерес как первое поколение, социализированное в условиях цифровизации, поэтому анализ его особенностей позволит строить и прогнозы относительно следующих. Предметом исследования выступило понимание новостной информации, транслируемой в разных формах коммуникации: цифровой (новостные интернет-порталы) и традиционной (непосредственное общение с другими людьми). Выбор предмета обусловлен не только усиливающейся конкуренцией между разными коммуникативными формами и необходимостью получения научных данных о специфике воздействия интернет-информации. Он также продиктован предшествующими исследованиями авторов, в которых установлено, что интернет-порталы и окружающие люди являются теми информационными источниками, которые лидируют у молодых людей по частоте обращения к ним и по степени доверия к их содержанию [8].

Цель работы – установление структуры и поддержания категорий сознания, опосредующих понимание молодыми людьми информации о текущих событиях, получаемой из разных источников.

Материал и методы. В исследовании (добровольно и анонимно) принимало участие 200 студентов I–IV курсов различных факультетов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина. Возраст респондентов от 17 до 23 лет, среди них 133 девушки и 67 юношей. Сбор эмпирических данных осуществлялся на протяжении 2020 г.

В исследовании решались две задачи.

1. Анализ представлений студентов о характеристиках информации о новостях, транслируемых через интернет-порталы, и циркулирующей в неформальной коммуникации с окружающими людьми. Для решения названной задачи был использован авторский вариант методики семантического дифференциала, в котором дескрипторами выступали 30 характеристик информации, представленных в различных словарях. Шкалы являлись однополярными конструкциями, поскольку их использование «дает дополнительную “степень свободы” в проекции когнитивных структур испытуемых на экспериментальный материал, так как позволяет выделить субъективную синонимиию и антонимию описываемых признаков, не обязательно совпадающую с нормативно-языковой» [8, с. 206]. Чтобы избежать формирования у респондентов установки на определенные ответы, характеристики информации были заданы как позитивной, так и негативной валентности. По заданным однополярным шкалам студентам предлагалось оценить характеристики информации (по шкале от 1 – полностью отсутствует до 7 – выражена максимально) о текущих событиях. Обработка данных заключалась в построении усредненных для каждого источника информации профилей оценок и их последующем сравнении.

2. Реконструкция категорий сознания, опосредующих понимание молодыми людьми информации о новостных событиях, получаемых в разных видах коммуникации. Исходным эмпирическим материалом выступили данные семантического дифференциала, которые обрабатывались посредством факторного анализа [6, с. 91, 98, 191, 225]: центроидный метод с извлечением главных компонент, включающий подпрограмму поворота факторных структур varimax (программа SPSS v. 16). Образующими фактора послужили только те дескрипторы, нагрузка которых имела высокую степень статистической значимости (для 30 переменных $r = 0,36$ для $p \leq 0,05$ и $r = 0,47$ для $p \leq 0,01$). В соответствии с когнитивным подходом к изучению категоризации показателями простоты/сложности сознания респондентов в области понимания информации являются два критерия: количество категорий и их внутренняя организация (простая/однополярная или сложная/биполярная).

Результаты и их обсуждение. Итоги первичной обработки данных семантического дифференциала, заключающиеся в построении групповых усредненных профилей характеристик информации, получаемой в разных видах коммуникации, представлены в таблице 1.

Анализ данных таблицы 1 показывает, что фактически по всем параметрам интернет-информация о новостях оценивается выше, чем информация, поступающая в непосредственной коммуникации. Особенно велико преимущество этой информации как быстрой (1), структурированной (3) и обработанной (22). Сравнение профилей оценок информации о новостях из разных источ-

ников с помощью критерия Стьюдента доказало достоверность различий между ними: $t = 5,55$ при критическом $t = 2,75$ для $p \leq 0,01$.

Результаты факторизации двух исходных матриц данных (30 характеристик информации на 200 респондентов) показали, что категориальная структура информации из новостных интернет-порталов представлена в сознании студентов 10 категориями, значимыми по критерию Кайзера, а информации от других людей – 8 категориями. Но поскольку большая часть выявленных конструкторов имеют очень низкую субъективную значимость (описывая от 2 до 4% общей дисперсии факторов) и малый объем (по две шкалы),

Таблица 1 – Усредненные оценки информации из разных источников

№	Характеристика информации	Новостные интернет-порталы	Другие люди
1	Быстрая	6,28	4,89
2	Сложная	3,56	3,23
3	Структурированная	5,28	3,49
4	Аналитическая	4,62	3,58
5	Реальная	5,13	4,67
6	Квалифицированная	4,8	3,09
7	Исчерпывающая	4,81	4,14
8	Правдивая	5,01	4,58
9	Секретная	3,36	3,71
10	Краткая	4,72	4,15
11	Содержательная	5,32	4,33
12	Качественная	4,95	3,96
13	Нужная	5,6	4,75
14	Полная	5,29	4,06
15	Свежая (оперативная)	5,94	4,93
16	Противоречивая	4,65	4,48
17	Существенная	5,15	4,48
18	Скудная	3,44	3,46
19	Объективная	4,9	4,55
20	Побуждающая к выводам	5,55	4,90
21	Побуждающая к действиям	5,17	4,60
22	Обработанная	3,79	5,00
23	Описательная	5,32	5,13
24	Критическая	4,53	4,12
25	Точная	4,87	3,85
26	Проверенная	4,54	3,61
27	Негативная	4,52	4,08
28	Пустая	3,36	3,74
29	Надежная	4,72	3,85
30	Скандальная	5,11	4,14

то для дальнейшего обсуждения представляется целесообразным ограничиться теми из них, которые не случайны по своей валентности для студентов (т.е. имеют процент общей дисперсии, который превышает границу порога случайности).

Для удобства сравнительного анализа итоги моделирования отражены в таблице 2, в которой указаны категории с образующими их дескрипторами. Названия категорий даны в соответствии с универсальными координатами человеческого сознания: «Оценка», «Сила» и «Активность». Универсальность названных координат, впервые описанных Ч. Осгудом и его сотрудниками, была подтверждена в многочисленных экспериментальных работах, проводимых с представителями разных языковых культур, разного уровня образования и категорий психического здоровья [8; 9] и др. Универсальность этого глубинного кода категоризации действительности обусловлена универсальностью человеческих эмоций, точнее их сигнальной функцией, обеспечивающей адаптацию к окружающему миру. Более сложные, развитые формы категоризации возникают по мере знакомства с некоторой содержательной областью, т.е. по мере усвоения человеком системы обобщений-эталонов, принятых в определенной культуре. Это усложнение выражается как в увеличении числа категорий, так и в изменении принципа их организации уже не столько

по коннотативным (эмоциональным), сколько по денотативным (предметным) основаниям. Таким образом, знание предмета приводит к расщеплению универсальных категорий, что делает пространство более многомерным.

Первое, что обращает на себя внимание при анализе данных таблицы 2, – это простая, однополюсная внутренняя организация категорий, опосредующих понимание молодыми людьми информации в разных видах коммуникации и близость их содержания. Следует отметить, что и среди более слабых по субъективной значимости категорий, не представленных в таблице, также отсутствовали биполярные конструкты. Наиболее значимая по валентности категория «Позитивная оценка» имеет и самое объемное наполнение. В первую очередь оно включает в себя различные свойства информации, а именно: объективность (реальная, существенная и др.), достоверность (проверенная, надежная, точная, правдивая), полнота (полная, исчерпывающая). Иначе данный фактор можно было бы обозначить «Свойства информации».

Универсальной категории «Сила воздействия» соответствует взаимосвязь характеристик информации, отражающих ее мотивационно-регуляторную функцию. Большая сила воздействия приписывается молодыми людьми информации, поступающей из новостных веб-ресурсов (вторая категория), по сравнению с информацией, пере-

Таблица 2 – Категориальная структура понимания молодыми людьми информации из разных источников

Новостные интернет-порталы		Другие люди	
«Позитивная оценка» (27,05%)		«Позитивная оценка» (29,43%)	
реальная	0,795	проверенная	0,894
объективная	0,745	надежная	0,837
структурированная	0,735	точная	0,825
аналитическая	0,698	правдивая	0,759
существенная	0,664	полная	0,650
правдивая	0,625	реальная	0,582
надежная	0,606	существенная	0,573
точная	0,603	качественная	0,548
проверенная	0,565	объективная	0,533
качественная	0,532	описательная	0,483
содержательная	0,511	свежая (оперативная)	0,461
«Сила воздействия» (9,75%)		«Активность» (9,61%)	
побуждающая к действиям	0,792	быстрая	0,737
скандальная	0,773	содержательная	0,618
свежая (оперативная)	0,632	исчерпывающая	0,580
побуждающая к выводам	0,610	структурированная	0,536
«Активность» (6,93%)		«Сила воздействия» (5,75%)	
нужная	0,658	побуждающая к действиям	0,791
быстрая	0,655	побуждающая к выводам	0,697
полная	0,653	нужная	0,530

даваемой в непосредственной коммуникации (третья категория).

Универсальная категория «Активность» имеет варьируемое содержание для разных источников информации. Для информации, транслируемой в непосредственной коммуникации, выявленный конструкт скорее отражает активность не столько самого сообщения, сколько работу его создателя над содержанием и формой информации (содержательная, исчерпывающая, структурированная), а также определенные усилия по ее передаче (быстрая). В контексте обсуждаемой проблематики данную категорию можно было бы также конкретизировать как «Активность автора сообщения».

Заключение. Эмпирически установлено, что характеристики информации как качественной и вызывающей доверие значимо выше оцениваются молодыми людьми для материалов из новостных интернет-порталов, по сравнению с информацией, поступающей от других людей. Однако в итоге сравнительного анализа структуры и содержания категорий, опосредующих понимание студентами информации из разных источников, существенных различий между ними не выявлено. Совпадение содержания категорий, опосредующих понимание информации в разных видах коммуникации, и их простая внутренняя организация говорят о невысокой когнитивной сложности студентов в данной области.

Выявленная когнитивная простота молодых людей в области понимания информации доказывает, что при их погруженности в информационный поток, способности к его остановке для анализа и рефлексии фактически отсутствуют, что подтверждает выдвинутую гипотезу. Как и ожидалось, названные способности, которые являются ключевыми для «внутреннего цензора», не складываются произвольно, в той ежедневной и многочасовой практике взаимодействия с различными информационными потоками, которая сложилась в современной социокультурной ситуации. Иначе говоря, условия цифровой социализации не только не отменяют, но, напротив, обнаруживают необходимость рационально и оперативно организованной воспитательной работы, в том числе и со студентами.

В контексте обсуждаемой проблемы понимания информации о текущих событиях подобная воспитательная работа в первую очередь предполагает присутствие заинтересованного взрослого, который бы создавал «зону ближайшего раз-

вития», периодически останавливая для молодых людей информационный поток критическими вопросами: «Кто источник?», «Какие цели преследует?», «Какова позиция?», «В чем ее достоинства и недостатки?», «Как эта позиция соотносится с моей собственной?» и т.п. Постепенная выработка привычки ответов на подобные вопросы детерминирует, говоря психологическим языком, становление внутреннего критика и контролера, обеспечивающего иммунитет личности против деструктивных воздействий, а языком нормативных документов – высокий уровень информационной культуры личности.

Исследование проводится в рамках международного научного проекта БРФФИ-РФФИ «Концепция и стратегии гражданского образования детей и учащейся молодежи в контексте информационной безопасности» (договор с БРФФИ № Г20Р-271 от 04 мая 2020 г.).

Литература

1. Айсина, Р.М. Психологическая безопасность интернет-пользователей: анализ современных исследований / Р.М. Айсина // Вестн. Омс. ун-та. Сер. Психология. – 2019. – № 1. – С. 28–38.
2. Кириллов, И.П. Психологическая безопасность детей дошкольного возраста при работе с компьютером и интернет-средой / И.П. Кириллов, Д.А. Соловьева // Вестн. практ. психологии образования. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 80–84.
3. Чусавитина, Г.Н. Анализ современного состояния исследования проблемы формирования у студентов университета устойчивости к технологиям негативного информационно-психологического воздействия в сети интернет / Г.Н. Чусавитина, Л.З. Давлеткиреева, Т.В. Новикова // Современные наукоемкие технологии. – 2016. – № 11(2). – С. 397–400.
4. Горбунов, К.Г. Противодействие террористической пропаганде в Интернете / К.Г. Горбунов // Вестн. Омс. ун-та. Сер. Психология. – 2016. – № 2. – С. 23–35.
5. Криницкий, В.А. Политическая пропаганда экстремизма как средство манипулятивного воздействия на молодежь / В.А. Криницкий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 11. – С. 66–69.
6. Салихов, А.М. Манипуляция сознанием: как снизить риски экстремистских влияний на молодежь / А.М. Салихов, И.Л. Краснощеченко // Прикладная юридическая психология. – 2020. – № 2(51). – С. 15–23.
7. Солдатова, Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире / Г.У. Солдатова // Социальная психология и общество. – 2018. – № 9. – С. 71–80.
8. Medvedskaya, E. Print And Digital Media: Psychosemantic Analysis Of Students' Attitude To Information // E. Medvedskaya, V. Turkjusi // WOS "European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS". – 2021. – P. 258–265.
9. Петренко, В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.
10. Osgood, C.E. The measurement of meaning / C.E. Osgood, G. Suci, P. Tannenbaum. – Chicago and London: University of Illinois Press, 1957. – 342 p.

Поступила в редакцию 06.01.2022

Формы использования конструктивного потенциала средств информационных технологий в развитии личности подростка

Шевцов А.В.

Учреждение образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

В статье рассматривается возможность применения педагогами в образовательном процессе конструктивных средств информационных технологий, разработанных на базе семи авторских развивающих программ («Угадай мотив», «4 мышки», «Полет самолета», «Виртуальная комната», «Профессиональная персоналия», «Ответ профессора» и «Для чего нам нужен YouTube?»). Данные программы способствуют росту использования конструктивного потенциала средств информационных технологий у подростков, что необходимо для формирования навыков ответственного и осознанного их применения в будущей профессиональной деятельности.

Цель работы – определение практического потенциала использования конструктивных средств информационных технологий в условиях образовательного процесса при формировании гармонично развитой личности. Это необходимо для более осознанной, личностной и социально значимой профессиональной ориентации, в которой качественно раскрывается конструктивный потенциал применения средств информационных технологий.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе двух государственных учреждений образования – «Средняя школа № 16 г. Бреста» и «Средняя школа № 5 г. Бреста» – на протяжении 8-ми месяцев с октября 2020 года по май 2021 года. В нем приняли участие 140 испытуемых в возрасте от 12 до 14 лет.

Для реализации поставленной цели нами были использованы следующие методики: проективная методика («Незаконченные предложения» (Г.В. Лосик, А.В. Шевцов), блок «А» (потенциал информационных технологий прошлой деятельности, настоящей деятельности, будущей деятельности, общения), проективная методика («Незаконченные предложения» (Г.В. Лосик, А.В. Шевцов), блок «Б» (видеоэкскурсия, школьное образование, дистанционная коммуникация) и метод статистического анализа полученных данных (F-критерий Фишера).

Результаты и их обсуждение. Проанализированы полученные данные как количественно, так и качественно с подробными примерами ответов респондентов. Были определены уровни значимости информационных технологий во временной динамике и общении, а также в школьном образовании, видеоэкскурсиях и дистанционной коммуникации у респондентов, которые не применяли (контрольная выборка) и применяли (экспериментальная выборка) семь авторских развивающих программ в процессе проведения формирующего эксперимента. Имеется описание примеров ответов респондентов в различных аспектах значимости конструктивного потенциала средств информационных технологий. По полученным показателям в экспериментальной выборке доказывается эффективность использования развивающих программ в условиях образовательного процесса.

Заключение. У учащихся экспериментальной выборки, которые применяли семь развивающих программ, наблюдаются положительные изменения в повышении значимости средств информационных технологий во временной динамике, общении, а также в школьном образовании, видеоэкскурсиях и дистанционной коммуникации. В данном случае подчеркивается важность использования педагогами конструктивного потенциала средств информационных технологий для становления ответственного выбора будущей профессии учащихся. Все это может способствовать нравственному и альтруистическому развитию их личности в условиях возрастающей цифровизации.

Ключевые слова: образовательный процесс, информационные технологии, развивающие программы, конструктивный потенциал, подростки, профессиональная ориентация.

Forms of the Application of the Constructive Potential of Information Technologies in the Development of the Teenager Personality

Shevtsov A. V.

Education Establishment “Brest State A.S. Pushkin University”

The article discusses the possibility of using constructive information technology tools in the educational process by teachers, developed on the basis of seven author's developmental programs (“Guess the motive”, “4 mice”, “Airplane flight”, “Virtual room”, “Professional personality”, “Professor's answer” and “Why do we need YouTube?”). These programs contribute to the growth of the use of the constructive potential of information technology tools among adolescents. What is needed to develop the skills of a responsible and conscious attitude when choosing a future profession in the context of increasing digitalization.

The purpose of the work is to determine the practical potential of using constructive means of information technology in the conditions of the academic process while shaping harmoniously developed individual. This is necessary for a more conscious, personal and socially significant vocational guidance of students in the IT field.

Material and methods. The research was carried out at the bases of two state education establishments “Secondary School No. 16 of Brest” and “Secondary School No. 5 of Brest” for 8 months from October 2020 to May 2021. It involved 140 subjects aged 12 to 14.

To achieve this goal, we used the following techniques: the projective technique (unfinished sentences (G.V. Losik, A.V. Shevtsov), block “A” (potential of information technologies of past activities, present activities, future activities, communication), projective methodology (unfinished sentences (G.V. Losik, A.V. Shevtsov), block “B” (video tour, school education, distance communication) and the method of statistical analysis of the data obtained (Fisher’s F-criterion).

Findings and their discussion. The data obtained were analyzed both quantitatively and qualitatively with detailed examples of respondents’ answers. The levels of the significance of information technologies in temporal dynamics and communication, as well as in school education, video excursions and distance communication, were determined among respondents which did not use (the control sample) and used (the experimental sample) the author’s seven developmental programs in the process of conducting a formative experiment. There is a description of examples of respondents’ answers in various aspects of the significance of the constructive potential of information technology. According to the obtained indicators in the experimental sample, the effectiveness of the use of developmental programs in the conditions of the educational process is proved.

Conclusion. The students of the experimental sample who used seven developmental programs, exhibit certain differences in the decrease in the low and increase in the average level of the importance of information technology in temporal dynamics and communication, as well as in school education, video tours and distance communication. In this case, the emphasis is placed on the importance of teachers using the constructive potential of information technology tools for the formation of a responsible choice of the future profession by students in the IT field. All this can contribute to the moral and altruistic development of their personality in the context of increasing digitalization.

Key words: educational process, information technology, developmental programs, constructive potential, adolescents, career advising.

Именно сейчас, в начале XXI в., наблюдается сильный рост влияния цифрового пространства на все сферы жизнедеятельности людей благодаря появлению различных видов информационных технологий. И в данном случае они представлены техническими устройствами, предназначенными для сбора, обработки и представления информации. Им находится все большее применение в практических сферах деятельности разных профессий (медицинская, управленческая, космическая и т.д.). Вот именно здесь и возникают определенные проблемы. Во-первых, человек все больше начинает от них зависеть, а зачастую и вовсе не представляет без них своей повседневной жизни. Во-вторых, это может стать проблемой дефицита реального межличностного общения, что непосредственно скажется в дальнейшем на полноценном функционировании и гармоничном развитии личности.

Рассматривая подростковый возраст, который еще Стенли Холлом был обозначен как период «Бури и натиска», следует отметить, что именно в это время формируется чувство взрослости, а также происходит максимальная ориентация на сверстников. Поскольку данный возраст – относительно нестабильный период ввиду гормонального полового созревания и всей перестройки организма в целом, то имеет место быть сильная активность субъекта в его отношении к окружающему миру. Именно поэтому подрастающее поколение наиболее подвержено влиянию моды, тренда, приоритета, характерных для становления общества на определенном этапе его исторического периода [1]. И в данном случае вся цифровая социальная действительность и виртуальная реальность не являются каким-либо исключением, а скорее представляют для них большой интерес. Это объясняется тем, что в глобальной сети Интернет находится огромное количество ресурсов (игровые, коммуникативно-игровые, комму-

никативные и различные виды социальных сетей, досуговые). Однако эти ресурсы при неграмотном, нецелесообразном или мало осознанном использовании могут навредить определенным образом формирующейся психике подростка и его представлению о морально-нравственных ценностях и отношениях в разных ситуациях, тем самым вызывая нарушения в поведении (асоциальное, антисоциальное или аутодеструктивное) [2; 3].

В то же время возникает вопрос: а можно ли использовать разные виды и средства информационных технологий для развития личности подростка на примере профессиональной ориентации? В данном случае этот вопрос становится особенно актуальным вследствие ввода дистанционной формы обучения из-за проблемы распространения коронавирусной инфекции. Однако качество получения образования, исходя из собственной мотивации учащихся для получения знаний, остается спорным. И здесь нельзя не отметить, что существуют две противоположные друг другу концепции о влиянии всего цифрового пространства на развитие человека в подростковом возрасте. Так, А.Е. Войскунский, М.А. Селисская считают, что, благодаря использованию компьютера, также как и другой цифровой техники, для получения дополнительных данных или проведения определенного времени в компьютерной игре (моделировании реальных ситуаций), у ребенка (подростка) лучше формируется стиль мышления, характеризующийся последовательностью, логичностью, поливариативностью и алгоритмичностью в целом [4]. Другие авторы (В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов) придерживаются мнения о том, что влияние информационных технологий на личность приведет к зависимому поведению, деформации в установлении межличностного контакта, а также к искажению восприятия самого себя и всего окружающего мира [5; 6].

Следует отметить, что для гармоничного развития каждого социального субъекта во все

исторические периоды очень важным является взаимодействие с другими людьми. Известно, что без общества не может быть полноценной личности с ее уникальными, неповторимыми качествами, свойствами и ценностями. Особенно остро это проявляется в социализации подростков – наиболее активной аудитории цифрового пространства [7; 8]. В данном случае в статье представлены результаты применения семи авторских развивающих программ, которые являются средством для повышения использования учащимися конструктивного потенциала во временной динамике и определенных сферах жизнедеятельности. Это осуществляется посредством совместной деятельности между учащимися и с минимальным участием педагога. В то же время данные программы потенциально могут быть использованы педагогами для профессиональной ориентации учащихся общеобразовательных учреждений образования на профессии, связанные со сферой информационных технологий. При этом нельзя не отметить, что именно непосредственное общение подростков друг с другом при работе с техническими или цифровыми устройствами отражает реальные потребности будущего поколения в решении проблемы, а не только из собственного субъективного видения данного подростка [9]. Например: создание социально значимых цифровых (информационных) продуктов, облегчение жизнедеятельности для уязвимых слоев населения или содействие в совершенствовании при применении технических средств в области медицины, естественных наук.

Цель статьи – определение практического потенциала использования конструктивных средств информационных технологий в условиях образовательного процесса при формировании гармонично развитой личности. Это необходимо для более осознанной, личностной и социально значимой профессиональной ориентации, в которой качественно раскрывается конструктивный потенциал применения средств информационных технологий.

Материал и методы. Эмпирическое исследование было проведено на базе двух государственных учреждений образования – «Средняя школа № 16 г. Бреста» (контрольная выборка – 70 респондентов) и «Средняя школа № 5 г. Бреста» (экспериментальная выборка – 70 респондентов) – на протяжении 8-ми месяцев с октября 2020 года по май 2021 года. В данном исследовании приняли участие 140 испытуемых в возрасте от 12 до 14 лет.

Независимой переменной выступали две группы респондентов: применяющие (экспериментальная выборка) и не применяющие (контрольная выборка) наши конструктивные сред-

ства информационных технологий в условиях учебно-образовательного процесса. *Зависимой* переменной в этом эксперименте являлся уровень практического использования конструктивного потенциала информационных технологий на основе предложенных нами практических методик.

Для того, чтобы определить эффективность применения конструктивных средств информационных технологий (разработанные программы) с учащимися, нами на протяжении 8-ми месяцев был организован **формирующий эксперимент** с разными выборками учащихся (контрольной и экспериментальной). В выделенном помещении государственного учреждения образования «Средняя школа № 5 г. Бреста» (кабинет информатики) проводились занятия с учащимися экспериментальной выборки с периодичностью 1–2 раза в неделю. Нами использовался метод наблюдения за испытуемыми в процессе *формирующего эксперимента*.

В исследовании применялись 7 авторских развивающих программ, в том числе 4 из них на базе «ISTON» (В.С. Гладкая):

1) «Угадай мотив» (в программе «ISTON» учащиеся отгадывают суть действий друг друга при помощи определенного движения виртуального объекта);

2) «4 мышки» (синхронность движения объекта в одном направлении, благодаря согласованности действий друг друга в программе «ISTON» компьютерными мышками);

3) «Полет самолета» (направление объекта с определенными командами учащихся также в программе «ISTON»);

4) «Виртуальная комната» (описание виртуального помещения с использованием различных объектов программы «ISTON»);

5) «Профессиональная персоналия» (написание профиля знаменитой личности по научной схеме: введение, основная часть, заключение, где каждый учащийся пытается согласовать свою идею с идеей других с применением развивающих интернет-сервисов: «Wikipedia.org», «Studopedia.ru» и др.);

6) «Ответ профессора» (решение учебных задач с разделением ролей между учащимися для грамотного ответа по математике, физике и т.д. с применением социальных сетей: «Viber», «WhatsApp», «Instagram»);

7) «Для чего нам нужен YouTube?» (анализ различных ситуаций на канале «YouTube.com» для моделирования собственного «видеоконтента» для каждой группы, а остальные должны угадывать, что именно показано).

В данных программах обязательно должны быть совместная деятельность, подлинный сцена-

рий для учащихся (без влияния или с минимальным участием педагога), смена ролей («автор идеи», «менеджер», «исполнитель», «критик») для каждого учащегося и авторитетность разработчиков представленных программ [10].

В исследовании нами были использованы следующие методики (психодиагностический инструментарий):

1. Проективная методика «Незаконченные предложения» (Г.В. Лосик, А.В. Шевцов), блок «А» (потенциал информационных технологий прошлой деятельности, настоящей деятельности, будущей деятельности, общения). Данная методика позволяет выявить уровень применения (высокий, средний, низкий) информационных технологий для более ответственного и осознанного использования средств информационных технологий в собственной жизнедеятельности у подростков. В данном случае нами выбран метод контент-анализа при обработке полученных ответов респондентов.

2. Проективная методика «Незаконченные предложения» (Г.В. Лосик, А.В. Шевцов), блок «Б» (видеоэкскурсия, школьное образование, дистанционная коммуникация). Данная методика позволяет выявить потенциал применения информационных технологий для получения образования, видеоэкскурсий, удаленного общения и коммуникации (высокий, средний, низкий) у подростков. В данном случае нами выбран метод контент-анализа при обработке полученных ответов респондентов.

Результаты и их обсуждение. Согласно первому этапу эксперимента по методике «Незаконченные предложения» (Г.В. Лосик, А.В. Шевцов) (блок «А») результаты прошлой деятельности, заключающейся в анализе совершен-

ных действий в цифровой среде, на основе их значимости в отношении собственной личности и окружающей действительности, обеих групп испытуемых представлены в таблице 1.

Следует отметить, что существенное снижение низкого уровня использования конструктивного потенциала информационных технологий в прошлой деятельности произошло именно в экспериментальной выборке подростков – на 20%, в сравнении с контрольной выборкой, в которой данный показатель уменьшился на 4,3%.

Примером описания **высокого уровня** в прошлой деятельности выступает следующий: «Для детей компьютерные игры казались возможностью проигрывания многих ситуаций, чтобы в реальности не наделать ошибок и **поступать по возможности правильно**». В данном случае продемонстрировано конструктивное применение информационных технологий. Благодаря этому происходит определенное моделирование различных ситуаций с позиции нравственной оценки и отношения собственной личности с ее свободой выбора перед собой и другими людьми, а также пониманием ответственности перед ними. **Средний уровень:** «Для детей компьютерные игры казались способом **развития себя в чем-то полезном, например в спорте**». Описанная ситуация свидетельствует о возможности реализации себя в различных сферах и областях жизнедеятельности, а также сохранении эмоционального благополучия. Для **низкого уровня** характерно следующее: «Для детей компьютерные игры казались **лучшим развлечением, особенно когда тебе скучно**». В данном случае отсутствует мотивация подростков для лучшего понима-

Таблица 1 – Уровни определения потенциала информационных технологий в прошлой деятельности

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	60%	55,7%
	Средний	38,6%	40%
	Высокий	1,4%	4,3%
Статистические различия (F-критерий)		$F^*_{эмп} = 0,521$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	54,3%	34,3%
	Средний	30%	47,1%
	Высокий	15,7%	18,6%
Статистические различия (F-критерий)		$F^*_{эмп} = 2,396$ (зона значимости)	

ния окружающего мира и других людей, а также реализации собственного потенциала в отличие от исключительно гедонистического субъективного интереса индивида.

Касательно настоящей деятельности следует отметить, что она показывает ценность и значимость применения различных средств информационных технологий в формате «здесь и сейчас», что определяет актуальность в решении различных задач, исходя из индивидуально-психологических особенностей субъекта. Результаты исследования двух выборок показаны в таблице 2.

Таким образом, сильнее всего снизился низкий уровень потенциала средств информационных технологий в настоящей деятельности в экспериментальной выборке (15,7%), в сравнении с контрольной группой подростков (1,5%).

Примером описания **высокого уровня** в настоящей деятельности выступает следующий: «Оценивая трудную и сложную ситуацию, подросток может использовать информационные технологии для предотвращения подобных ситуаций в жизни, зная свои ошибки и проступки». В данном случае у подростка хорошо выражена способность к осознанному и ответственному поведению, в котором центральной составляющей является внутренний нравственный образ собственной личности, а также его устойчивость и стабильность в отношении множества факторов. **Средний уровень:** «Оценивая трудную и сложную ситуацию, подросток может использовать информационные технологии для подходящего поиска выхода из нее». Описанная ситуация свидетельствует о нахождении определенного выбора решения, которое используется для нейтра-

лизации проблемы подростка, возникшей в конкретной сфере жизнедеятельности. Для **низкого уровня** характерно следующее: «Оценивая трудную и сложную ситуацию, подросток может использовать информационные технологии для ее лучшего **игнорирования**». В данном случае наиболее выражен тип уклоняющегося поведения, который характерен для подростков, стремящихся любыми средствами и способами удовлетворять собственные потребности и интересы, а также быть ориентированными исключительно на самих себя, вне зависимости от различных сложившихся обстоятельств.

Будущая деятельность использования средств информационных технологий подростками показывает перспективность в дальнейшем формировании их личности, исходя из динамики растущей цифровизации в обществе. Сравнение двух групп респондентов представлены в таблице 3.

На основе полученных результатов исследования отмечается заметное снижение низкого уровня использования конструктивного потенциала информационных технологий в будущей деятельности в экспериментальной выборке подростков (14,2%), в то время как в контрольной группе он снизился на 4,3%.

Примером описания **высокого уровня** в будущей деятельности выступает следующий: «В дальнейшей жизни человека компьютер и информационные технологии помогут ему стать лучше, научат **помогать** своей семье и другим людям». В данном случае у подростка ярко выражена альтруистическая направленность его личности, а также способность к принятию и лучшему пониманию других людей, вне зависимости

Таблица 2 – Уровни определения потенциала информационных технологий в настоящей деятельности

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	38,6%	37,1%
	Средний	48,6%	44,3%
	Высокий	12,8%	18,6%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{ЭМП} = 0,183$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	35,7%	20%
	Средний	41,4%	48,6%
	Высокий	22,9%	31,4%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{ЭМП} = 2,088$ (зона неопределенности)	

от специфики их внутреннего мира, потребностей, интересов и ценностей. **Средний уровень:** «В дальнейшей жизни человека компьютер и информационные технологии будут способствовать поиску лучшего решения». Описанная ситуация свидетельствует о возможности нахождения различных способов решения проблем или сложных ситуаций, однако помощь или поддержка других людей являются второстепенными по отношению к поиску и сохранению собственного эмоционального благополучия личности субъекта. Для **низкого уровня** характерно следующее: «В дальнейшей жизни человека компьютер и информационные технологии заменят практически все, что можно». В данном

случае присутствует исключительное утилитарное или гедонистическое понимание применения конструктивного потенциала информационных технологий в дальнейшем будущем субъекта.

Процесс общения показывает значимость понимания другого человека, а не только получения разной информации или сведений. Именно поэтому важно подчеркнуть, что средства для дистанционного контакта являются дополнительными источниками связи между людьми, а не заменой реального «живого» общения. Результаты двух выборок показаны в таблице 4.

Таким образом, сильнее всего снизился низкий уровень потенциала средств информации

Таблица 3 – Уровни определения потенциала информационных технологий в будущей деятельности

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	45,7%	41,4%
	Средний	38,6%	38,6%
	Высокий	15,7%	20%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 0,515$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	37,1%	22,9%
	Средний	44,3%	47,1%
	Высокий	18,6%	30%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 1,846$ (зона неопределенности)	

Таблица 4 – Уровни определения потенциала информационных технологий в процессе общения

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	38,6%	37,1%
	Средний	48,6%	45,8%
	Высокий	12,8%	17,1%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 0,183$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	31,4%	15,7%
	Средний	35,7%	44,3%
	Высокий	32,9%	40%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 2,219$ (зона неопределенности)	

онных технологий в процессе общения в экспериментальной выборке (15,7%), при сравнении с контрольной (1,5%).

Примером описания **высокого уровня** в общении выступает следующий: «Общаясь в виртуальном пространстве с другими молодыми людьми, нужно знать правила этикета, быть очень аккуратным, нести **ответственность за то, что ты пишешь** или говоришь». В данном случае проявляется важность понимания других людей вне зависимости от способа и средства осуществления общения в целом, при этом в достаточной степени присутствуют требования грамотного ведения диалога по отношению к самому себе. **Средний уровень:** «Общаясь в виртуальном пространстве с другими молодыми людьми, нужно **хорошо знать человека “вживую”**, чтобы ему можно было доверять». Описанная ситуация свидетельствует о том, что имеется необходимость в познании личности другого субъекта для установления доверительного отношения, а затем дистанционной коммуникации в дальнейшем. Для **низкого уровня** характерно следующее: «Общаясь в виртуальном пространстве с другими молодыми людьми, нужно **знать меру**, но не более». В данном случае отсутствует потребность в лучшем понимании собственной личностной ответственности, необходимой для конструктивного и продуктивного ведения диалога, познании интересов и потребностей другого собеседника в угоду удовлетворения исключительно собственных гедонистических или утилитарных потребностей субъекта.

2. Согласно второму этапу эксперимента по методике «Незаконченные предложения»

(Г.В. Лосик, А.В. Шевцов) (блок «Б») результаты использования положительного потенциала средств информационных технологий для получения образования обеих групп испытуемых представлены в таблице 5.

На основе полученных данных существенное снижение низкого уровня образования произошло в экспериментальной выборке подростков на 18,6%, в то время как в контрольной этот показатель уменьшился на 4,3%.

Примером **высокого уровня** значимости информационных технологий в образовании у подростков является ситуация: «**Дополнительный учебный материал в Интернете помогает мне найти любую интересующую тему, тем самым давая возможность **подготовить классный учебный проект по любому предмету****». В данном случае присутствует внутренняя мотивация учащегося к осознанному и целенаправленному поиску дополнительной информации, которая представляет для него определенную познавательную ценность и значимость. **Средний уровень:** «**Дополнительный учебный материал в Интернете очень **полезен для написания реферата** и выступления на уроке**». Описанная ситуация свидетельствует о том, что имеется определенная потребность в поиске данных для конкретных поставленных перед учащимся задач в условиях образовательного процесса. Для **низкого уровня** характерна следующая ситуация: «**Дополнительный учебный материал в Интернете можно использовать вместо готового ответа для **быстрого выполнения домашнего задания****». В данном случае использование различных информационных ресурсов применяется в виде быстрого решения или подсказки, а не для решения учебной цели или получения

Таблица 5 – Применение информационных технологий в образовании

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	44,3%	40%
	Средний	44,3%	45,7%
	Высокий	11,4%	14,3%
Статистические различия (F-критерий)		$F^*_{эмп} = 0,515$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	42,9%	24,3%
	Средний	47,1%	60%
	Высокий	10%	15,7%
Статистические различия (F-критерий)		$F^*_{эмп} = 2,355$ (зона значимости)	

важной познавательной информации для самого подростка.

Благодаря видеозаписям человек имеет большие возможности для изучения разных стран мира, менталитета, культуры, климатических и природных условий, что расширяет его кругозор, оказывает определенное влияние на систему отношений, содержит в себе потенциал формирования патриотизма и любви к Родине путем их сравнения и осознания зрелости собственной личности, ее роли в окружающем ее мире. Результаты сравнения двух выборок испытуемых показаны в таблице 6.

Таким образом, выраженное снижение низкого уровня использования видеозаписей на 15,7% произошло в экспериментальной выборке. В контрольной выборке подростков данный показатель уменьшился на 5,7%.

Примером **высокого уровня** значимости видеозаписей с помощью использования информационных технологий у подростков и юношей является ситуация: «Благодаря видеозаписям **можно узнать очень много** о разных странах, особенностях климата и жизни людей для того, чтобы **сравнивать одну страну с другой и не только**». В данном случае проявляется подлинный интерес субъекта к особенностям мира культуры других людей, их взаимоотношениям и ценностям их личности при помощи сравнения различных стран друг с другом в разных аспектах, благодаря чему можно в большей степени их понять и должным образом к ним относиться. **Средний уровень:** «Благодаря видеозаписям можно **“побывать” в любой точке земного шара**. Для меня это интересно и занимательно». Описанная ситуация свидетельствует

Таблица 6 – Применение информационных технологий в видеозаписях

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	44,3%	38,6%
	Средний	47,1%	48,6%
	Высокий	8,6%	12,8%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 0,686$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	40%	24,3%
	Средний	47,1%	51,4%
	Высокий	12,9%	24,3%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 2,006$ (зона неопределенности)	

Таблица 7 – Применение информационных технологий в процессе коммуникации

Группы испытуемых	Уровень	Этапы тестирования	
		«Средняя школа № 16 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 16 г. Бреста» (второй этап тестирования)
Контрольная выборка	Низкий	40%	38,6%
	Средний	48,6%	44,3%
	Высокий	11,4%	17,1%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 0,172$ (зона незначимости)	
Экспериментальная выборка	Уровень	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (первый этап тестирования)	«Средняя школа № 5 г. Бреста» (второй этап тестирования)
	Низкий	32,9%	17,1%
	Средний	44,3%	52,9%
	Высокий	22,8%	30%
Статистические различия (F-критерий)		$\varphi^*_{эмп} = 2,183$ (зона неопределенности)	

о том, что проявляется определенная заинтересованность подростка к изучению действительности в разных странах, однако исследование культуры людей является второстепенным по отношению к собственным интересам. Для **низкого уровня** характерно следующее: «*Благодаря видеозаписям можно выбрать лучшее место отдыха*». В данном случае проявляется потребность в удовлетворении исключительно собственных интересов (комфорт, материальная составляющая и др.), вне зависимости от отношения к людям разных национальностей, религии или специфики климата, культуры определенной страны.

Процесс коммуникации облегчает возможность передачи информации, сообщения или оказания помощи другим, если затруднен непосредственный контакт. Результаты сравнения двух групп респондентов представлены в таблице 7.

На основе полученных результатов исследования заметное снижение низкого уровня использования удаленного общения для конструктивной коммуникации произошло в экспериментальной выборке (15,8%), если сравнивать ее с контрольной выборкой подростков (1,4%).

Примером **высокого уровня** важности удаленного общения у учащихся является ситуация: «*В социальных сетях я обычно обсуждаю, как решить лучше домашнее задание и предложить, если необходимо, свою помощь*». В данном случае отмечается готовность к оказанию помощи и поддержке другим людям, а также важность сохранения нравственного облика самого себя, вне зависимости от способа осуществления коммуникации. **Средний уровень:** «*В социальных сетях я обычно обсуждаю то, что меня интересует с лучшими друзьями, так проще, чтобы никого особо не нагружать*». Описанная ситуация свидетельствует о том, что имеется возможность выбора альтернативного общения, если реальное невозможно или значительно затруднено, которое будет являться наиболее удобной формой для всех участвующих в коммуникации. Для **низкого уровня** характерно следующее: «*В социальных сетях я обычно обсуждаю все подряд, лишь бы себя хоть чем-то занять*». В данном случае отсутствует какая-либо цель удаленной коммуникации и в то же время является своеобразным препятствием для полноценного развития личности подростка.

Заключение. Полученные результаты эмпирического исследования представляют собой определенную практическую значимость для создания необходимой программы работы педагогов с учащимися, которые имеют разный уровень ис-

пользования конструктивного потенциала информационных технологий. В данном случае изменения произошли во временной динамике личности подростков, тем самым способствовали развитию качества ответственности при работе с различными средствами информационных технологий, а также повышению значимости школьного образования, виртуального исследования разных мест (видеозаписи) и дистанционной коммуникации. Именно благодаря раскрытию конструктивного потенциала средств информационных технологий создаются благоприятные условия для того, чтобы профессиональная ориентация при эффективном, осознанном и целенаправленном использовании способствовала формированию альтруистического поведения, а также ответственного отношения к развитию положительных качеств самосознания у представителей подрастающего поколения в современных реалиях.

Литература

1. Гришина, Н.В. Экзистенциальные вызовы транзитивного общества / Н.В. Гришина // Психология субкультуры: феноменология и современные тенденции развития: материалы междунар. конф., Москва, 22–23 апр. 2019 г. / под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой. – М., 2019. – С. 9–14.
2. Асмолов, А.Г. От мы-медиа к я-медиа: трансформации идентичности в виртуальном мире / А.Г. Асмолов, Г.А. Асмолов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14, Психология. – 2010. – № 1. – С. 3–21.
3. Chaparro, M.P. Parent and adolescent intentions to disclose and links to positive social behavior / M.P. Chaparro, J.E. Grusec // J. of Family Psychology. – 2015. – Vol. 29, iss. 1. – P. 49–58.
4. Войскунский, А.Е. Система реальностей: психология и технология / А.Е. Войскунский, М.А. Селисская // Вопросы философии. – 2005. – № 11. – С. 119–130.
5. Емелин, В.А. Мобильная связь: факторы и механизмы воздействия на человека / В.А. Емелин, Е.И. Рассказова, А.Ш. Тхостов // Credo New. – 2013. – № 1. – С. 10.
6. Емелин, В.А. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека / В.А. Емелин, А.Ш. Тхостов // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 84–90.
7. Аянян, А.Н. Реальная и виртуальная идентичность современных подростков и юношей / А.Н. Аянян // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме: монография / А.Е. Войскунский [и др.]; под ред. Т.Д. Марцинковской, В.Р. Орестовой, О.В. Гавриченко. – М.: РГГУ, 2019. – С. 80–85.
8. Марцинковская, Т.Д. Информационное пространство как фактор социализации современных подростков / Т.Д. Марцинковская // Мир психологии. – 2010. – № 3. – С. 90–102.
9. Охрименко, А.А. Профессиональная ориентация школьников в сфере информационных технологий / А.А. Охрименко, А.А. Косак // Профессиональная ориентация и самоопределение учащихся: теория, практика, инновации: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., Минск, 28 апр. 2017 г. / редкол.: С.В. Ситникова [и др.]; Мин. обл. ин-т развития образования. – Минск, 2017. – С. 12–13.
10. Лосик, Г.В. Компьютерные технологии в обучении профессиям типа человек-человек: за и против / Г.В. Лосик, А.В. Шевцов // Проф. образование. – 2021. – № 2. – С. 55–60.

Поступила в редакцию 20.12.2021

Клиническая ролевая игра как способ исследования эмоциональной реактивности

Лапанов П.С.

Учреждение образования «Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

Исходя из биопсихосоциальной парадигмы, нарушение эмоциональной сферы является звеном патогенеза многочисленных психических и соматических заболеваний, а также лежит в основе нарушений поведения здорового человека.

Цель работы – изучение эмоциональной реактивности, проявляющейся в виде интенсивности эмоционального ответа, полученного в ходе клинической ролевой игры.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе кардиологического отделения Речицкой центральной районной больницы (г. Речица Гомельской обл.). На 105 пациентах изучено влияние психологических факторов на эмоциональную реактивность. Испытуемые были разделены на три примерно равные группы, в которых оценивалось влияние психологических факторов на эмоциональную реактивность. Психоэмоциональное возбуждение вызывалось в ходе клинической ролевой игры – психоэмоциональной пробы. Для психологического исследования использовался ряд методик: опросник «Индекс жизненного стиля» в адаптации Л.И. Вассермана; шкала реактивной тревожности Ч.Д. Спилбергера в модификации Ю.Л. Ханина; шкала депрессии М. Гамильтона; тест нервно-психической адаптации И.Н. Гурвич; опросник «ЭМИн» Д.В. Люсина; методика «Существенные признаки» С.Я. Рубинштейн; опросник «Торонтская шкала алекситимии-20», русский вариант.

Результаты и их обсуждение. Существует конфигурация психологических защит, которая способствует развитию тревожно-депрессивных расстройств. Высокая напряженность защит «Проекция» и «Замещение» характеризуется усилением экспрессии страха, а напряженность защиты «Вытеснение» – усилением экспрессии печали. Повышенный уровень тревожности, наличие признаков депрессии и нервно-психической дезадаптации способствуют усилению эмоциональной реактивности: наблюдается рост экспрессии эмоций модальностей «страх», «печаль», «гнев» и средней эмоциональной реактивности. Низкий уровень эмоционального интеллекта, абстрактного мышления и наличие признаков алекситимии способствуют усилению эмоциональной реактивности эмоций модальностей «страх», «печаль», «радость» и средней эмоциональной реактивности.

Заключение. Воспроизведение эмоционально значимых ситуаций в клинической ролевой игре позволяет исследовать эмоциональную реактивность в эксперименте и в клинической практике.

Ключевые слова: эмоциональная реактивность, клиническая ролевая игра, механизмы психологических защит, тревожность, депрессия, алекситимия, эмоциональный интеллект.

Clinical Role Play as a Way to Explore Emotional Reactivity

Lapanov P.S.

Education Establishment “Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University”

Based on the biopsychosocial paradigm, the violation of the emotional sphere is a link in the pathogenesis of numerous mental and somatic diseases; it also underlies the behavior disorders of a healthy person.

The aim of this work is to study emotional reactivity, which manifests itself in the form of the intensity of the emotional response obtained in the course of a clinical role-playing game.

Material and methods. The influence of psychological factors on emotional reactivity was studied on 105 subjects. The subjects were divided into three roughly equal groups, in which the influence of psychological factors on emotional reactivity was assessed. Psychoemotional arousal was evoked in the course of a clinical role-playing game – a psychoemotional test. A number of methods were used for the psychological research: the “Life Style Index” questionnaire adapted by L.I. Vasserman; the scale of reactive anxiety by Ch.D. Spielberger as modified by Yu.L. Khanin; the scale of depression by M. Hamilton; test of neuropsychic adaptation by I.N. Gurvich; Emin D.V. questionnaire by D.V. Lyusin; method “Essential signs” by S.Ya. Rubinshtein; questionnaire “Toronto scale of alexithymia-20”, the Russian version.

Findings and its discussion. There is a configuration of psychological defenses that contributes to the development of anxiety-depressive disorders. The high intensity of the defenses “Projection” and “Substitution” is characterized by an increase in the expression of fear, and the intensity of the defense “Repression” is characterized by an increase in the expression of sadness. An increased level of anxiety, the presence of signs of depression and neuropsychic maladjustment contribute to an increase in emotional reactivity: there is an increase in the expression of emotions of the modalities “fear”, “sadness”, “anger” and average emotional reactivity. A low level of emotional intelligence, abstract thinking and the presence of signs of alexithymia enhance the emotional reactivity of the emotions of the modalities “fear”, “sadness”, “joy” and moderate emotional reactivity.

Conclusion. Replaying emotionally significant situations in a clinical role-playing game makes it possible to explore emotional reactivity in experiment and in clinical practice.

Key words: emotional reactivity, clinical role play, mechanisms of psychological defense, anxiety, depression, alexithymia, emotional intelligence.

Эмоциональная реактивность (ЭР) – устойчивая характеристика эмоциональной сферы индивида, проявляющаяся в высокой эмоциональной чувствительности и низкой эмоциональной выносливости [1]. В своих нормальных проявлениях ЭР отражает особенности темперамента человека, а в болезненных состояниях проявляется эмоциональной лабильностью, эксплозивностью, слабодушием или, наоборот, ригидностью [2]. Исходя из биопсихосоциальной парадигмы, нарушение эмоциональной сферы является звеном патогенеза многочисленных психических и соматических заболеваний, а также лежит в основе нарушений поведения здорового человека. В данной работе была сделана попытка исследования ЭР в эксперименте с помощью клинической ролевой игры. Помимо разработки и клинической апробации самого метода вызова модально-специфичных эмоций, была проведена оценка взаимного влияния ЭР и основных психических функций, отражающих состояние когнитивно-эмоциональной сферы психики человека.

Цель работы – изучение эмоциональной реактивности, проявляющейся в виде интенсивности эмоционального ответа, полученного в ходе клинической ролевой игры.

Материал и методы. Исследование проводилось на базе кардиологического отделения Речицкой центральной районной больницы (г. Речица Гомельской обл.). Всего было обследовано 105 пациентов. Путем линейной рандомизации, выполнения критериев включения и исключения и информированного письменного согласия формировался пул испытуемых. Рандомизация позволила снизить системную ошибку исследования и увеличила однородность сравниваемых групп.

Испытуемые были разделены на три примерно равные группы, в которых оценивалось влияние психологических факторов на эмоциональную реактивность. В первой группе изучено влияние характерологических факторов, выраженных в напряженности МПЗ; во второй – аффективных и невротических факторов; в третьей – зависимость эмоциональной реактивности от развитости когнитивно-эмоциональной сферы человека.

Психоэмоциональное возбуждение вызывалось в ходе клинической ролевой игры – психоэмоциональной пробы. Сущность методики заключается в воспроизведении в ходе клинической ролевой игры эмоционально значимой для пациента ситуации, которую он пережил в прошлом или которая могла произойти с ним в принципе. Игра протекает в виде монодрамы, где пациент является протагонистом, а врач исполняет роль человека, вызвавшего у протагониста эмоциональную

реакцию. Вся проба занимает около 10 минут. На стадии разогрева происходит подбор ключевой темы для игры, уточнение обстоятельств, места, времени, окружения. Пациент описывает особенности человека, который вызвал у него эмоциональный ответ (разозлил, встревожил, расстроил или, наоборот, обрадовал). Стадия действия протекает в виде диалога, в котором участники игры воспроизводят выбранную ситуацию, как будто она происходит здесь и сейчас. Достижение психоэмоционального возбуждения фиксируется по изменению мимики пациента, высоты и тональности голоса, вегетативным проявлениям, активной жестикуляции. В этот момент игра останавливается, пациент успокаивается, с ним проводятся необходимые замеры. Научная новизна предложенного метода подтверждается патентом [3], практическая значимость – инструкцией по применению, утвержденной Министерством здравоохранения Республики Беларусь [4], и медицинской технологией, утвержденной ученым советом ФГБУ «НИИ психического здоровья», г. Томск Российской Федерации, протокол № 3 от 27.03.2015 г. [5].

Для психологического исследования использовался ряд методик: опросник «Индекс жизненного стиля» в адаптации Л.И. Вассермана; шкала реактивной тревожности Ч.Д. Спилберга в модификации Ю.Л. Ханина; шкала депрессии М. Гамильтона; тест нервно-психической адаптации И.Н. Гурвич; опросник «ЭмИн» Д.В. Люсина; методика «Существенные признаки» С.Я. Рубинштейн; опросник «Торонтская шкала алекситимии-20», русский вариант. Большинство методик входит в Перечень методик оказания психологической помощи, рекомендованных Министерством здравоохранения Республики Беларусь, все методики широко распространены в научных исследованиях как у нас в стране, так и за рубежом, что позволяет корректно сравнивать полученные результаты.

Сравнение проводилось в двух группах. В основную группу (ОГ) подбирались пациенты, эмоциональная реакция которых составила пороговую и выше, в контрольную группу (КГ) – пациенты, эмоциональная реакция которых не достигла порога. Последовательно рассматривались пороги деления от 1 до 10 баллов для эмоциональных реакций модальностей «гнев», «страх», «печаль», «радость» и средней эмоциональной реактивности, рассчитанной как среднее значение интенсивности эмоций четырех модальностей.

Психологические признаки в группах сравнивались с помощью U-критерия, анализа сопряженных таблиц и ROC-анализа. Статистическая значимость результатов оценивалась с помощью непараметрических методов (таблиц сопряженности, U-теста, ROC-анализа) и дисперсионного

анализа. В большинстве случаев уровень значимости альфа принимался равным 0,05.

Исследование проводилось в соответствии с темой научно-исследовательской работы учреждения образования «Гомельский государственный медицинский университет» «Психосоматические взаимоотношения при артериальной гипертензии у людей среднего возраста (клиническая структура, динамика, реабилитация и профилактика)», государственная регистрация № 20131867 от 21.08.2013 г. Исследование алекситимии дополнительно проводилось в рамках международного проекта «Алекситимия как фактор риска развития аддиктивного поведения молодежи в Республике Беларусь и России», Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований – Российский гуманитарный научный фонд, № госрегистрации – 20162924, договор Г16Р-005 от «29» апреля 2016 г.

Программа исследования была рассмотрена и одобрена к проведению Комиссией по этике Речицкой центральной районной больницы, протокол № 13 от 05.05.2014 г.

Результаты и их обсуждение. Влияние напряженности МПЗ на эмоциональную реактивность оценивалось путем сравнения степени выраженности психологических признаков в группах,

давших в ходе клинической ролевой игры эмоциональную реакцию различной интенсивности. Сравнивались сырые баллы шкал напряженности МПЗ, которые отражены в таблице 1. Для облегчения восприятия материала в таблице представлены только статистически значимые результаты.

Повышенная напряженность МПЗ «Проекция» и «Замещение» ассоциирована с сильной эмоциональной реакцией страха и слабой эмоциональной реакцией радости. Данная характерологическая конфигурация способствует развитию тревожности. Напряженность МПЗ «Вытеснение» ассоциирована с сильной эмоциональной реакцией печали. Низкие значения напряженности МПЗ «Регрессия» и «Проекция» ассоциированы с пониженной средней эмоциональной реактивностью.

Дальнейшее исследование было направлено на выявление влияния признаков тревожности, депрессии, нервно-психической адаптации на эмоциональную реактивность. Для этого сравнивалась степень выраженности психологических признаков в группах, давших в ходе клинической ролевой игры эмоциональную реакцию различной интенсивности. Сравнение проводилось в двух группах по вышеописанному принципу. В таблице 2 представлен результат сравнения групп по уровню ситуационной тревожности.

Таблица 1 – Статистика напряженности механизмов психологических защит в группах сравнения в зависимости от силы и модальности эмоции

Модальность эмоции	Сила эмоции	МПЗ	ОГ, n=9		КГ, n=27		p	AUC ROC
			М	СР	М	СР		
Страх	7	Проекция	10	221,0	8	445,0	0,049	0,724
Страх	7	Замещение	5	223,5	2	442,5	0,039	0,735
Печаль	6	Вытеснение	5	279,5	3	386,5	0,010	0,776
Радость	4	Проекция	8,5	550,0	10,5	116,0	0,037	0,172
Радость	4	Замещение	2	551,5	6	114,5	0,044	0,184
Среднее	3	Регрессия	5	575,5	8	90,5	0,048	0,146
Среднее	3	Проекция	9	575,0	11	91,0	0,045	0,141
Среднее	3	Замещение	2	576,5	8	89,5	0,055	0,157

Примечание: М – медианное значение признака; СР – сумма рангов признака; p – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних; AUC ROC – площадь под кривой ошибок.

Таблица 2 – Сравнительная статистика состояния личностной тревожности в зависимости от эмоциональной реактивности

Модальность эмоции	Сила эмоции	ОГ, n=28		КГ, n=6		p	AUC ROC
		М	СР	М	СР		
Печаль	4	43,0	535,0	37,5	60,0	0,044	0,768

Примечание: М – медианное значение признака; СР – сумма рангов признака; p – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних; AUC ROC – площадь под кривой ошибок.

Обнаружено, что испытуемые с низким уровнем ситуационной тревожности обладают низким уровнем эмоциональной реактивности модальности «печаль». Такая реакция объясняется работой защитных механизмов психики, направленных на поддержание хорошего настроения путем вытеснения тревожных переживаний.

На основании значения сырых баллов шкалы Гамильтона для оценки депрессии были рассчитаны частоты встречаемости в исследуемой выборке 3 градаций признака депрессии: «нет депрессии», «легкое депрессивное расстройство», «умеренное депрессивное расстройство». Полученные градации признака были сведены к бинарным значениям. Градацию «признака нет» составил признак «нет депрессии». Градацию «признак есть» составили «легкое депрессивное расстройство», «умеренное депрессивное расстройство». Сравнение проводилось по описанным выше правилам. Сравнительная статистика взаимосвязи признаков депрессии и эмоциональной реактивности приведена в таблице 3.

Обнаружено, что при наличии признаков депрессии усиливается экспрессия эмоций «страх», «печаль», «гнев» и средняя эмоциональная реактивность.

Состояние нервно-психической адаптации (НПА) оценивалось с помощью одноименного

теста И.Н. Гурвич. Для выполнения критериев применимости непараметрических методов исследования полученные градации признака были сведены к бинарным значениям. В новую градацию «признака нет» вошли: «здоровые», «оптимальная адаптация». Градацию «признак есть» составили: «непатологическая психическая дезадаптация», «патологическая психическая дезадаптация», «вероятно болезненное состояние». На основании новых данных были составлены четырехпольные таблицы для двух групп сравнения, которые формировались по правилам, описанным выше. Сравнительная статистика взаимосвязи состояния НПА и ЭР приведена в таблице 4.

Обнаружено, что при нервно-психической дезадаптации усиливается экспрессия эмоций «страх», «печаль» и растет средняя эмоциональная реактивность. Данное явление объясняется как особенностями понятия «нервно-психическая дезадаптация», которое по определению включает в себя признаки тревоги и депрессии, так и ослаблением защитных свойств психики, сопровождающимся повышением восприимчивости к негативным переживаниям.

Влияние эмоционального интеллекта на эмоциональную реактивность оценивалось с помощью методики «ЭМИн» в группах, давших в ходе клинической ролевой игры эмоциональную реакцию

Таблица 3 – Сравнительная статистика выраженности признаков депрессии в зависимости от эмоциональной реактивности

Модальность эмоции	Гнев		Страх		Печаль		Среднее	
	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Порог деления на группы	4		7		4		6	
Группы сравнения	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Признака нет	6	1	16	13	5	1	16	12
Признак есть	10	17	0	5	11	17	0	6
Частота встречаемости признака в КГ и ОГ, %	14,3	63,0	44,8	100	16,7	60,7	42,9	100
Точный критерий Фишера, одно-сторонний	0,027		0,031		0,058		0,014	
$p(\chi^2, df=1)$	0,021		0,022		0,050		0,011	
ϕ , у.е.	0,9		0,9		0,7		1,1	
Сила связи между фактором риска и исходом	очень сильная		очень сильная		сильная		очень сильная	
RR, у.е.	4,4		2,2		3,6		2,3	
95%ДИ RR, у.е.	0,7	27,7	1,5	3,3	0,6	22,3	1,5	3,6
Чувствительность, %	94,4		27,8		94,4		33,3	
Специфичность, %	37,5		100		31,3		100	
AUC ROC	0,712		0,797		0,738		0,732	

Примечание: $p(\chi^2, df=1)$ – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних на основании значения критерия согласия Пирсона со степенью свободы 1; ϕ – коэффициент сопряжения; RR – относительный риск; 95%ДИ RR – 95% доверительный интервал относительного риска; AUC ROC – площадь под кривой ошибок.

Таблица 4 – Сравнительная статистика состояния нервно-психической адаптации в зависимости от эмоциональной реактивности

Модальность эмоции	Страх		Страх		Печаль		Среднее	
	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Порог деления на группы	5		7		4		6	
Группы сравнения	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Признака нет	9	6	14	15	5	1	14	14
Признак есть	5	14	0	5	9	19	0	6
Частота встречаемости признака в КГ и ОГ, %	40,0	73,7	51,7	100	16,7	67,9	50,0	100
Точный критерий Фишера, односторонний	0,042		0,056		0,030		0,029	
$p(\chi^2, df=1)$	0,048		0,043		0,021		0,024	
ϕ , у.е.	0,7		0,7		0,9		0,9	
Сила связи между фактором риска и исходом	сильная		сильная		очень сильная		очень сильная	
RR, у.е.	1,8		1,9		4,1		2,0	
95%ДИ RR, у.е.	0,9	3,6	1,4	2,7	0,7	24,8	1,4	2,9
Чувствительность, %	70,0		25,0		95,0		30,0	
Специфичность, %	64,3		100		35,7		100	
AUC ROC	0,607		0,803		0,771		0,833	

Примечание: $p(\chi^2, df=1)$ – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних на основании значения критерия согласия Пирсона со степенью свободы 1; ϕ – коэффициент сопряжения; RR – относительный риск; 95%ДИ RR – 95% доверительный интервал относительного риска; AUC ROC – площадь под кривой ошибок.

Таблица 5 – Сравнительная статистика состояния эмоционального интеллекта пациентов в зависимости от интенсивности эмоциональной реакции модальности «страх» с порогом деления 5 баллов

Критерий сравнения	ОГ, n=18		КГ, n=17		U	Z	p
	M	CP	M	CP			
Внутриличностный ЭИ, с.б.	39,5	256,5	49,0	373,5	85,5	-2,2	0,027
Понимание эмоций, с.б.	40,5	257,5	47,0	372,5	86,5	-2,2	0,029
Общий ЭИ, с.б.	80,0	252,5	95,0	377,5	81,5	-2,3	0,019
Межличностный ЭИ (станайн)	5,0	264,0	6,0	366,0	93,0	-2,0	0,050
Внутриличностный ЭИ (станайн)	4,0	264,0	7,0	366,0	93,0	-2,0	0,050
Понимание эмоций (станайн)	4,5	259,0	6,0	371,0	88,0	-2,1	0,033

Примечание: M – медианное значение признака; CP – сумма рангов признака; n – величина выборки; U – критерий Манна – Уитни – Уилкоксона; Z – индекс стандартного отклонения, p – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних; с.б. – сырые баллы.

Таблица 6 – Сравнительная статистика развития абстрактного мышления пациентов в зависимости от интенсивности эмоциональных реакций

Модальность эмоции	Сила эмоции	ОГ, n=18		КГ, n=17		U	Z	p
		M	CP	M	CP			
Страх	5	9,0	254,0	11,0	376,0	83,0	-2,3	0,022
Печаль	5	9,0	390,5	12,0	239,5	65,5	-2,2	0,031
Радость	5	9,0	481,0	12,0	149,0	46,0	-1,8	0,076
Среднее	6	9,0	222,5	11,0	407,5	86,5	-2,2	0,031

Примечание: M – медианное значение признака; CP – сумма рангов признака; n – величина выборки; U – критерий Манна – Уитни – Уилкоксона; Z – индекс стандартного отклонения, p – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних.

различной интенсивности. Сравнение проводилось в двух группах, которые подбирались по описанной в начале раздела методике, с помощью U-критерия. Статистически значимых различий для эмоций модальностей «гнев», «печаль», «радость» и эмоциональной реактивности не выявлено. Для эмоций модальности «страх» зафиксированы различия на пороге деления 5 баллов. Результаты приведены в таблице 5.

Таким образом, сильная экспрессия эмоций модальности «страх» ассоциирована со сниженным общим эмоциональным интеллектом и его компонентами: межличностным и внутриличностным эмоциональным интеллектом и способностью к пониманию эмоций.

Влияние абстрактного мышления на эмоциональную реактивность оценивалось по методике «Выделение существенных признаков». Для вычисления использовались значения сырых баллов шкалы. ОГ и КГ формировались по вышеописанной методике. Сравнение проводилось с помощью U-критерия. Статистически значимые результаты приведены в таблице 6.

Интенсивная экспрессия эмоций модальностей «страх», «печаль», «радость» и эмоциональная реактивность в целом ассоциированы с более низким навыком выделения существенных при-

знаков, что говорит о том, что при низком уровне абстрактного мышления эмоциональная реактивность повышена.

Влияние алекситимии на эмоциональную реактивность оценивалось с помощью методики «TAS-20-R». На основании суммарного балла шкалы «TAS-20-R» были рассчитаны частоты встречаемости трех градаций признака «алекситимия» в виде «нет алекситимии», «возможна алекситимия», «выраженная алекситимия» в исследуемой выборке. Путем объединения признаков «возможна алекситимия» и «выраженная алекситимия» результаты были сведены в четырехпольные таблицы, на основании которых была рассчитана сравнительная статистика. Для эмоции модальности «гнев» статистически значимых различий выявлено не было. Для эмоций остальных модальностей и средней эмоциональной реактивности результаты приведены в таблице 7.

Таким образом, интенсивная экспрессия эмоций модальностей «страх», «печаль», «радость» и средняя эмоциональная реактивность ассоциированы с признаками алекситимии. Данный результат подтверждает полученные ранее выводы о том, что при сниженном уровне эмоционального и когнитивного развития эмоциональная реактивность повышена.

Таблица 7 – Сравнительная статистика частот встречаемости признаков алекситимии в зависимости от интенсивности и модальности эмоционального ответа

Модальность эмоции	Страх		Печаль		Радость		Среднее	
	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Порог деления на группы	5		5		5		6	
Группы сравнения	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ	КГ	ОГ
Алекситимии нет	10	4	7	7	5	9	11	3
Возможна алекситимия, выраженная алекситимия	7	14	3	18	1	20	8	13
Частота встречаемости признака в КГ и ОГ, %	41,2	77,8	30,0	72,0	16,7	69,0	42,1	81,3
Точный критерий Фишера, односторонний	0,026		0,025		0,026		0,018	
$p(\chi^2, df=1)$	0,027		0,022		0,017		0,019	
ϕ , у.е.	0,8		0,9		1,0		0,9	
Сила связи между фактором риска и исходом	очень сильная		очень сильная		очень сильная		очень сильная	
RR, у.е.	1,9		2,4		4,1		1,9	
95%ДИ RR, у.е.	1,0	3,5	0,9	6,4	0,7	25,2	1,1	3,4
Чувствительность, %	66,7		85,7		95,2		61,9	
Специфичность, %	71,4		50,0		35,7		78,6	
AUC ROC	0,706		0,710		0,802		0,707	

Примечание: $p(\chi^2, df=1)$ – вероятность принятия нулевой гипотезы о равенстве средних на основании значения критерия согласия Пирсона со степенью свободы 1; ϕ – коэффициент сопряжения; RR – относительный риск; 95%ДИ RR – 95% доверительный интервал относительного риска; AUC ROC – площадь под кривой ошибок.

Заключение. Воспроизведение эмоционально значимых ситуаций в клинической ролевой игре позволяет исследовать эмоциональную реактивность в эксперименте и выявить следующие ее особенности. Существует конфигурация психологических защит, которая способствует развитию тревожно-депрессивных расстройств. Высокая напряженность МПЗ «Проекция» и «Замещение» характеризуется усилением экспрессии страха, а напряженность МПЗ «Вытеснение» – усилением экспрессии печали.

Повышенный уровень тревожности, наличие признаков депрессии и нервно-психической дезадаптации способствуют усилению эмоциональной реактивности: наблюдается рост экспрессии эмоций модальностей «страх», «печаль», «гнев» и средней эмоциональной реактивности. Низкий уровень эмоционального интеллекта, абстрактного мышления и наличие признаков алекситимии способствуют усилению эмоциональной реактивности эмоций модальностей «страх», «печаль», «радость» и средней эмоциональной реактивности.

Литература

1. Виндекер, О.С. Дифференциальная психология: (прикладные аспекты): [учеб.-метод. пособие] / О.С. Виндекер; Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2016. – 76 с.
2. Алфимова, М.В. Эмоциональная реактивность при депрессивных расстройствах (аналитический обзор) / М.В. Алфимова, Т.С. Мельникова // Рос. психиатр. журн. – 2012. – № 2. – С. 30–39.
3. Способ выявления повышенной реактивности сердечно-сосудистой системы на эмоциональную нагрузку у пациента с эссенциальной гипертензией: пат. ВУ 21639 / П.С. Лапанов, С.А. Игумнов, Д.П. Саливончик, В.И. Бронский. – Оpubл. 28.02.2018.
4. Метод оценки чувствительности сердечно-сосудистой системы к интенсивным однократным психоэмоциональным воздействиям / П.С. Лапанов, Д.П. Саливончик, С.А. Игумнов, Н.Н. Куденьчук, К.В. Рожкова, Е.В. Лемешко // Утв. МЗ Республики Беларусь 25 апреля 2019 года, Рег. № 036-0419. – 31 с.
5. Нагрузочная психоэмоциональная электрокардиографическая проба: медицинская технология / П.С. Лапанов, С.А. Игумнов, Е.В. Гуткевич, Д.П. Саливончик, В.Ф. Лебедева, Н.Н. Куденьчук, К.В. Рожкова, Е.В. Лемешко, Е.М. Епанчинцева, Е.В. Лукьянова / под науч. ред. проф. С.В. Губкина (Республика Беларусь, Минск), проф. А.В. Семке (Российская Федерация, Томск). – Гомель; Минск; Томск, 2015. – 22 с.

Поступила в редакцию 16.12.2021

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Богатырёва Валентина Васильевна – ректор ВГУ имени П.М. Машерова, доктор экономических наук, профессор.

Богомаз Сергей Леонидович – заведующий кафедрой психологии ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат психологических наук, доцент.

Бондаренко Виталий Михайлович – доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин в туризме и гостеприимстве УО «БГУФК», кандидат юридических наук.

Бидзюра Екатерина Александровна – аспирант кафедры «Экономика и право» БНТУ.

Гущина Елена Александровна – магистрант кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Ивашкевич Елена Францевна – заведующий кафедрой истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Капусто Анна Владимировна – доцент кафедры аналитической экономики и эконометрики БГУ, кандидат физико-математических наук, доцент.

Ковалевская Татьяна Николаевна – ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения с курсом ФПК и ПК УО «ВГМУ».

Козак Маргарита Александровна – старший преподаватель кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова.

Костюкова Светлана Николаевна – заместитель заведующего кафедрой корпоративных финансов по профориентационной работе БГУ, кандидат экономических наук, доцент.

Лапанов Павел Сергеевич – соискатель Института психологии УО «БГПУ имени Максима Танка».

Медведская Елена Ивановна – доцент кафедры социальной работы УО «БрГУ имени А.С. Пушкина», кандидат психологических наук, доцент.

Позняк Константин Вячеславович – аспирант кафедры социальной и организационной психологии БГУ.

Сташевская Мария Петровна – аспирант кафедры «Экономика и право» БНТУ.

Турковская Елена Веславовна – доцент кафедры мировых языков ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Турковский Веслав Иосифович – доцент кафедры педагогики ВГУ имени П.М. Машерова, кандидат педагогических наук, доцент.

Турковский Станислав Ромуальдович – аспирант РЭУ имени Г.В. Плеханова.

Циркунова Наталья Ивановна – старший преподаватель кафедры психологии ВГУ имени П.М. Машерова.

Чеговадзе Людмила Алексеевна – профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор.

Черевко Николь Сергеевна – выпускница БГУ.

Шевцов Андрей Владимирович – аспирант кафедры психологии УО «БрГУ имени А.С. Пушкина».

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Bogatyreva Valentina Vasilyevna – Rector of Vitebsk State P.M. Masherov University, Dr.Sc. (Economics), Professor.

Bogomaz Sergei Leonidovich – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology, PhD (Psychology), Assistant Professor.

Bondarenko Vitali Mikhailovich – Belarusian State University of Physical Education Department of Social and Humanitarian Disciplines in Tourism and Hospitality Assistant Professor, PhD (Law).

Bidziura Ekaterina Aleksandrovna – Belarusian National Technical University Department of Economics and Law Postgraduate Student.

Gushchina Elena Aleksandrovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology Master Student.

Ivashkevich Elena Frantsevna – Head of Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law, PhD (Education), Assistant Professor.

Kapusto Anna Vladimirovna – Belarusian State University Department of Economics and Econometrics Assistant Professor, PhD (Physics and Mathematics), Assistant Professor.

Kovalevskaya Tatyana Nikolayevna – Vitebsk State Medical University Department of Public Health and Health Protection Assistant.

Kozak Margarita Aleksandrovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of History and Theory of Law Senior Lecturer.

Kostiukova Svetlana Nikolayevna – Deputy Head in Charge of Career Advising of Belarusian State University Department of Corporate Finance, PhD (Economics), Assistant Professor.

Lapanov Pavel Sergeevich – Belarusian State Pedagogical Maxim Tank University Institute of Psychology Applicant.

Medvedskaya Elena Ivanovna – Brest State A.S. Pushkin University Department of Social Work Associate Professor, Associate Professor, PhD (Psychology).

Pozniak Konstantin Viacheslavovich – Belarusian State University Department of Social and Organization Psychology Postgraduate Student.

Stashevskaya Mariya Petrovna – Belarusian National Technical University Department of Economics and Law Postgraduate Student.

Turkovskaya Elena Veslavovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of World Languages Assistant Professor, PhD (Education), Assistant Professor.

Turkovski Veslav Iosifovich – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Pedagogical Science Assistant Professor, PhD (Education), Assistant Professor.

Turkovski Stanislav Romualdovich – Russian Economic G.V. Plekhanov University Postgraduate Student.

Tsirkunova Nataliya Ivanovna – Vitebsk State P.M. Masherov University Department of Psychology Senior Lecturer.

Chegovadze Liudmila Alekseevna – Moscow V.Ya. Kikot University of Ministry of Internal Affairs of Russia Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure Professor, Dr.Sc. (Law), Professor.

Cherevko Nikol Sergeevna – Belarusian State University Graduate Student.

Shevtsov Andrei Vladimirovich – Brest State A.S. Pushkin University Department of Psychology Postgraduate Student.

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Научно-практический журнал «Право. Экономика. Психология» публикует статьи, посвященные правовым проблемам всех направлений, актуальным аспектам в области экономики и психологии, обзорные научные материалы, сообщения, рецензии и др. Главными критериями целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. В первую очередь публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, которые подготовлены ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным публикациям издания.

Требования к оформлению статьи:

1. Рукописи статей предоставляются на белорусском, русском или английском языке.

2. Каждая статья должна содержать следующие элементы:

- индекс УДК;
- название статьи;
- фамилия и инициалы автора (авторов);
- организация, которую он (они) представляет (-ют);
- введение;
- раздел «Материал и методы»;
- раздел «Результаты и их обсуждение»;
- заключение;
- список использованной литературы.

3. Название статьи должно отражать ее суть, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью.

4. Во введении дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и аргументируется цель, даются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

5. Раздел «**Материал и методы**» включает описание объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами), а также методики исследований и технических средств.

6. В разделе «**Результаты и их обсуждение**» автор должен проанализировать полученные результаты с точки зрения их научной новизны и сопоставить с соответствующими известными данными. Этот раздел может делиться на подразделы с пояснительными подзаголовками.

7. В **заключении** в сжатом виде должны быть сформулированы полученные выводы, указывающие на достижение поставленной цели, новизну и возможность применения на практике.

8. Список **литературы** должен включать не более 20 ссылок. Ссылки нумеруются в соответствии с порядком их цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2]. Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТа 7.1-2003. Ссылки на нео-

публикованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию.

9. Статьи сдаются в редакцию в одном экземпляре объемом не менее 0,35 авторского листа (14 000 печатных знаков, с пробелами между словами, знаками препинания, цифрами и др.), напечатанного через один интервал, шрифтом Times New Roman, размером 11 пт. В этот объем входят текст, таблицы, список литературы. Рисунки и схемы должны подаваться отдельными файлами в формате jpg. Статьи должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows.

10. В дополнение к бумажной версии статьи в редакцию сдается электронная версия материалов. Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными. Адрес электронной почты университета (nauka@vsu.by).

11. К статье прилагаются следующие материалы:
– реферат (200–250 слов), который должен полно передавать содержание статьи, быть годным для публикации в аннотациях к журналам отдельно от статьи. Он должен иметь следующую структуру: введение, цель, материал и методы, результаты и их обсуждение, заключение;

– ключевые слова на языке оригинала;
– название статьи, фамилия, имя, отчество автора (полностью), место работы, реферат и ключевые слова на английском языке;

– номер телефона, адрес электронной почты автора;

– рекомендация кафедры (научной лаборатории) к печати;

– экспертное заключение о возможности публикации материалов в открытой печати.

12. Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательной проверке на оригинальность и корректность заимствований системой «Антиплагиат.ВУЗ». Для оригинальных научных статей степень оригинальности должна быть не менее 85%, для обзоров – не менее 75%.

13. По решению редколлегии статья отправляется на рецензию, затем визируется членом редколлегии журнала. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята в печать. Переработанный вариант статьи вновь рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

14. Отправка в редакцию ранее опубликованных или принятых в печать другими изданиями работ не допускается.

15. Ответственность за приведенные в материалах факты, содержание и точность информации несут авторы.

INSTRUCTIONS TO THE AUTHORS

Scientific and practical journal “**Law. Economics. Psychology**” publishes articles on legal issues in all directions, topical aspects of economics and psychology, survey research materials, reports, reviews, etc. The main criteria for the feasibility of the publication are novelty and originality of the article. We publish out of turn scientific articles of the final year post-graduates (including articles, which are prepared by them in co-authorship), provided that they fully comply with the requirements applied to scientific publications.

Requirements for submitting the articles

1. Manuscripts are available in Belarusian, Russian and English.

2. Each entry must contain the following elements:

- UDC index;
- title of the article;
- surname and initials of the author (s);
- represented organization;
- introduction;
- section “Materials and Methods”;
- section “Results and Discussions”;
- conclusion;
- bibliography.

3. The title of the article should reflect its content, be concise, contain keywords that will index the article.

4. The introduction provides a brief overview of the literature on the issue, indicated previously unsolved questions, formulated and argued objective, reference to the work of other authors in recent years, as well as foreign publications.

5. Section “**Materials and Methods**” includes description of the objects and the content of the research conducted by the author (authors), as well as research methodologies and techniques.

6. In section “**Results and discussions**” the author analyzes the results in terms of their scientific novelty and compared with the corresponding known data. This section can be divided into subsections with explanatory subtitles.

7. In section “**Conclusion**” must be formulated compressed results which point the achievement of the assigned task, the novelty and the possibility of practical application.

8. **References** should include no more than 20 references. References are numbered in the order of their citation in the text. Serial numbers of links are written in square brackets by the scheme [1], [2]. References are made in accordance with the requirements of State Standard 7.1-2003. References to unpublished works and dissertations are not allowed. Full names of the copyright certificate and the deposited manuscript are indicated,

as well as the name of the organization that has brought the manuscript to depositing.

9. Article are submitted in a single copy of not less than 0,35 copyright page (14 000 printed characters, including spaces between words, punctuation marks, numbers, etc.), single-spaced, font Times New Roman, size 11 pt. This volume includes the text, the tables, and the references. Drawings and diagrams must be submitted as separate files in a jpg format. Papers should be prepared in Word for Windows

10. In addition to the paper version of the article it is necessary to submit the electronic version of the material. The electronic and the paper versions should be identical. The electronic version should be sent to the email address of the University (nauka@vsu.by).

11. The article should be accompanied by the following materials:

- abstract (200–250 words), which should fully reproduce the content of the article, be fit for publication in the annotations to the journals separately from the article. It should have the following structure: introduction, objective, material and methods, results and discussion, conclusions;

- key words in the original language;

- name of the article, surname and name of the author (in full), place of employment, abstract and key words in English;

- the author's phone number, e-mail address;

- recommendation of the department (scientific laboratories) for printing;

- expert opinion on the possibility of publishing in the press.

12. All articles submitted to the editorial office of the journal are subject to mandatory verification of originality and correctness of borrowings by the Antiplagiat. VUZ system. For original scientific articles the degree of originality should be at least 85%, for reviews – at least 75%.

13. By the decision of the Editorial Board the paper is sent for review, and then initialed by a member of the Editorial Board. If the article is returned to the author for revision it does not mean that it is accepted for publication. A revised version of the article should be reviewed by the Editorial Board. The submission date is the date when the final copy the articles is given to the Editorial Board.

14. Submission of articles previously published or accepted for publication in other editions is not allowed.

15. The authors carry responsibility for the facts provided in the articles, the content and the accuracy of the information.

Подписано в печать 24.02.2022. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,09. Уч.-изд. л. 10,49. Тираж 100 экз. Заказ 14.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/255 от 31.03.2014.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».
210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.

При перепечатке материалов ссылка на журнал «Право. Экономика. Психология» обязательна.